

Л. БЕЛОУСОВА • О. ПРОТОПОВ

ЗОЛОТЫЕ КОНЬКИ С БРИЛЛИАНТАМИ

ЛЮДИЛА БЕЛОУСОВА • ОЛЕГ ПРОТОПОВ

Л. БЕЛОУСОВА О. ПРОТОПОПОВ

ЗОЛОТЫЕ КОНЬКИ С БРИЛЛИАНТАМИ

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ
МОСКВА 1971

7A43
Б—43

$\frac{6-9-1}{24-70}$

Людмила Белоусова и Олег Протопопов — чемпионы многих премьер фигурного катания на коньках; их спортивные выступления поднимаются до уровня настоящего искусства. Фигуры, созданные этим дуэтом, подобны фрагментам классического балета, а лиризм, удивительная пластичность и тонкая музыкальность, продуманность поз и жестов, замечательная синхронность — все это выходит за рамки спорта, способствует цельности впечатления.

Сочетание искусства и спорта таит в себе неисчерпаемые возможности: сила и красота, ловкость и композиционная завершенность превращают их выступления в концертный номер. Это

не просто набор обязательных движений для соревнований. Это красивое балетное адажио на коньках.

Искусство и спорт. Именно благодаря такому союзу Людмила и Олег сумели не только стать первыми на европейских, мировых чемпионатах и олимпийских играх, но и, что самое главное, выработать свой определенный творческий почерк, принесший им „все золото мира“ и заслуженное признание миллионов почитателей спорта и искусства.

Майя ПЛИСЕЦКАЯ

От авторов

Нам было трудно приниматься за эту книгу. Никак не могли решиться. Хотя и понимали, что она совершенно необходима. Прежде всего для нас самих, ибо столько накопилось воспоминаний, впечатлений, мыслей за те годы, которые мы оба прожили в фигурном катании! Нам было уже нелегко держать их «под замком».

Мы уверены, что, доверяя их читателям, мы тем самым облегчаем жизнь и себе, приобретая еще большую творческую ясность, находя в своем же прошлом новые пути вперед.

Нам казалось вначале, что будущая книга должна подвести полный итог нашему творческому пути. Что она связана с последним финишным броском на длинной спортивной дистанции, с финишным броском, после которого перестанешь думать о новых стартах.

А поскольку мы приняли твердое решение выступать до тех пор, пока сможем выступать достойно, пока еще образы наших будущих композиций тревожат душу и постоянно посещают нас, беспокоя и будоража фантазию, — отважиться на книгу мемуаров было трудно.

Тем более что короткий перерыв между сезонами тает просто на глазах. И не так уж много остается времени на что-нибудь другое, кроме учебы. Спорт ведь нынче «не читки требует с актера, а полной гибели всерьез».

И все-таки мы взялись за перо.

Вернее, каждый день, выбрав свободную минутку, мы усаживались перед своим рабочим магнитофоном и начинали рассказывать самим себе о тех далеких днях, когда мы встретились впервые, о том, как учились понимать друг друга и как учились понимать фигурное катание. Это был совершенно откровенный и честный диалог, это были монологи без утайки, которые мы затем «перевели» на бумагу и теперь предоставляем вашему вниманию.

Мы встречались с вами, читатели, не раз.

Вы знаете нас по ледяной арене.

И мы тоже достаточно отчетливо представляем себе вас. И свое творчество всегда посвящаем только вам, потому что без огромного зала, без тысяч людей, без всей этой волнующей обстановки наше мастерство осталось бы чересчур спокойным, осталось бы техникой в себе.

У нас с вами много общего. Мы чувствуем, любим, работаем, учимся, боремся так же, как и вы. И поэтому нам легко найти с вами общий язык. И если бы в один прекрасный день мы увидели, что это не так, — это было бы самым страшным нашим поражением...

В этом обращении к вам мы ничего пока не говорим о фигурном катании, о нашей к нему всегда острой, всепоглощающей любви. Об этом вы прочитаете на каждой странице книги, которая открывается перед вами.

**Глава, в которой рассказывается
об одном детском воспоминании,
ставшем для нас общим**

Олег:

— Я опускаю глаза.

Ледяные просторы катка мгновенно окружают меня. Я попадаю к ним в плен.

Снежная пороша — печальный след резкого торможения — делает отблеск прожекторов матовым. Кажется, что солнце пробилось сквозь мглу и его рассеянные лучи, не оставляя резких теней, отражаясь и снова возвращаясь, чтобы повторить свой бесконечный путь между сводами зала и льдом, заполняют все вокруг.

Много лет назад, выйдя на одну из тренировок, я поймал себя на том, что вспоминаю — отчетливо, зримо, совершенно рельефно — об одном из дней своего детства. С тех пор я часто воскрешаю в памяти тот далекий военный день, чтобы найти в нем какие-то дополнительные силы, создать настроение, которое должно сопровождать меня во время выступления.

Для нас с Людмилой это воспоминание стало общим.

Людмила говорила мне, что иногда и она попадает в осажденный Ленинград, бредет по заснеженным улицам, закрывается от злых костистых снежинок и никак не может согреться...

Да, в тот день я шел по улице, снег с которой не убирали всю зиму. Огромные сугробы превратили ее в глубокую траншею. Бесконечные полосы от детских санок создавали ложное мирное впечатление. Но закопченный снег, но опаленные стены домов, но следы разрывов сна-

рядов и изможденные лица людей, на которых я смотрел снизу вверх и не мог увидеть их ввалившихся глаз, немедленно отгоняли прочь любую иллюзию. (Впрочем, это теперь я так хорошо понимаю, почему бежали прочь иллюзии, а тогда я воспринимал весь этот окружавший меня ужас как нечто закономерное, цельное, неизбежное, с чем я мог и должен был бороться и боролся, гася «зажигалки» и помогая матери в госпитале ухаживать за ранеными.)

Улица казалась мне бесконечной. Но я должен был ее пройти всю — до самого конца. Потому что в самом конце ее был госпиталь, где работала мама.

Мы стоим вдвоем. На кухне. Между двумя дверьми.

Она вытирает снежные мои слезы, ее теплые ладони остро пахнут лекарствами. Но я чувствую запах хлеба. За маленьким кусочком этого хлеба, который мама каждый раз сберегала для меня, я и пришел в этот дом.

В тот день я случайно попал в палату, где раньше не бывал.

Матери моей очень не хотелось, чтобы меня заметил главный врач госпиталя, человек очень суровый, — а он как раз делал обход. И она меня завела в первую попавшуюся палату, а сама убежала на вызов больного.

В комнате, где я спрятался за чуть теплую печку, шесть кроватей своими решетками-спинками образовали непреодолимую преграду. Она была воздвигнута между мной и сереющими окнами, между мной и теми, кто лежал в кроватях. Лежали беззвучно. Без движения. Почти без дыхания.

Мне стало страшно.

Потом я увидел, как тонкая рука высунулась из-под одеял и ватных матрасов и слабым, но чрезвычайно уверенным жестом позвала меня к себе. Я сделал несколько шагов и увидел лицо — бледное, скуластое, может быть, веснушчатое, а может, просто покрытое какими-то пятнышками. Лицо молодое и старое одновременно. Увидел

темные запавшие глаза. Взгляд — изучающий и спокойный.

— Ну, здравствуй, мальчик! Как тебя зовут?

Я был один. Их было шестеро.

Им было трудно разговаривать.

Они уже много дней видели только белые потолки и стены, покрытые инеем. Свет еле проникал через стекла...

А я в эти дни дышал горьковатым дымом ленинградских пожарищ. Искал осколки снарядов и бомб. Двигался, голодал, но мог видеть и чувствовать окружающий мир.

Теперь я понимаю, что был для них посланцем этого мира. Во мне и в моей не очень-то связной речи они искали то, что оставили за стенами госпиталя. Может быть, им стало немножко легче. Во всяком случае, я до сих пор тешу себя этой мыслью.

Я быстро познакомился с ними.

Шестеро молодых ленинградских ученых. Шестеро изможденных, доработавшихся до глубоких обмороков...

Я не помню ваших имен. Но я на всю жизнь запомнил ваши лица. Ни я, ни Людмила не забудем вас никогда.

Вы все погибли, но для меня и сегодня вы живые.

Вы научили меня человечности. Я перед вами в неплатном долгу.

Вы уже не прочтете этих строк. Но если бы вы могли прочитать, вы бы узнали, что я помню все. Я помню маленькие блюдечки с супом-затирухой. Помню, как сестра чуть-чуть приподнимала каждого из вас, чтобы дрожащая рука не расплескала по пути ни капельки. Я помню пайки хлеба — тяжелого, влажного хлеба — и крохотные довески, приколотые спичками к ним.

— Сестричка, еще бы блюдечко.

По чайной ложке супа — в седьмое блюдец!

И маленькие довесочки хлеба — туда же!

На, Олег, голодный мальчик из ленинградской блокады, ешь, живи, расти!

Вкус того хлеба — кисловатого, липкого — одно из самых живых ощущений детства...

Вот почему все свои программы мы создаем для тех, кто умеет что-то дарить людям. Помогать им. Выручать.

И, выходя на лед, собираясь в единый могучий комок мышц и нервов, мы с Людмилой думаем о тех шестерых истощенных ленинградцах, которые накормили меня в далекий зимний день 1942 года.

Я не случайно подробно рассказываю об этом эпизоде из своего детства. Хотя тяжелых воспоминаний о тех временах у меня хоть отбавляй. Я видел, как горели Бадаевские продовольственные склады, место расположения которых выдали немецким бомбардировщикам шпионы, и как тонул в Ладожском озере грузовик с несколькими десятками мальчишек и девчонок, которых, так же как и меня, эвакуировали из Ленинграда по «дороге жизни». Словом, видел многое. Но все-таки тот случай в госпитале остался во мне. Ниточки от него протянулись через всю мою жизнь, вначале только ко всем моим, а затем и нашим общим с Людмилой поступкам и решениям. Это имело и самое первостепенное значение для нашего понимания спорта, для нашей «спирали жизни» на ледяной арене.

* * *

В нашей прессе, на различного рода совещаниях много говорят о психологии спортивной борьбы, о «необходимости воспитания волевых спортсменов», о психологической подготовке к каждому соревнованию. И зачастую забывают, что и у спортсменов было детство, что корни очень многих психологических срывов или неудач надо искать в событиях многолетней давности.

Часто ли у нас тренеры расспрашивают спортсменов об их детстве?

Часто ли они интересуются их сугубо детскими воспоминаниями?

**Глава, в которой мы поочередно расскажем о том,
как начиналось для нас фигурное катание
попутно изложив свою точку зрения
на «проблему возраста» в спорте**

Олег:

— Улицы зимой тогда не чистили, снег укатывался, становился твердым, как лед. И для нас, мальчишек, улица была первым и самым заманчивым катком.

Днем и вечером мы выходили «на охоту». Грузовиков тогда было гораздо меньше, чем сейчас. «Полуторки», «ЗИСы», прошедшие фронтовые дороги, не очень-то спешили теперь на улицах Ленинграда. И мы, прикрутив старые «гаги» на валенки (мои ровесники помнят, наверное, это нехитрое крепление из веревок и палок), догоняли машины и цеплялись за них.

Это было большое удовольствие. Машины вмиг обрастали гроздьями мальчишек, шоферы ругались беззлобно и даже притормаживали, чтобы кто-нибудь из нас не угодил под колесо.

Как сейчас помню: быстрый разбег, я рядом с бортом — раз! — крюк цепляется за борт, рывок — и наступает блаженный миг.

Я кричу от радости. Рот забивает встречным ветром. Голос дрожит: а-а-а-а... Тело трясет на бесконечных буграх и бугорках (на плохом льду мы так и говорим: едешь как по мостовой).

Длинный-предлинный шаг, растянутый на десятки метров... Легкость... Твердость ноги и крепость руки... Точный расчет... Смелость, наверное... И риск...

Ну ладно, не надо сегодняшних мальчишек учить тому, что не положено. Уж им-то на дорогах гонять ни к чему, нынче и катков полным-полно в каждом парке и даже при домоуправлениях, да и искусственных катков все больше становится. Так что теперь романтичным считается, наверное, попасть в секцию, настоящую спортивную секцию, которая тренируется на искусственном льду.

За машинами я катался на коньках очень долго.

И катался бы еще дольше, если бы в пятнадцать лет не решил всерьез заняться музыкой. Во время гастролей с концертными бригадами моя мама Агния Владимировна, профессиональная балерина, часто брала меня вместе с собой. Музыканты говорили, что у меня есть способности. И вот однажды я отправился во Дворец пионеров, чтобы поступить в музыкальный кружок по классу рояля. И не прошел. Сказали, что нет слуха.

Страшно огорченный, шел я домой и случайно забрел в сад при Дворце пионеров, где вокруг клумбы по узкой дорожке катались фигуристы.

Не помню, кто тогда катался.

Помню только, как встретила меня мой будущий первый тренер Нина Васильевна Леплинская.

Тощий белобрысый парень стоял перед молодой женщиной и смотрел на нее умоляюще: я все буду делать, только примите меня...

Чувствуя себя совершенно несчастным после неудачи в музыкальном кружке, я просто не мог себе представить, что услышу еще раз «нет».

Нина Васильевна сказала:

— Ну что ж, приходи. Я вижу, что ты отчаянный и смелый. Посмотрим, чему ты успел научиться сам.

Занятия проводились вечером. В саду горели фонари, и в их свете узкие ледяные дорожки были по-домашнему уютными. Я катался на хоккейных коньках и пытался повторять то, что делали другие ребята, в том числе и вращение на носке конька.

Один раз вышло. Нина Васильевна улыбнулась и сказала, что я молодец и что мне отныне просто противопоказаны гонки за машинами на улицах. И еще сказала она, что мне нужны фигурные коньки.

Фигурные коньки в то послевоенное время были большой редкостью. Но Нина Васильевна достала мне их. Правда, ботинки были на два номера меньше моего размера. Но я разносил их и был счастлив. Нина Васильевна так и не узнала, что они были мне малы.

Едва-едва я стал приобщаться к фигурному катанию, как меня призвали в армию. Служил на флоте. Лишь урывками получал возможность потренироваться. Конечно, служба мне дала многое, она научила меня строгому самоконтролю, самодисциплине. Но время шло, и, казалось, надо оставить мечты о высоком мастерстве фигуриста, переключиться на что-нибудь более доступное двадцатилетнему парню.

Некоторые тренеры так и советовали мне сделать.

— Фигурное катание — это для совсем еще юных, — говорили они. — В твоем возрасте и восприятие уже не то, и на освоение техники времени требуется ох как много. Тебе его всегда будет не хватать...

Я им не верил. И сейчас не верю, что только юным фигуристам открыта дорога в большой спорт.

... Вернувшись с флота, я начал тренироваться намного больше. Стал надежным перворазрядником-одиночником. После этого я мог уже задуматься над своей дальнейшей спортивной судьбой.

Людмила:

— Заниматься по-настоящему фигурным катанием я решила... в шестнадцать лет. Сейчас об этом говорить смешно. Сейчас, если вы какому-нибудь тренеру скажете, что у вас есть знакомая девушка шестнадцати лет, влюбленная в фигурное катание, что эту девушку надо устроить в секцию, тренер этот даже разговаривать не захочет.

В 1951 году положение хоть и не было таким, как сей-

час, но мучиться с великовозрастной (по словам человека, который меня принимал в секцию) девицей никто не имел желания.

Я посмотрела австрийский фильм «Весна на льду». Кино, как известно, иногда оказывает влияние просто невероятное. А тут я увидела зрелище и красочное, и спортивное. В спорт я была влюблена (гимнастика, теннис, бег на коньках давались мне очень легко), так же, впрочем, как и в танцы. И я решила: буду фигуристкой.

В детстве мечтала стать балериной. Я боялась одна идти в Дом пионеров, чтобы записаться в хореографический кружок. Маме же было некогда. Подговорила подружку Киру Коробейникову, и мы отправились искать свое счастье. Но, увы, этот кружок был переполнен, и нам предложили драматический. Мы решились. Сейчас я уже не помню названия пьесы, в которой играла. На мою долю выпало быть «мягким знаком», примазывавшимся к слову «малыш». Это был мой первый выход на сцену. Но меня изгнали из этого слова, и я больше ничего не пыталась играть: мне было неинтересно, мне хотелось танцевать.

В этом «жанре» я имела большой успех. С той же самой подругой Кирой Коробейниковой мы исполняли детский танец «Светит месяц». Раненые солдаты, перед которыми мы выступали в госпиталях, всегда тепло принимали детей.

Это было в Ульяновске. Здесь же я узнала, что кроме лыж зимой можно кататься на коньках. Я достала ржавые коньки «английский спорт», и для меня было огромным счастьем, привязав веревками эти железные полоски к валенкам, выйти на утрамбованный снег.

В общем, впервые я узнала, что такое коньки, зимой 1945 года. А в 46-м в Москве уже был настоящий каток, и коньки мои были приклепаны к старым маминым ботинкам. Ботинки были велики, и ноги приходилось оборачивать газетами. Но я обо всем забывала, когда вливалась

в поток конькобежцев. Была музыка, был свет, была скорость...

В 1951 году в Москве построили первый в Советском Союзе искусственный каток. Он принадлежал парку Дзержинского района. Я решила поступить в детскую группу фигуристов. Меня встретил добродушный полный человек. «Принимаю всех, приходи с коньками», — весело сказал он.

На следующий день я была на льду. Тот же самый человек предложил: «Поезжай за мной по кругу». (Посмотрев, как легко он скользит, я решила: «Это очень просто». Но тут же изменила свое мнение, так как меня сразу же с дуги вынесло на прямую.) Имя этого человека — Самсон Вольфович Глязер. Я начала приходить на его занятия. С ним было интересно. Он показывал разные шаги и повороты, и приходилось думать, как это он делает.

Через месяц пришла из отпуска Лариса Яковлевна Новожилова, и все старшие ребята перешли к ней.

Я благодарю свою судьбу, что встретила и познакомилась с замечательным тренером Ларисой Яковлевной Новожиловой. Есть такие люди: чемпионов они не растят, ну, не хватает им каких-то знаний, или терпения, или просто характера, потому что доведение спортсмена до наивысших кондиций требует прямо-таки стального характера, а Лариса Яковлевна — милая, добрая, мягкая женщина.

Но глаз у нее был зоркий.

Дай бог, чтобы у всех тренеров был такой безошибочный глаз.

Лариса Яковлевна открыла многие таланты для фигурного катания.

И в меня она поверила сразу. Хотя я еще ничего собой не представляла. Просто была очень старательной, терпеливой и влюбленной в фигурное катание, в своего первого тренера, в тот новый мир, который мне открылся.

Олег:

— Значит, если бы не случайность, если бы не встреча с Глязером и с Новожиловой, если бы ты попала к другому тренеру — менее внимательному и наблюдательному, значит, не было бы нашей пары?

Людмила:

— Не знаю, что было бы. Конечно, трудно себе признать, что случайности сыграли в нашей спортивной жизни такую огромную роль. Но тем не менее это так. И это обидно еще потому, что десятки отличных ребят проходят мимо тренеров незамеченными. И винить в этом только самих тренеров нельзя. Они обязаны регулярно выдавать «на-гора» продукцию мастеров, разрядников... Где уж тут возиться с «переростком» или болезненным ребенком!..

* * *

Итак, мы оба пришли в фигурное катание в возрасте далеко не детском. Столь поздняя спортивная специализация является исключением. В наше время, по крайней мере.

Но — обратите внимание — как быстро стареют те, кто рано созрел в спорте. 14 лет мальчишке или девчонке, а им уже говорят: «Бесперспективны!». Вполне возможно, что действительно для большого спорта, для его сложнейших испытаний они не подойдут. Но почему заключения должны быть столь категорическими?

Мы часто задумываемся: откуда берутся в нашем спорте маленькие «старички»? Куда девалась юная непосредственность спортсменов? Почему так много в них расчетливости, сухости? Почему исчез искрящийся налет игры на всех этих тренировках, в особенности у детей?

Спортсмен обязан принимать самое активное участие в творческом процессе создания новых программ. Но как часто совсем юные исполнители вообще не готовы к восприятию тренерских указаний! Им еще надо развивать

и развивать свой вкус, они и в музыке-то как следует разбираться не научились и готовы кататься под любую «пиесу», а им даются задания, с которыми и зрелый артист балета не всегда справится.

Словом, если бы у нас спросили, за что же стоим мы, ответ был бы таков: за раннюю специализацию и постепенное, без всякого форсирования, созревание талантов, даже если оно требует многих лет неустанной работы.

«Спеши медленно» — говорили древние римляне. И мы повторяем: спешите медленно, юные фигуристы и тренеры!

Глава о некоторых давних случайностях, ставших для нас счастливыми

Иногда мы задаем себе вопрос: «А что было бы, если бы...».

Ну, скажем, а что было бы, если бы в один прекрасный осенний день 1954 года Олег совершенно случайно не приехал в Москву на третьеразрядный тренерский семинар, проводившийся на первом тогда в стране искусственном ледяном «пяточке»?

Олег:

— Это была для меня совершенно неожиданная поездка. Просто руководителям ленинградской секции фигурного катания некого было послать на семинар. Я в то время ни о какой тренерской деятельности и не помышлял. Но в Москву съездить очень хотелось. Тем более, что я еще служил на флоте, и сами знаете, каково приходится матросу...

Молодых людей на этом семинаре было всего двое: Люда и я.

Кажется, это тоже случайность.

Людмила:

— Конечно. Но, учтите, в отличие от Олега я в то время уже была общественным инструктором юных фигуристов в парке имени Дзержинского в Марьиной роще. Сама тренировалась в старшей группе и, кроме того, помогала малышам.

Итак, нас было только двое молодых людей на том семинаре. И каждый раз, когда надо было проиллюстрировать какой-нибудь прием, наши коллеги, люди уже

весьма солидного возраста, поглядывали на нас. Повторяем, мы абсолютно не думали ни о каком катании вместе. Просто выступали в роли демонстраторов тех или иных элементов.

Но и сказать о том, что мы не были знакомы с парным катанием, что не думали в то же время именно о катании в паре с каким-нибудь еще неизвестным нам партнером или партнершей, — тоже нельзя.

Олег:

— Между прочим, в 1953 году я уже был призером первенства страны в парном катании. Чудеса по нынешним временам. А тогда и пар-то на чемпионате было всего три.

Я, конечно, не собирался выступать ни на каком первенстве. Не был к этому готов. Но команде Ленинграда нужен был зачет.

Вместе с Маргаритой Богоявленской мы тренировались две недели. Помогал нам первый номер команды Игорь Москвин, выступавший в паре с Майей Беленькой. Думал ли я тогда, что через десять лет судьба меня снова сведет с Москвиным и что мы какое-то время будем идти вместе к победам, о которых и мечтать в 1953 году было невозможно.

К Москвину относился с обожанием. (Когда я только пришел в кружок фигурного катания, Москвин, который тоже начинал свой путь у Н. В. Леплинской, был у нас уже корифеем.) Помню, когда ему надо было отработать «кораблик», я считал высочайшей для себя честью пробуксировать его за руку в этом «кораблике» вокруг клумбы в саду ленинградского Дворца пионеров, где заливалась для нас ледяная дорожка.

Первенство СССР 1953 года проводилось в Ярославле.

В Ленинград я привез диплом, подтверждавший, что Протопопов Олег Алексеевич занял на чемпионате Советского Союза третье место в парном катании по разряду мастеров спорта (без выполнения норматива).

Ребята, служившие на одном со мной корабле, приходили посмотреть на этот диплом. А старшины, первые люди на флоте, преисполнившись уважения к третьему призеру, охотнее соглашались отпускать меня на тренировки и соревнования.

Ах, если бы они знали, что на чемпионате было всего-навсего три пары!

Но не будь этого чемпионата и не потребуйся команде вторая пара, вполне возможно, что я никогда не стал бы думать о парном катании вообще...

Людмила:

— А я довольно регулярно тренировалась в паре. Партнером у меня был Кирилл Гуляев. Спокойный, рассудительный, казалось бы, совершенно лишенный всякого темперамента парень. Ничто не могло расшевелить его. И тренировались мы ни шатко ни валко. Но другого партнера у меня не было.

А тут я осталась и без этого. Пришел Кирилл и сказал, что с фигурным катанием он кончает: надо учиться, надо заниматься серьезным делом, а спорт его отвлекает. Спорить с ним я не стала. Ну, что делать, буду пока выступать в одиночном разряде.

Словом, к началу этого семинара я оказалась совершенно свободной.

Олег:

— К этому времени был совершенно свободен от всяких обязательств и я...

И вот, помнится, мы впервые очутились вдвоем на катке.

Тесном, крохотном, даже разогнаться невозможно: 9×9 метров.

Какая-то группа фигуристов не пришла на тренировку. Образовалось «окно». И тогда кто-то из нас предложил покататься (снова, как видите, случайность — никто ведь не мог знать, что группа не придет на тренировку и мы сможем спокойно «постоять» на льду).

Каток был настолько мал, что на нем трудно было не встретиться. Мы разбежались и чуть не столкнулись. Чтобы не упасть и не выскочить на доски, мы вынуждены были схватиться друг за друга и по инерции начали вращение. Первое наше парное вращение!

Потом перевели дух и попробовали уже специально сделать вместе «ласточку». И когда она получилась удачно, когда мы почувствовали ее прочность, какое-то шестое чувство подсказало, что мы непременно будем кататься вместе. Мы еще не знали, получится из нас пара или нет. Мы ничего не знали. Мы только очень хотели, чтобы получилась, и очень верили в то, что при желании все может получиться. Мы были и остались навсегда мечтателями. И не жалею об этом.

На катке совершенно случайно очутился в тот день отец известной впоследствии фигуристки Ирины Голощаповой. Он не был специалистом в фигурном катании, но в нашем виде спорта некоторые родители юных фигуристов имеют довольно серьезные знания (только никогда не надо их переоценивать!), поскольку на их долю выпадают и многие часы ожиданий у бортика катка, пока катаются их дети, и подбор спортивного инвентаря, и другие заботы, которым нет числа...

Увидев нас, отец Голощаповой спросил:

— Вы давно катаетесь вместе?

Велико было его удивление, когда он узнал, что мы впервые на льду пробуем элементы парного катания.

Итак, еще одна случайность?

Да.

Мы теперь даже сказали бы: все это были счастливые случайности. Совпадения. Целый поток их. И почему-то с каждым годом все более и более в нас укрепляется мысль, что так или иначе, но мы бы нашли друг друга...

Людмила:

— Если быть откровенными до конца, то ничего об-

щего, кроме любви к фигурному катанию и смутного ощущения, что в парном катании каждый из нас сможет хоть в какой-то степени выразить себя, у нас не было. Даже любовь пришла к нам гораздо позже, хотя и с первого взгляда мне понравился стройный балтийский морячок...

Олег:

— Женщинам всегда виднее. Но я думаю, что общей любви к фигурному катанию не так уж мало для того, чтобы попробовать свои силы в спортивной паре...

Мы ушли с катка вместе. А перед этим еще решили попробовать поддержку, которую не успели сделать на льду. Прямо в пальто.

Фотоснимок, сделанный в тот момент одним из наших приятелей, до сих пор хранится в нашем семейном альбоме. Пожалуй, это для нас один из самых дорогих снимков...

Мы были полны планов.

Мы договорились переписываться, пока не будет принято окончательное решение.

Мы хотели, чтобы наша пара родилась как можно скорее.

Но это, как оказалось потом, было сделать не так уж просто.

Олега — военного моряка — не могли перевести служить в Москву. И тогда Людмила решила перейти учиться в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. И вот в декабре 1954 года впервые вышли вместе на лед ленинградского катка.

О том, что было дальше, разговор пойдет в следующей главе.

**Глава, в которой мы расскажем о том,
кто теперь называет себя нашим первым тренером,
и о том, почему мы от него не могли не уйти**

Что было, то бывшем поросло.

И можно было бы и не возвращаться к человеку, сыгравшему в нашей жизни очень сложную роль. Но опустить вообще эту страницу своей жизни мы не имеем права. Тем более что тот, о ком сейчас идет речь, по-прежнему остается в юношеском спорте. (Назовем его — тренер Н., потому что то, о чем мы сейчас пишем, продиктовано не желанием отомстить, а стремлением уберечь наш спорт от подобных «воспитателей».)

Перебирая недавно свои архивы, мы случайно натолкнулись на пожелтевший от времени номер газеты «Советский спорт» с фельетоном ленинградского журналиста Николая Шагина «Скользкое дело». Приводим несколько фраз из фельетона: «Рекомендуют его престранно: «Груб, но специалист хороший»... «Аполитичный человек, но дело свое знает»... Сам он не без гордости говорит о себе: «Я человек плохо воспитанный...». Героем этого фельетона был тренер Н.

Несколько лет назад тренер Н. уехал в столицу одной из наших республик, где только-только начинало развиваться фигурное катание. Уехал поднимать «целину фигурного катания» и, насколько нам известно, проявил себя там не с самой лучшей стороны. И это совсем не случайно. Потому что он, с нашей точки зрения, представляет собой уже уходящий в прошлое тип тренера, видящего в своих учениках лишь некие механизмы, в которые он закладывает составленные им «перфокарты» и кото-

рые, не отклоняясь ни на йоту от заданного, бездумно выполняют порученную им работу.

Итак, Ленинград, 1955 год. Людмила приезжает с твердым намерением учиться в Институте инженеров железнодорожного транспорта и тренироваться здесь в паре. Мы приходим на нашу первую общую тренировку в ленинградское «Динамо». Тренер Н. — самый крупный по тем временам специалист.

— Ну-ну, что еще за новая пара? И как это она так вдруг склеилась? (Это было его излюбленное выражение — «склеить пару».) И кто сказал, что вы будете у нас заниматься? Вы ведь у меня, Людмила, разрешения на переезд в Ленинград не спрашивали?

Мы стояли растерянные, оглушенные. Тренировка не состоялась.

Затем мы пошли к администрации «Юного динамовца», и там Людмила оформила членский билет «Динамо». Тренер Н. против этого возражал категорически.

Теперь он уже не мог «избавиться» от нас. А когда увидел нашу настойчивость на тренировках, то в какой-то мере даже примирился с нашим существованием. (Тем более, что на первенстве СССР 1955 года мы поделили третье-четвертое места с Ниной и Станиславом Жук.)

И все-таки тренер Н. в нас откровенно не верил. Не раз и не два говорил:

— Какая вы пара. Вы даже не подходите друг другу. Нет у вас спортивности. И не будет. Посмотрите вот на Нину и Станислава. Вот это да! А что вы?..

Тренер Н. много раз повторял Нине и Станиславу Жук, что партнер должен быть тенью партнерши, что главное — партнерша, а партнер должен точно копировать все ее движения. Словом, обучал их так называемому парному «теновому» катанию, которое, конечно, имеет право на существование, но само по себе не дает полных возможностей для самовыражения и для создания

качественно новых композиций, поскольку принижение роли партнера снижает и общий уровень спортивной пары.

Мы не могли идти по этому пути.

Одно из последних наших столкновений с тренером Н. произошло на музыкальном поприще. Мы выбрали для своей будущей произвольной программы несколько фрагментов из прелюдий Листа. Это случилось после того, как мы посмотрели фильм «Прелюдия славы» и попали под совершенно неотразимое очарование и музыки и трудной судьбы маленького дирижера.

Нам импонировала страстность Ференца Листа. Музыка сразу же стала нашей. Это очень сложное ощущение: когда музыку воспринимаешь уже не только на слух, а всем телом, всем своим существом, и кажется, если бы был композитором, написал бы только такую музыку.

А тренер Н. и слушать не хотел.

— Чья музыка? Листа? Вас все на западные мелодии тянет. А помимо всего прочего, под такую музыку и кататься нельзя. Нудно. Скучища. Что тут делать-то, даже акцентов нет?! Где прыжок? А где вращение?..

Таким было его заключение.

Решение об уходе из «Динамо» все более крепло в нас.

Остаться без тренера... Хотя какого-нибудь — но тренера... Это сейчас спортсменам стало гораздо легче. Можно последить за собой со стороны, воспользовавшись видеомagniтофоном. А что мы могли сделать тогда? Как следить за своими движениями? Ведь не всегда спортсмен ощущает то, что получается на самом деле. И как научиться без корректировки шлифовать точность линий партнера?

Десятки проблем волновали нас.

Смутные, неотчетливые догадки, неясные фрагменты будущих комбинаций маячили перед нами, хотя сами

мы объяснить наши взгляды еще не могли. Мы не хотели быть машинами. Мы мечтали, мы фантазировали, мы хотели глубоко познать балет и музыку...

Время шло неумолимо. Нужно было принимать решение. И мы расстались с тренером Н.

Шел 1958 год. Рубикон мы перешли, все пути к отступлению были отрезаны. И мы с головой окунулись в создание первой своей настоящей программы.

Глава о нашем международном дебюте и о том, что было потом

И смеяться, и плакать хочется, когда вспоминаем мы о тех далеких днях, когда впервые предстали пред грозные очи международных судей. Какими желторотыми птенцами мы тогда были, какими неопытными, робкими, боязливыми выглядели (хотя уже и были серебряными призерами первенства СССР 1957 года и мастерами спорта) по сравнению с закаленными бойцами из старой гвардии фигурного катания.

Конечно, мы растерялись тогда, в 1958 году, на чемпионате Европы в Братиславе, а затем на чемпионате мира, проводившемся в Париже. И растерянными, к сожалению, были не только мы, но и руководители команды. Ибо чем же другим можно объяснить тот факт, что после выступлений выяснилось, что наши пары показывают запрещенные правилами международных соревнований элементы и именно из-за этого арбитры снижают — и довольно-таки резко — оценки советским спортсменам.

Впрочем, о какой там спортивной разведке, о каком серьезном изучении правил, принципов (не говоря уж о деталях тренировки) международного фигурного катания могла идти речь в те годы?

Быстрый прогресс начался, пожалуй, только с 1958 года. Да и то лишь в парном катании, благодаря усилиям прежде всего самих спортсменов.

Нам было труднее, чем кому бы то ни было.

Мы ведь уже сказали, что в сезоне 1957/58 года остались совсем без наставника.

Одной из первых трудностей было составление музыкальной программы. Прелюды Листа стали основой для нее. Мы прослушали много различных записей прелюдов, прежде чем остановились на лучшем для нас варианте.

Олег:

— В нашем распоряжении вначале были три пластинки на 78 оборотов. Для того чтобы просто слушать музыку — это нормально. Для того чтобы делать музыкальную программу — просто ужасно. После того как мы изучили прелюды «от корки до корки», я начал самым обычным карандашом, прямо на пластинках, отмечать, какие приблизительно куски нам нужны. Потом уже эти куски были самым примитивным образом записаны на пленку. Для тренировок это годилось, но для соревнований нужен был хороший, профессионально сделанный вариант музыкальной программы.

Наша сборная выезжала в Братиславу из Москвы. Именно здесь за две недели до отъезда я пошел во Всесоюзный Дом звукозаписи и попросил режиссера Юрия Вольского помочь нам. Он согласился, но вначале прослушал произведение, сделал закладки в большом рулоне — какие фрагменты брать, и, когда все соединили, специалисты дали записи высокую оценку: настолько точно и естественно сливались все части нашей программы, настолько цельно выглядела музыка после беспощадных сокращений.

Для чемпионатов Европы и мира прелюды были записаны в исполнении оркестра под руководством известного дирижера Леопольда Стоковского. Музыка звучала сильно, ярко. Кататься под нее было приятно...

Хуже обстояло дело в то время с нашими «изобразительными мощностями». Запас техники и прочности был еще очень мал. Психологической подготовки — никакой. И хотя программа, в общем, получилась довольно интересной и даже вызвала любопытство у опытных специалистов, исполняли мы ее плохо.

Срывы, падения, неуверенность, чувство собственной незначительности, потерянности... Для врача-психолога поводов к размышлениям — хоть отбавляй. Мы боялись льда. Мы боялись промчаться по его просторам и беспрерывно кружили только в центре. Мы боялись... (Ах, чего мы только не боялись во время дебюта!)

О нашем выступлении на первенстве мира в газетах была напечатана только одна строка: «Другая советская пара — Людмила Белоусова и Олег Протопопов — заняла 13-е место».

Но сколько для нас самих скрыто за одной этой строкой. Сколько переживаний, сколько впечатлений, сколько новых мыслей и новых планов!

Мы появились на льду одними из первых.

Прожекторы укололи нас своими беспощадными лучами. И ослепили. И лишили хоть каких-нибудь надежных ориентиров. Слепящий туман в глазах. И единственное спасение — руки, родные, теплые, знакомые.

Стоим почти в самом центре катка.

Сейчас пойдет музыка.

И вот она подстегивает нас. Она — как удар кнута. Привычная, любимая музыка, почему ты вдруг так изменилась?

Мы срываемся с места и мчимся куда-то вперед. Наши ноги движутся автоматически. Мы не успеваем отдавать им приказы. Они не наши. Они двигаются сами по себе, с ужасом констатируем мы, чтобы через мгновение забыть и об этом и продолжать искать свою путеводную нить, блуждать безвыходно в лабиринте, мчаться в отчаянии и тоске, как в страшном сне...

Пытаемся преодолеть стену, отгородившую от нас мир.

Прыгаем параллельный прыжок «шпагат». Несложный прыжок. До сих пор у нас — надежный и эффектный.

Но на этот раз равновесие потеряно.

Мы на подводных камнях: Людмила падает плашмя на лед. Удар ужасно болезненный. Но надо подниматься. Олег кружит на месте две или три секунды. Можно продолжать.

А теперь уже ориентировка потеряна вообще.

«Где же ты, наша дорога?»

«Почему ты ушла от нас?»

«Как нам теперь быть?»

И мы мчимся вперед и вперед, уже не разбирая «где север, а где юг». Силы есть, дыхание есть. Бежим, будь что будет, не вечно ведь длиться этой пытке.

Перед выходом на лед мы договорились не делать подкрутку в полтора оборота — новый тогда элемент. Он, оказывается, относился к числу запрещенных, и нам не хотелось лишний раз рисковать: волнений и без того было больше, чем нужно. Решено было упростить элемент и сделать вместо полутора оборотов полоборота.

И вот приближается этот момент.

Но что это?

Людмила, забыв обо всем, идет на подкрутку.

Олег — на упрощенный элемент.

Падение. Снова падение.

Как боксер, попавший в нокдаун и не понимающий, что он делает, мы вскакиваем и, не дожидаясь музыки, бросаемся к финишу.

Заканчиваем выступление, катаясь уже в сторону, обратную той, которая была задана в программе.

Вот каким был наш дебют.

Вот что могут наделать неопытность и предстартовая лихорадка.

Но для нас эти чемпионаты были, конечно, огромной школой. Мы сделали множество различных зарисовок элементов. Мы увидели таких замечательных спортсменов, как Барбара Вагнер и Роберт Поул, Вера Суханкова и Зденек Долежал (первые стали чемпионами мира, а вторые — чемпионами Европы), и многих, многих дру-

гих отличных мастеров, у которых есть чему поучиться и сейчас.

Тогда впервые поняли мы необходимость киносъемки как одного из элементов спортивной подготовки. Вскоре мы купили простейший киноаппарат (впоследствии мы сменили его на самую современную аппаратуру, но о той камере всегда думаем с благодарностью) и в дальнейшем на всех соревнованиях в течение многих лет снимали программы лучших мастеров.

Чтобы больше не возвращаться к этой теме, скажем, что не надо только переоценивать роль киносъемок. Конечно, невозможно сразу, на глазок, неопытному спортсмену схватить тот или иной элемент, ту или иную связку. Надо иметь материалы, с помощью которых можно затем детально разобрать их, усвоить, переварить. Здесь кино — лучший из лучших помощников.

Но ведь бывает и так, что снятые на пленку программы ведущих мастеров начинают затем размножаться среди молодых спортсменов. И вот уже видишь тусклые копии, сделанные молодой парой с программы знаменитой пары X и Y. Взяты не принципы, не сам подход к теме, а огромные куски программ.

Это производит ужасное впечатление. Ничто так не губит молодое дарование, ничто так не лишает талант оригинальности, как слепое копирование.

Вот почему мы, имея в своем распоряжении тысячи и тысячи снятых кассет пленки, ни разу не позаимствовали отсюда ни одной эффектной комбинации. После Олимпиады в Инсбруке мы вообще снимаем состязания очень мало и чаще стараемся для самоконтроля получать ленты, на которых сняты наши собственные программы. Иногда пленки, которые привезены нами с зарубежных состязаний, не проявляются месяцами: прошла необходимость в них, глаз у нас стал другим, да и вообще все подряд, как раньше, снимать просто скучно и неинтересно.

Словом, киноаппарат остается в нашей обойме тренировочных средств. Но он уже не играет той роли, которую играл когда-то. А тут еще появились видеомagnитофоны. И уже можно во время тренировки увидеть себя десятки раз на экране. И разобрать свое движение, не ожидая несколько суток. И тут же исправить, если это необходимо, тот или иной элемент. Беспристрастный наблюдатель — видеомagnитофон — тоже отличный помощник. Но и в нем, а именно — в его бесстрастности есть свой порок.

Но вернемся к событиям более чем десятилетней давности. Тогда киноаппарат без умолку строчил в наших руках. И мы были счастливы, что он у нас есть.

После первого международного сезона мы окончательно расстались с динамовской секцией. Отныне нашим обществом стал «Локомотив», который в течение всей нашей спортивной жизни делал и делает все, что возможно, чтобы помочь нам добиться высоких результатов. Правда, в те времена железнодорожники не имели сколько-нибудь серьезной секции и тренеров опытных здесь не было. Но к нам относились внимательно, нам старались помочь — и этого на первых порах было достаточно.

У нас появился свой штатный балетмейстер: это мама Олега Агния Владимировна, в прошлом профессиональная балерина, сменила профессию и даже впервые в жизни встала на коньки.

Словом, жить стало легче.

Но ведь нам надо было идти вперед, а это невозможно, если ты каждый день не прибавляешь что-нибудь к своему мастерству. Тренировки становились интенсивней. Мы учились заново ходить, двигаться на нашей ледовой сцене. Мы учились быть самими собой, отбрасывая все фальшивое, грубое, ненужное...

Конечно, нам хотелось догнать и перегнать Нину и Станислава Жук, теперь уже серебряных призеров первенства Европы. Но не только это было нашей целью.

Как не только о победе думали мы, когда выходили на лед даже в годы наших самых высоких достижений!

И вот новый сезон.

Проверка сил на международных состязаниях в Варшаве, где участвуют фигуристы Венгрии, ГДР, Польши, СССР и Чехословакии. Мы вторые, впереди пара Жук.

А затем и чемпионат Европы 1959 года в Давосе. Перед этими соревнованиями тогдашний государственный тренер по фигурному катанию С. П. Васильев писал в «Комсомольской правде»: «Накануне ответственных состязаний всегда хочется представить себе силы соперников. В этом отношении фигуристы по сравнению, скажем, с конькобежцами-сороходами или легкоатлетами находятся в невыгодном положении. Мы узнаем все о противнике только увидев его.

Разумеется, за год наши спортсмены продвинулись вперед. Много работали над техникой движения ленинградские студенты Людмила Белоусова и Олег Протопопов (в прошлом году на чемпионате Европы их постигла неудача — из-за падения пришлось отказаться от надежды на призовое место). Сейчас эта пара вместе с Ниной и Станиславом Жук может, на мой взгляд, бороться за победу».

Конечно, приятная оценка наших возможностей. Но мы бы сказали, что при этом она и чересчур радужная, далекая от реального состояния дел. Именно поэтому и тогда и сейчас мы выступали и будем выступать против прогнозов и оценок такого рода.

Ни о каком призовом месте в Братиславе не могло быть и речи. И на очередном чемпионате Европы мы не могли и думать о нем. Это — если трезво и серьезно оценивать свои силы. И в глубине души мы не ставили для себя именно таких спортивных задач. Ибо мы были, есть и будем хотя и эмоциональными людьми, но строгими реалистами.

Для чего же нужны такие прогнозы?

Думаем мы, думаем над этим вопросом, а ответа — точного и всеобъемлющего — не находим.

Может быть, чтобы ввести соперников в заблуждение?

Или, наоборот, у своих спортсменов сверхуверенность выработать?

А может, все значительно проще: не хочется тренеру или руководителю команды признаваться, что надо еще много работать, учиться, преодолевать ступеньку за ступенькой в пирамиде спортивной техники...

Так это или иначе, но тогда такого рода интервью не имело права на существование.

В Давосе должно было выступать двенадцать пар. Фаворитами были пары Жук и Килиус—Боймлер. Они показали отличные программы, но судьи отдали предпочтение западногерманским спортсменам, очарованные, очевидно, их элегантностью, темпераментом, музыкальностью. Пара из ФРГ выглядела удивительно красиво, а это ведь тоже очень важно в нашем виде спорта.

Новые чемпионы Европы, несмотря на свою молодость (Марике было лишь шестнадцать лет, а ее партнер Ганс Юрген на год старше), были опытными спортсменами. Килиус уже выступала несколько раз на первенстве континента в паре с другим партнером. Фигурным катанием она занималась чуть ли не с пяти лет. А кроме того, ей очень нравились и роликовые коньки. Ганс-Юрген был хорошим одиночником, на чемпионате Европы 1958 года он даже вошел в шестерку сильнейших. И вот эти разносторонне подготовленные спортсмены, полные юношеского задора, стали лучшей парой Европы. И удерживали это звание до 1965 года.

А что же мы?

Мы не смогли приблизиться к призерам и оказались лишь на седьмом месте. Снова было падение, на этот раз у Олега. Но отклики на наше выступление у зарубежных специалистов были уже более оптимистическими. Нас заметили и стали говорить о нас уже всерьез.

На чемпионат мира, проводившийся в Колорадо-Спрингсе, советские фигуристы не поехали. Мы следили за этими соревнованиями лишь по скудным газетным сообщениям. На них выступали всего восемь пар, чемпионками стали Барбара Вагнер и Роберт Поул, а М. Килиус и Г.-Ю. Боймлер удалось впервые завоевать серебро. Конкуренция между канадской парой М. и О. Джелинек и американцами Н. и Р. Ладингтон закончилась тем, что бронзовые медали достались паре из США.

Читатели, наверное, обратят внимание на одну любопытную закономерность. Когда мы на страницах этой книги будем называть места, где проводились чемпионаты Европы и мира, название одних и тех же городов будут постоянно чередоваться. Да, большинство состязаний фигуристов проходит на ставших уже привычными для них и для болельщиков катках. И есть в этом хорошая традиция. И пусть она сохраняется, захватив в свою сферу влияния и лучшие советские катки.

Пока сильнейшие фигуристы мира боролись за медали в Колорадо-Спрингсе, мы готовились к чемпионату страны. Мы пришли к нему — причем впервые — в самой своей лучшей для тех времен форме. И не было ничего удивительного в том, что катались мы уверенно, ни разу не сбавив скорости и не потеряв ничего в нашем почерке.

Это был законченный номер, о котором уже тогда писали, что он напоминает взволнованную поэтическую сцену из классического балета. Бывают такие счастливые минуты, когда все ладится, все получается, и даже не надо следить за тем, чтобы все получалось, а можно просто жить, существовать на катке — естественно и легко. Так, как тебе подсказывает музыка. Во Дворце спорта в Москве у нас были именно такие минуты.

Зал очень взволнованно провожал нас. Мы помним овацию. Помним, как нас поздравляли. Кажется, тогда впервые наши оценки отошли для нас на второй план, хотя они и были очень высокими.

Затем на льду появились Нина и Станислав Жук.

«Испытующе, выжидательно встретил огромный Дворец появление на льду призеров первенства Европы... — писали в своем отчете обозреватели «Советского спорта» В. Донцов и А. Шелухин. — С первых же аккордов музыки они ошеломили зрителей каскадом сложных номеров, большой синхронностью движений. Сложнейшие прыжки они выполняли четко, без запинки. Богатая, эффектная техника. К ней бы еще пластику и грацию в движениях...»

Пара Жук вновь стала обладательницей золотых медалей. Но вот еще один отрывок из этого же отчета: «В Ленинграде выросли две несомненно замечательные пары фигуристов. Но почему же у зрителей большой отклик нашли не чемпионы, а обладатели серебряных медалей? Почему так разошлись во мнениях зрители с судьями? Здесь, на наш взгляд, проявляется определенный консерватизм специалистов во взглядах на хореографию и атлетизм в фигурном катании. Они тщательно отмечают малейший просчет в технике, забывая подчас о внешнем впечатлении, об эстетической стороне исполнения. А ведь без красоты не может быть произвольного катания высокого класса. Сами движения фигуриста в своей основе хореографичны. Они как бы просят музыки, выразительной эмоциональной окраски. И если бы существовали специальные призы: один — за грацию, красоту, другой — за безукоризненную технику, то первый наверняка получили бы Людмила Белоусова и Олег Протопопов, а второй — Нина и Станислав Жук».

Мы не станем подробно разбирать оценки, которые содержатся в этих строках. Не со всем мы здесь согласны. Мы приводим эти высказывания лишь для того, чтобы показать, как начинало формироваться общественное мнение, которое впоследствии приняло наш стиль.

На финише сезона, участвуя в международных состязаниях в Москве, мы еще раз боролись с Н. и С. Жук.

И снова неудача. Снова падения. Мы еще не умели долго поддерживать спортивную форму. А ведь именно это умение, умение готовить себя и подводить к тем или иным состязаниям, и является одним из главных признаков зрелости и силы спортсмена.

Мы поняли это.

Поняли на собственном опыте.

И могли уже думать над тем, как выработать и это, жизненно важное для фигуриста, впрочем, как и для любого другого спортсмена, качество.

Нас ожидал еще один дебют в международном спорте. И к нему надо было готовиться особенно тщательно, потому что это был дебют на зимней Олимпиаде 1960 года в Скво-Вэлли.

Глава, рассказывающая о «Грезах любви»

Об этом танце потом не раз писали, что он был для нас некоей творческой лабораторией, благодаря которой мы могли уяснить наш будущий путь, наши будущие лучшие спортивные программы.

Очевидно, это действительно так.

Но когда мы создавали свой первый настоящий танец, поверьте, не думали ни о каких лабораториях. Да и сейчас не слишком часто об этом думаем. И даже точно не знаем, как проходит процесс создания новой композиции, точнее, мы не можем его описать. Просто чувствуем, даже уверены, что в этом месте должны сделать так, а в этом — из таких-то сочетаний движений получится законченная миниатюра. Музыка подсказывает нам все решения. Мы пропитываемся музыкой. Отзываемся на каждый ее нюанс. Может, в этом как раз и заключается все дело.

Но несомненно и то, что сам подбор музыки для нас не случаен. Мы можем неожиданно натолкнуться на мелодию, которая станет для нас любимой и сверхвдохновляющей. Но нам нужна была именно такая музыка, мы о ней думали, были готовы к ее восприятию, к полному слиянию с ней. Так что во всех случайностях здесь мы видим закономерности, которые только ждали момента, чтобы проявить себя в полную силу.

Вот что произошло с «Грезами любви»...

Мы искали «Подмосковные вечера» в исполнении Вэна Клайберна. Это было в 1959 году, все были в восхищении от Вэна Клайберна, нам тоже очень понравился

этот американский пианист. А тут мы еще узнали, что он замечательно исполняет «Подмосковные вечера». «Это именно то, что нам нужно, — думали мы. — Серьезный музыкант исполняет популярную мелодию. Уж он-то, наверное, так интерпретирует ее, что она приобретает особое, новое, звучание. Попробуем ее для показательных выступлений!»

В один прекрасный день мы отправились в музыкальный магазин на Невском проспекте.

Приветливая девушка быстро нашла необходимую пластинку. Мы внимательно прослушали ее: как будто именно то, что нам хотелось. Популярно. Звучно. И тонко. Можно поставить танец.

— А что на обратной стороне? — мы спросили просто так, любопытства ради.

— «Грезы любви». Лист. Послушаете?

Нам очень хотелось послушать. Мы не знали этого ноктюрна. И вдруг совершенно необъяснимо, неожиданно, оглушительно что-то в нас потребовало обязательно прослушать его.

После первых же нот мы поняли, что нашли именно то, о чем думали все последнее время. Музыка захватила нас полностью. Она звучала в нас беспрерывно. Каждая нота находила отклик. Мы бы могли уже больше и не слушать пластинку: мелодия сразу же отпечаталась в мозгу, будя воспоминания и надежды, вызывая к жизни все новые и новые образы, складывавшиеся из привычных нам движений, сочетаний спортивных элементов.

Мы были готовы к сочинению показательной программы.

И мы не могли медлить ни секунды.

Не могли в этот день думать ни о чем, кроме нашего танца.

Через час мы уже были на катке, что на улице Лейтенанта Шмидта. Каток маленький — 16×16 метров. Уложить на нем рисунок трудно, почти невозможно. Но нас

в тот день это только подзадоривало и еще больше заставляло работать фантазию.

Танец был поставлен за 10 минут.

Для нас — и, наверное, не только для нас — это является своеобразным рекордом. Никогда ни над одной программой — показательной или спортивной — мы не работали так быстро, так ладно, так целеустремленно. Нетерпение подгоняло нас: «Скорее, скорее, скорее! Мы должны сказать о том, что нас переполняет. О том, конечно, как любим друг друга. Какое это замечательное чувство. И как замечательно понимать друг друга. И это вовсе не грезы, а сама жизнь. Реальность. Хотя она и может показаться чудом, сном, грезами. Но мы сами создали это чудо. И показываем всем: да, чудо есть, но оно плоть от плоти — наше. И вы тоже можете сотворить его. Захотите только. И мы надеемся, что вы тоже попадете под влияние этой замечательной музыки, этих великих чувств. Вы пойдете вместе с Ференцем Листом. Вы помчитесь вместе с нами к светлой мечте, осуществить которую, при желании, дано каждому из нас...»

Вполне возможно, что вы сочтете нас крайними романтиками.

Вполне возможно, что в этих наших чувствах вы найдете какие-то эмоциональные излишества и усомнитесь все-таки в возможностях фигурного катания, в том, что его «изобразительные средства» уже готовы для таких целей.

Вполне возможно...

Но мы не сомневались ни в чем.

Мы уже внутренне были готовы для этого танца, которому суждено было впоследствии с таким триумфом пройти по многим городам и странам.

Мы стремились попробовать в нем все то новое, что придумывалось нами в течение четырех лет.

Мы были готовы проверить наши новинки, наше новое понимание фигурного катания в деле.

И мы проверили его.

До сих пор считалось, что в парном катании партнеры должны кататься, как говорят, нос в нос, палец в палец, голова в голову. Верно считали. Но была в этом и ограниченность, были добровольно навешенные на себя цепи, которые уже не давали возможности шагать вперед.

Одним рывком мы сбросили эти цепи. И нашли целый ряд новых сочетаний, движений, навеянных искусством балета. Мы создали фигуры, которые стали общепризнанными и в сугубо спортивных программах. К числу новых сочетаний спиралей относится парная спираль, которую мы называем «влюбленный заяц», и та, которая именуется «коршуном». Вот видите, как несовершенен еще язык фигурного катания! И если бы мы попробовали описать в деталях наши новинки тех времен, то даже специалисты, пробуя их на своих учениках, вряд ли смогли бы объяснить, что это собой представляет. Но нам наши образные названия нравились. И нравятся сейчас...

И еще одно. В показательном танце мы могли не бояться судей и их оценок. Мы могли не бояться заявлений о том, что катаемся недостаточно технично. Хотя, думается (об этом мы еще будем вести разговор далее), само понятие «сложная техника» изменяется со временем, и каждый период развития фигурного катания, парного в частности, выдвигает свои требования к сложности, и даже самые простые элементы могут приобрести высшую сложность, при соответствующей обработке и творческой интерпретации.

Сейчас, просматривая иногда киноплёнки с этим танцем, мы думаем: он — абсолютно спортивный (в нем нет ничего запрещенного: одна поддержка, одно парное вращение, две спирали и «тодес»), и в то же время нам удалось добиться тогда такой духовной слитности.

А сейчас нам еще хочется рассказать о том, как состоялась премьера наших «Грез любви». Это довольно смешной (для нас трогательный) эпизод.

Впервые показать «Грезы любви» нам удалось в ленинградском Зимнем стадионе. Там только что закончил свои выступления московский балет на льду, и Ленинградская федерация фигурного катания решила использовать ледяную арену для показательных выступлений спортсменов-ленинградцев. Зрителей собралось в манеже больше, чем на концерты. Аншлаг.

Площадка была приподнята над полом метра на полтора для того, чтобы было видно исполнителей. Она к тому же была не такой формы, как наша, уже привычная. Размер — 15×26 метров.

Нам пришлось довольно долго корректировать рисунок танца, чтобы приспособить его к этой площадке. Сейчас нам такая работа кажется совершенно невозможной, а тогда мы могли отважиться на все. Тогда мы должны были кататься на любом поле.

И вот мы выходим на арену.

В зале темно.

Вспыхнули прожекторы.

Рампа, опоясывающая площадку, засверкала разноцветными огнями.

На такой площадке мы выступаем впервые. Но все мысли не об этом, предстартовая лихорадка перерастает в какое-то особое волнение: как встретит зритель, поймет ли наши мысли и чувства, донесем ли мы их до него?

Для тех, кто не видел этого танца, его описание ничего не даст. Те, кто его видел, надеемся, запомнили его, и для них всякие описания тоже не нужны. Скажем, только, что с первых музыкальных аккордов мы почувствовали контакт с людьми в зале, и это окрылило нас. Постепенно чувство тревоги сменилось нарастающей уверенностью, и мы заскользили раскрепощенные и свободные, словно бы всю свою жизнь только и показывали людям «Грезы любви». Чувство радости переполнило нас, и мы забыли обо всем.

И вдруг Олег ногой задевает рампу, разбивает лам-

почки, коньком цепляется за металлическую рампу... и в одно мгновение через голову летит вниз на цементный пол.

Людмила остается одна наверху.

Зал безмолвствует.

Оркестр продолжает играть.

Олег поднимается на ледяную площадку и просит дирижера начать снова, но тот не слышит и продолжает взмахивать своей палочкой.

— Пожалуйста, сначала, — вторично просит Олег.

И тогда из зала раздается робкий, просительный голос:

— Сна-ча-ла-а-а!

И вот мы стоим в центре площадки. «Грезы любви» как будто рассеялись, и перед нами не слишком приятная для нас реальность. Выхода нет. И мы решаем: надо начинать все сначала. Ничего не потеряно. Мы ведь продолжаем любить друг друга, и прочь отчаяние, прочь уныние, прочь растерянность. Мы готовы повторить все сначала, и нет никого, кто мог бы нам помешать.

Зал на нашей стороне.

Его молчание, его выжидающее молчание — словно бы сигнал для нас. Сигнал к действию. Поощрение. Ожидание нового финала: оптимистического, светлого.

И через минуту мы снова возвращаемся к «Грезам любви» и знаем, что они нескончаемы. И что за сегодняшним финалом — еще множество финалов, красочных, ярких, щедрых на лучшие человеческие чувства!

Гудит возбужденный зал. И мы тоже продолжаем оставаться во власти эмоций.

Мы за кулисами, но находимся еще как бы во сне.

— Ну как? — слышим мы.

— Все хорошо! Целы и невредимы. Второй раз не упали!

— Да нет, я не об этом! Ну как, лампочек на рампе много разбили?

7 Вопрос дежурного электрика возвращает нас на землю. Олег смеется:

— Знаешь, когда я летел через голову, не успел сосчитать!

И еще одна смешная деталь, врезавшаяся нам в память, как это часто бывает в таких случаях. Пришел к нам в раздевалку старичок. Борода огромная, такая, что хочется ее потрогать: настоящая ли? И этот старичок говорит нам:

— Вы уж извините меня, старика. Пусть я буду эгоистом, но я хотел бы, чтобы Олег упал еще раз, лишь бы увидеть все сначала!

Вот такая история приключилась с нами во время первого исполнения «Грез любви». После этого было еще много различных выступлений, но мы помним первое и на всю жизнь останемся благодарны нашим землякам-ленинградцам, которые сразу поняли наш танец. И искренне поддерживали нас в трудный момент.

**Глава, в которой будет рассказано
об одной не слишком известной детали
в жизни спортсмена, ставшего
и мировым и олимпийским чемпионом,
и других поучительных вещах**

Он был один очень много времени. Он был один так долго, что потом уже никогда не мог остаться один. Ему хватило одиночества, в которое он попал еще в детстве, сразу на всю жизнь.

Он лежал в больничной палате. Совсем еще мальчишка. И набегаться вдоволь не успел. И только время от времени гладил ноги. Пальцами он ощущал, что ноги у него есть. Только не чувствовал их совсем. Словно в один страшный день они онемели у него и никак отойти не хотят.

«Что же мне делать, что же делать, как мне жить дальше?» — мальчишка никак не мог ответить себе на этот вопрос.

Врачи каждый раз сокрушенно вздыхали, улыбались мальчишке приветливо, но ничего, что по-настоящему могло бы его приободрить, так и не говорили. «Полиомиелит, понимаете, — разводили они руками в разговорах с его родителями, — да еще тяжелая форма, да еще тяжелейшее осложнение. Только бы выжил парень, а что будет дальше — неизвестно. Может, калека на всю жизнь...»

Боль всегда принадлежит тебе одному. Можно посочувствовать, попереживать за кого-нибудь. Если близкий друг, иногда даже чувствуешь общие с ним страдания. Но все-таки боль всегда принадлежит только самому

больному. И ему, наверное, хуже всех, даже если он старается улыбнуться и виду не подает, что знает о приговоре врачей.

Больница научила мальчишку проницательности. И терпению — само собой разумеется. И еще научила его бороться — каждый день, каждый час, каждую минуту, секунду.

Только по ночам, когда он оставался один, совсем один, его охватывало отчаяние. Он садился и начинал растирать свои ноги. Он уговаривал их: «Ну не надо быть такими бесчувственными. Вы же мои, в конце концов, ноги. Почему же вы такие непослушные? Ну ладно, ладно, я не буду вас тормозить, но когда же вы сами поймете, что я не могу без вас?».

Врачи жалели мальчика.

Сиделки тоже были заботливыми.

В то время полиомиелит «расхаживал» по земле почти беспрепятственно. И в больнице были еще мальчишки и девчонки, которым не повезло так же, как и ему. И все их жалели.

Только сам мальчишка жалости к себе не испытывал. Он ее просто не переваривал, эту жалость. «Зачем меня жалеть? Я хочу бегать, вот и помогите мне, а не сможете — я сам себе буду помогать!»

Ему начали массировать ноги, и иногда он чувствовал, как тысячи мельчайших иголок покусывают кожу. Когда иголки укусили его впервые, он закричал — нет, не от испуга, а от радости.

Вот в эти-то дни в кипе книг, валявшихся возле кровати, он нашел одну, ту самую, единственную, которая принесла ему настоящее облегчение. Это была книга о фигурном катании и фигуристах. Книга очутилась у него в руках, и он не мог от нее оторваться.

Да, это настоящие счастливчики. Ишь, как скользят на одной ноге, как прыгают, как умеют вращаться, а он даже в кровати и то поворачивается еле-еле... Когда в оче-

редной раз пришли его проведать родители, он попросил:

— Купите мне коньки!

И, увидев изумление на лицах, сказал еще раз:

— Принесите мне коньки. Хочу, чтобы и у меня были коньки. Для фигурного катания. Вместе с ботинками только...

Коньки лежали теперь всегда возле мальчишки.

Укладываясь спать, он гладил их, шлифовал до полного блеска лезвия и, засыпая, всегда старался держаться за холодающий руки металл. Сон у него стал крепким. И часто ему снились необозримые ледяные поля, сверкающие и приветливые. И он, стоящий на самом краю и пробуемый, осторожно и бережно, действительно ли это перед ним расстилается сверкающая приветливость.

Мальчишка потихоньку шел на поправку.

К счастью, врачам удалось предотвратить самое страшное, и ноги постепенно оживали. Мальчишка начал учиться ходить, а когда он отправился домой, — под рукой у него были его любимые фигурные коньки.

Прошло еще немного времени, и в один прекрасный день родители повезли его на каток. Дома он уже не раз надевал коньки и пробовал постоять на них. Падал без привычки. А потом научился стоять. Он ведь научился умению добиваться своего, даже если ему требовалось на это очень много времени.

И вот он уже потрогал зубцами лед, чуть царапнул его. Тихий шуршащий звук сказал ему, что все это реальность, а не сон. И тогда он сделал свой первый шаг. Свой первый из сотен тысяч шагов на льду, которые были ему отведены судьбой.

Вот и вся наша новелла.

Как и в каждой новелле, есть в ней домысел, есть детали, которые мы прочувствовали сами.

Но основной, так сказать, сюжет — сама правда.

Ибо это рассказ о чемпионе мира и Олимпийских игр в Скво-Вэлли Роберте Поуле.

...Он так и не смог ни в какой форме мириться с одиночеством.

В фигурном катании он быстро выбрал свой путь, который привел его в парное катание и дал ему в партнерши изумительную спортсменку — Барбару Вагнер. (Интересна фотография, сделанная тренером Вагнер и Поул мистером Гелбрантом в 1958 году в Париже. Мы еще совсем зеленые и Барбара с Бобом — чемпионы мира.)

С этими канадскими спортсменами мы хорошо знакомы и до сих пор встречаемся как старые друзья. У нас самые лучшие воспоминания о их выступлениях. И по сей день случается, что, придя усталыми домой, мы включаем кинопроектор и начинаем просматривать свои старые любительские киноленты, снятые много лет назад. Чаще всего те, на которых Вагнер и Поул.

Какие они стремительные, темпераментные, искренние в этой своей жизнерадостности. И сегодня они могли бы считаться образцом. Более того, нет-нет, да и подметим мы какую-нибудь связочку, блок комбинаций, которые и по сей день встречаются у иных фигуристов и даже выдаются за новое слово в технике и композиции.

Вы еще не раз встретитесь на страницах этой книги с Барбарой Вагнер и человеком такой необычайной судьбы Робертом Поулом. Ведь они были нашими предшественниками на посту олимпийских чемпионов, и без них многое не понять в истории фигурного катания.

Но глава эта не закончена.

Нам хочется отметить, что история Поула отнюдь не исключение ни для фигурного катания, ни для спорта вообще. Кстати сказать, и еще одна олимпийская чемпионка — Тенли Олбrait — болела в детстве полиомиелитом. И у нее тоже было тяжелое осложнение. И она, как и многие другие, переборола свою болезнь и стала чемпионкой.

Много лет назад одна мама привела в секцию фигурного катания дочь, поскольку врачи посоветовали для полного излечения девочки, болевшей туберкулезом лег-

ких, именно это вид спорта. Девочка затем стала мастером спорта (мы с ней выполнили эту норму в один и тот же год на одном и том же первенстве страны), чемпионкой СССР. А после окончания Государственного театрального института имени А. В. Луначарского, уже балетмейстером возвратилась в фигурное катание, чтобы отдавать теперь то доброе, что она получила в детстве, другим. Имя этой спортсменки — Елена Чайковская (Осипова).

Вот какими сложными бывают пути в большой спорт.

Мы рассказываем об этом потому, что ныне фигурное катание кое-где превращается в спорт для избранных. В секции начинают отбирать только красивых ребят. Устанавливаются неписанные, но тем не менее существующие критерии красивого и некрасивого в фигурном катании и руководствуются ими уже и столичные и периферийные тренеры.

Вот пример, лежащий на поверхности.

Вполне возможно, что ленинградец Владимир Куренбин с точки зрения античных канонов и не красавец. Он невысок. Плечист. У него медного цвета волосы и лицо в веснушках.

Но зато сколько в нем огня! Сколько задора! Пусть движения угловаты, но для него они естественны. Пусть не всегда его линии классически чисты, но отличные прыжки, вихревой темп — разве они не искупают этого?

У Куренбина свой стиль. Но вот выигрывает он у себя дома очень редко. Чемпионом Универсиады стал, на чемпионате Европы в Вестеросе, впервые выступая на таких соревнованиях, показал себя хорошо. А дома к нему относятся по-прежнему настороженно.

За цвет волос, что ли?..

Конечно, при записи в секции фигурного катания нужен определенный отбор. Но...

Нам вспоминаются очень любопытные мысли известного русского балетмейстера М. М. Фокина, которые

были высказаны им в газетном интервью по поводу приема детей в балетную школу. Не все здесь, естественно, можно использовать или механически перенести в спорт, каковым является фигурное катание, но сам подход к вопросу поучителен. Вот несколько строк из этого интервью:

«При приеме, как я уже сказал, определяются лишь правильность и красота сложения. Физические способности определяются при занятиях танцами, талантливость выявляется гораздо позже. А ведь в таланте-то все и дело! Некрасивость, даже неправильность сложения бывает обыкновенно незаметна, если танцовщица в полном смысле художница, артистка, если она «творит» в своей области...

Выразить чувства, настроения при посредстве движения тела, выяснить свой духовный мир — вот задача танцующей. К сожалению, большинство думают иначе, считают за сущность танца его форму. Вот почему танец в балете, несмотря на свою, иногда виртуозную, технику, чаще бывает ремеслом, чем искусством».

Мы всегда с удовольствием перечитываем эти строки!

* * *

Здесь же нам хотелось, попутно, затронуть еще одну проблему — «учебную», связанную с творчеством, с конструированием программ, характеров, «сценических портретов». Тему, связанную с созданием у нас больших, хорошо отрегулированных — и творчески и сугубо организационно — школ фигурного катания.

Сейчас все чаще и чаще и у нас дома и за рубежом со всякого рода замечательными эпитетами произносятся слова «советская школа фигурного катания». Как это ни трудно, но некоторым деятелям спорта на Западе приходится признавать, что и в этом, ранее сугубо «аристокра-

тическом», виде спорта советские спортсмены (так же, как и фигуристы других социалистических стран) прогрессируют чрезвычайно быстро и от бывшей монополии западного фигурного катания осталось очень мало. Сегодня уже у советских фигуристов учатся технике и композиционному творчеству.

Значит ли это, что советская школа фигурного катания возникла неожиданно, что она появилась на пустом месте? Нет. Ее успехи были подготовлены усилиями множества людей. А начались они еще в прошлом столетии в Петербурге, в так называемом «юсуповском кружке», который дал миру великолепного Николая Панина, завоевавшего нашему фигурному катанию первую золотую олимпийскую медаль.

Многие тренеры вносили и вносят свой вклад в создание советской школы фигурного катания. Мы могли бы назвать сейчас их фамилии, дать им свои характеристики. Но после долгих размышлений решили этого не делать. Мы ведь остаемся в строю действующих спортсменов, и, несмотря на то что пройден большой и трудный путь, мы не считаем пока себя вправе анализировать работу наших тренеров.

Одно лишь хочется сказать: безусловно, лучшие наши тренеры — настоящие фанатики своего дела. Им приходится часто работать в сложных условиях, им приходится прокладывать новые пути, но, как бы им ни было трудно, они идут вперед.

Каждый тренер — если он человек творческий — помогает своим спортсменам найти свой, неповторимый, сценический облик. И не удивительно, что у нас с каждым годом становится все больше оригинальных дарований, новых оригинальных фигуристов. И не удивительно, что, несмотря на отсутствие хорошо отрегулированных организационно, оснащенных по последнему слову техники школ, мы имеем несколько творческих направлений в нашем фигурном катании.

Конечно, стремительное развитие фигурного катания привлекает к нему и людей случайных, не понимающих всей глубины задач, которые стоят перед нашим видом спорта. Но, думается, что это явление временное, что вместе с развитием всей советской школы фигурного катания будут повсеместно создаваться и укрепляться отдельные школы, возглавляемые опытными тренерами. И именно здесь эти тренеры смогут воспитывать десятки, сотни фигуристов, которым под силу будет завоевание мировых вершин во всех разрядах фигурного катания.

Итак, какой же мы представляем себе школу фигурного катания, скажем, у себя в Ленинграде?

Школу, в которой мы сами захотели бы повторить весь свой путь сначала. Или, после окончания спортивного пути, стать тренерами.

Мы представляем себе сейчас такую школу уже материализованной, понимая, что ее сугубо творческий облик будет непосредственно связан с людьми, которые придут сюда работать...

Сверкающий чистотой каток. Много света. Стекло, бетон, пластик. Спортивные фрески.

Рядом — различные залы и медицинский, и научный центры.

Лаборатории кино, звукозаписи и видеозаписи, телевидения. И, конечно, специалисты, знающие и технику и спорт.

Хореографы, изучившие фигурное катание, и тренеры-фигуристы, отлично знающие искусство балета, которое, как известно, отнюдь не ограничивается одним лишь танцем.

Мы представляем себе...

Мальчишку (или девочку), стоящего на пороге такой школы. Мальчишку, пребывающего в состоянии восторга. Робкого и надеющегося.

Медицинская комиссия.

Врач-психолог. Физиолог.

Ведущие тренеры. Художественный совет.
Консилиум.

— Да, ты принят в школу. Ты нам нравишься. Правда, тебе придется еще позаниматься в подготовительном классе. Ты еще должен доказать, что можешь стать фигуристом. Теперь все зависит только от тебя...

И этот ответ слышат практически все, кто приходит в школу. И есть еще в ней специальные платные группы, где любой ребенок, даже перенесший тяжелую болезнь, может быстро догнать своих сверстников, и, если любовь к фигурному катанию не была у него быстропроходящей, остаться в спортивных группах, где уже думают о высшем мастерстве, где уже и задачи ставят перед ребятами совсем иные.

Нам вообще вся деятельность школы, связанная с детьми, кажется особенно важной.

Как часто, к сожалению, мы еще видим, что начинающие тренеры — да и не только они — проводят свои спортивные «эксперименты» прямо на детях.

Вроде бы ничего страшного?

И вреда как будто здоровью не наносится никакого при опробовании «нового» метода тренировки (нового для данного начинающего тренера, который, возможно, и не знает, что стал на путь, давно отвергнутый практикой)?

Ну, аритмия сердца? Возрастное! Это быстро можно привести в норму. И давление можно отрегулировать.

Но как быть с несбывшимися надеждами? Ведь мы чаще всего теряем из поля зрения несостоявшихся чемпионов, которым внушалось незадачливыми тренерами: еще одно усилие, парень, и ты станешь великим мастером, еще немножко — и ты поедешь на крупнейшие соревнования. Что же с ними происходит потом, когда они, разочарованные, навсегда уходят из спорта?

Ответа нет.

Вполне возможно, что, став самостоятельными людь-

ми, они на всю жизнь сохраняют затаенное в детстве чувство горечи, жизненной неудовлетворенности, да еще передадут его своим детям вместе с отвращением к спорту. Это ведь не исключено?

А может, станут судьями, которые на соревнованиях, пребывая в не слишком хорошем состоянии духа, способны, как говорят, «зарубить» того или иного не приглянувшегося им спортсмена. Мы ведь и сейчас часто видим таких ожесточившихся арбитров, спортивный путь которых был оборван на середине и которые так и не смогли оправиться от психологической травмы и даже не поняли, что они ее получили и она «кровоточит» беспрерывно.

А может...

Но не будем продолжать список догадок и предположений. Думается, что в будущей школе будут вестись и детальные исследования учеников сегодняшних и вчерашних, даже позавчерашних. Думается, что весь процесс воспитания в них пойдет на совсем иной основе, чем сегодня, и подход фигуристов к высшему мастерству будет естественным, как сама жизнь. Учить старому новыми методами можно, а вот новому старыми методами нельзя.

Что же касается творческого направления, то оно, вне всякого сомнения, будет вырабатываться художественным советом — внимательным, чутким, тонким, разносторонним организмом, который десятками глаз будет вглядываться в каждого ученика, даже если тот выглядит «гадким утенком».

Если мы хотим еще более энергичного и, главное, повсеместного прогресса в нашем виде спорта, необходимо создание четкой системы крупных спортивных специализированных школ фигурного катания.

Глава о первой нашей Олимпиаде

Мы становимся ОЛИМПИЙЦАМИ!

Мы включены в состав сборной команды СССР, которая отправится через океан в далекую Долину индианок, где в феврале 1960 года состоится VIII зимняя Олимпиада!

Радость переполняла нас: ведь впервые советские фигуристы должны были выступать на Олимпийских играх, и эта честь вместе с парой Жук была доверена и нам.

Мы чрезвычайно серьезно отнеслись к предстоящей поездке в Скво-Вэлли. Изучали историю олимпиад, изучали биографии олимпийских чемпионов, искали в них то, что могло бы помочь и нам стать сильнее.

И вот начался «пробег» олимпийского огня. На этот раз он стартовал в маленьком норвежском местечке Мюр-гедал, где когда-то жил основоположник современного норвежского лыжного спорта Сондре Норхэйм. Из его домика олимпийский огонь попал в реактивный самолет, который летел через Северный полюс, а в аэропорту Лос-Анджелеса огненную эстафету принял легкоатлет, рекордсмен мира Пэрри О'Брайен. Олимпийский огонь приближался к Скво-Вэлли, а мы все азартнее разыскивали в газетах каждую строку, в которой бы сообщалось хоть что-нибудь о предстоящих состязаниях. Одно из сообщений было поистине американским. В небольшом городке, где «остановился на ночлег» олимпийский огонь, группа грабителей совершила на него покушение. Была разграблена машина, сопровождавшая эстафету, но сам

огонь остался в неприкосновенности, поскольку находился в гостинице.

Отблеск олимпийского огня освещал все состязания этого года. В том числе и первенство Европы в баварском Гармиш-Партенкирхене. Немецкие спортивные обозреватели обсуждали шансы лучших пар в Скво-Вэлли и склонялись к тому, что Килиус — Боймлер смогут на равных бороться за олимпийское «золото» с Вагнер — Поул. С фигуристами ФРГ занимался в Оберстдорфе тренер Эрих Цёллер. Он создал для своих подопечных новую, чрезвычайно трудную, программу, включающую значительное количество сложных прыжков.

Впервые программу Килиус — Боймлер мы увидели на чемпионате Европы. Она действительно оказалась наилучшей. Нина и Станислав Жук, которые тоже усложнили свою композицию, не смогли опередить немцев и в третий раз завоевали серебряные медали. Мы оказались на четвертом месте, уступив «бронзу» Маргет Гёбль и Францу Нингелю из ФРГ.

Лично мы были довольны результатом своего выступления. Постоянное продвижение вверх по «иерархической лестнице» свидетельствовало о росте нашего мастерства. Правда, не хватало еще нужной устойчивости. Но мы были уверены, что сумеем в будущем устранить этот недостаток.

И еще одно порадовало нас на льду западногерманского «Олимпик айсштадиона». Мы впервые за границей показали «Грезы любви». Нас вызывали выступать на «бис». Публика не хотела отпускать нас. Словом, успех показательной программы превзошел все ожидания. А это ведь тоже немаловажно для будущих уже чисто спортивных результатов.

И вот мы в Скво-Вэлли. До соревнований остается пять дней. Можно оглядеться. Можно потренироваться. Можно делать заметки на будущее.

Наши блокноты распухли от записей.

Нас интересовало все: и тренировки сильнейших пар, и, особенно, наше собственное самочувствие, и самочувствие наших товарищей в условиях высокогорья. Мы не знали законов акклиматизации, и никто как следует тогда не мог нам посоветовать, как лучше сохранить и распределить свои силы. Опыты, проведенные на самих себе, должны были затем помочь в будущих трудных сражениях. Ибо рано или поздно, но чемпионаты мира или Европы снова будут проводиться на высокогорных катках, и снова перед нашими спортсменами встанут крайне сложные задачи акклиматизации. Лучше уже приниматься за их решение немедленно!

Соревнования должны были проходить под сводами замечательного архитектурного сооружения — «Айс-арены», — получившего первую премию на всеамериканском конкурсе архитекторов. Трибуны этого сооружения вмещают 8500 зрителей. Арена открыта в южную сторону и имеет здесь раздвижные трибуны. Отсюда можно наблюдать за состязаниями скороходов, которые также проводятся на искусственном льду.

Тренироваться в Скво-Вэлли очень хорошо. А вот как мы здесь выступим?

18 февраля. День открытия VIII зимней Олимпиады.

И тут погода показала свой норов. Разыгралась настоящая пурга. Снег шел все утро. Дороги были засыпаны. На них создались пробки. Участники торжества опаздывали. И в результате открытие церемонии задержалось на пятнадцать долгих и томительных минут.

Наконец звучат фанфары. Словно почуяв их призывный клич, разошлись, разбежались облака, и яркие лучи горного солнца ослепили нас.

Долго длится парад. Наш флаг несет хоккеист Николай Сологубов. Каждый шаг нашей делегации сопровождается аплодисментами зрителей.

Потом звучит олимпийский гимн. Поднимается знамя с пятью кольцами. Гремят восемь орудийных залпов.

И вот вспыхнул олимпийский огонь. Гореть ему ровно одиннадцать дней.

Интересно, что честь произнести олимпийскую клятву была доверена фигуристке Кэрол Хейсс, американке, чемпионке мира. Вместе с ней повторяли мы слова: «Мы примем участие в этих Олимпийских играх, уважая правила этих Игр, желая честно состязаться во славу спорта и во имя чести наших стран».

Уже на следующий день начались соревнования фигуристов.

Открывали их спортивные пары.

А среди пар первыми должны были выступать М. Гёбль и Ф. Нингель из ФРГ.

Мы проводили разминку вместе с ними, ибо наш стартовый номер — 4. Западногерманские фигуристы разминаясь не слишком старательно, — очевидно, не хотели чересчур тратить силы. И это было вполне понятно и оправданно.

Вообще стартовать первыми — с чисто психологической точки зрения — очень нелегко. А уж стартовать первыми на Олимпиаде — и подавно. Но Гёбль и Нингель вышли из испытания довольно успешно. Их выступление было оценено высокими баллами, но сразу же после окончания программы Нингелю пришлось пользоваться кислородным прибором.

Мы потом часто видели эту процедуру. Фигурист дышит как выброшенная на сушу рыба. И ничего с собой поделаться нельзя, хотя и смотрят на тебя тысячи глаз и хочется выглядеть как можно достойнее. Нингель рассказывал, что уже после полутора минут катания он чуть-чуть не задохнулся и с большим трудом смог закончить свое выступление.

Не хватало воздуха и нам.

К середине выступления мышцы начали вибрировать, дыхание стало судорожным.

При той скованности, которая была у нас, нельзя бы-

ло заставить зрителей и судей проникнуться нашим настроением, настроением, заложенным в основу программы. Уже тогда, на первой своей Олимпиаде, мы стали понимать, что многое в нашем будущем стиле будет зависеть от того, насколько чисто сумеем мы показать все, что есть в программе, и что малейшие шероховатости всегда будут резко снижать впечатление, а иногда даже перечеркивать наши замыслы.

Нина и Станислав Жук катались девятыми. И если у нас оценки за содержание программы были ниже, чем за исполнение ее, то у них было наоборот. Вообще оценки пары Жук были довольно высокими. И все же Гёбль и Нингель, проигравшие паре Жук на первенстве Европы, на этот раз опередили их. Они заняли пятое место, Нина и Станислав — шестое. Мы же оказались девятыми.

Всего на льду «Айс-арены» свое мастерство продемонстрировали тринадцать пар. Лучшими были канадцы — Барбара Вагнер и Роберт Поул. Килиус и Боймлер не смогли составить чемпионам мира достойной конкуренции, несмотря на специальную подготовку, и им пришлось удовольствоваться серебряными наградами.

Барбара и Роберт выглядели на льду элегантными и в то же время сильными. Они были невозмутимыми и бесстрашными. Когда в самом начале их выступления музыка вдруг прервалась (соскочил адаптер с пластинок), они заново начали свою программу. И настолько стремительно, настолько радостно демонстрировали далее свое мастерство, что сразу же стало ясно, кто будет чемпионом Олимпиады.

Все судьи отдали первенство Барбаре Вагнер и Роберту Поулу. Спортивные обозреватели немедленно отметили, что это очень редкий случай, поскольку до сих пор только дважды на олимпиадах фигуристы добивались такого подавляющего преимущества. Один раз это удалось знаменитой норвежке Сони Хени, а другой — Г. Планк-Сабо (Австрия).

Барбара Вагнер и Роберт Поул создали свой стиль, свой почерк, не похожий на другие. Мы восхищались неповторимой индивидуальностью канадцев. И еще более укрепились в мысли, что должны идти своим путем.

Бронзовыми призерами Олимпиады стали тогда американцы Н. и Р. Ладдингтон. У них была эффектная разнообразная программа, но ей не хватало законченности, своеобразия.

После окончания состязаний специалисты отметили прогресс советских спортсменов и сказали, что они в ближайшем будущем будут опаснейшими соперниками. При этом в первую очередь отмечали Нину и Станислава Жук...

Дни и ночи проводили мы на катке.

Мы смотрели все тренировки. Снимали на пленку лучших фигуристов и фигуристок. Старались понять, чем руководствовались, из чего исходили они, создавая ту или иную дорожку, расставляя так или иначе свои элементы. Нас интересовали принципы, а не технические детали, хотя и они были для нас весьма важными.

Нельзя было не влюбиться в эти дни в замечательную американскую фигуристку Кэрол Хейсс. Она была бесспорным фаворитом.

Как она добилась такой естественности движений?

Оказалось, что Кэрол начала заниматься фигурным катанием очень рано: девочке подарили коньки, когда ей минуло четыре года. Она тренировалась в Бруклинском ледяном дворце и здесь ее заметил экс-чемпион мира и двукратный олимпийский чемпион Пьер Брюне, будущий тренер Кэрол. Уже в двенадцать лет она была опытной фигуристкой. Став многократной чемпионкой мира, Хейсс отказывалась от самых выгодных предложений профессиональных ревю. Она говорила: «Я хочу кончить колледж и не собираюсь становиться профессионалкой. Я занимаюсь фигурным катанием потому, что очень люблю его, а не потому, что за это могут платить деньги».

Замечательные слова!

Суматоха начиналась на катке, когда появлялся здесь Дэвид Дженкинс, чемпион мира. Конечно, он был главным претендентом на золотую медаль, но на Олимпиаде — напряженная обстановка и, как знать, не найдется ли какого-нибудь фигуриста, который захочет потеснить Дженкинса. И он появился. Это был выдающийся чехословацкий спортсмен Карел Дивин. Именно он оказался первым после выполнения обязательных фигур, а Дженкинс пока оставался вторым.

Для нас в этой ситуации тоже был дополнительный урок. Не надо бояться фаворитов!

Но, несмотря на весьма солидный разрыв в баллах, Дженкинс не сомневался в победе. Он копил силы, а его тренер Эдди Шелдон в эти дни никому не разрешал беседовать со своим учеником:

— Мы ждали этой Белой олимпиады восемь лет, и я хочу, чтобы у Дэвида осталось как можно больше времени для отдыха...

Чехословацкий спортсмен вышел для выполнения произвольной программы, как бы давая Дженкинсу фору. Дело в том, что еще на тренировках он получил травму ноги и не мог кататься в полную силу. Но Карел, преодолевая боль, выполнил свою программу.

А Дженкинс катался в полную силу. Он был легок и стремителен, его прыжки в три оборота заставляли затаить дыхание. Сила и музыкальная утонченность Дэвида принесли ему победу. Почти все оценки были 5,9, а одна даже — 6,0! Ее поставил Эмиль Скакала (ЧССР).

Дженкинсу в то время было 23 года. Он учился на медицинском факультете Кливлендского университета. Он хотел стать хорошим хирургом. На Олимпиаде его называли «вращающимся дервишем на серебряных коньках».

У Дженкинса тоже можно было многому поучиться, и в особенности его фантастическому упорству и настой-

чивости. Готовясь к Олимпиаде, он выходил на лед даже в ночные часы.

Да, первая наша Олимпиада была замечательной школой спортивной техники, тактики и стратегии. Ее уроки сослужили нам в дальнейшем просто-таки неоценимую службу...

После Олимпиады состоялось первенство мира в канадском городе Ванкувере. Принципиально нового оно не дало ничего. В парном катании снова впереди были Вагнер — Поул, зато на второе место вышли их земляки — М. и О. Желинек, будущие чемпионы мира. Килиус — Боймлер получили бронзовые медали. Успехом можно было считать пятое место, завоеванное Н. и С. Жук, которые обошли призеров Олимпиады Н. и Р. Ладингтон. Мы тоже сделали шаг вперед и заняли восьмое место.

После первенства мира две советские пары и тренер Н., который опекал Н. и С. Жук, были приглашены на показательные выступления в Торонто. В них приняли участие Вагнер — Поул и М. и О. Желинек, а также выдающийся фигурист нашего времени Дональд Джексон. Не обошлось без курьезов. Профсоюз музыкантов, который обслуживал эти выступления, в ультимативной форме потребовал, чтобы для фигуристов не были использованы магнитофонные записи. И нам впервые пришлось исполнять «Грезы любви» в сопровождении электрооргана. Перед этим была только одна десятиминутная репетиция.

Во время выступления органист следил за нами и «тянул» концовки, а мы слушали его и тоже растягивали движения. Так мы и играли с ним в кошки-мышки. С большим успехом катались Вагнер — Поул, их много раз вызывали на «бис». И тут тренер Н. вдруг предложил в наши «Грезы любви», чтобы сделать их как можно более «впечатляющими», вставить трюки эстрадно-циркового характера!.. Конечно, ни о каких изменениях в «Грезах любви» речи не могло идти.

Глава, посвященная нашей изобретательской деятельности

Сегодня уже не вспомнишь, когда мы впервые поняли, что для наших программ мы должны сочинять новые элементы и их сочетания, которые ранее были совершенно неизвестны парному катанию. Прыжки, вращения, поддержки, бывшие в обиходе в конце пятидесятих годов, никак не позволяли передать даже маленькую часть человеческих ощущений, мыслей, чувств, изложенных на невероятно гибком, мудром, глубоком языке музыки. Конечно, задор, энергию молодости можно подчеркнуть и быстрыми комбинациями шагов, и парным вращением или поддержкой. Но, во-первых, даже их набор был тогда значительно беднее, чем сейчас, а во-вторых, эти элементы давали возможность наносить только очень грубые мазки, не оставляя места для полутонов. А для нас —

Всего милее полутон.
Не полный тон, но лишь полтона.
Лишь он венчает по закону
Мечту с мечтою, альт, басон.
(Поль Верлен)

Мы мечтали о программах поэтических.

Но мечты могли остаться только мечтами, если бы мы не взялись за «словотворчество», за новые слова для новых песен.

Мы присматривались к балету. Мы еще внимательнее приглядывались к природе, людям. Мы смотрели на движения жизни широко открыв глаза. И вот крохотные детали, на которые мы раньше и внимания никакого не обратили бы, приобрели для нас особый смысл.

Падающая на каменный пол монетка.

Она звенит и пляшет. Подпрыгивает на полу и пытается укатиться в какой-нибудь укромный уголок, чтобы лежать там тихо-тихо.

Но нет. Невидимая сила возвращает ее в круг.

Монетка находится в замкнутом пространстве. Она сопротивляется, борется. Но замкнутое пространство ей не дано разорвать. И голос у монетки все тише и глуше. И силы у нее уже на исходе.

Круги уменьшаются и уменьшаются. Монетка почти замирает на месте. Она еще на ребре. Она стоит упрямо и гордо. Стоит перед тем, как начать свое последнее движение.

И вот рывок. Отчаянное, судорожное вращение.

И конец. Остановка навсегда.

Мы смотрели на монетку зачарованные. Мы глаз от нее не могли отвести. И снова и снова бросали ее на гранитные плиты.

А потом «бросили» себя на лед.

Мы решили изобразить «монетку» и, еще не надев коньки, уже знали, как мы это сделаем...

Нас часто спрашивают, как мы изобретаем новый элемент. И мы не можем ясно ответить на вопрос. Потому что помним, как и когда впервые пришла нам идея, что нас подтолкнуло к ней. А вот как родился этот элемент — ответить не в силах.

В тот раз, выходя на лед, мы твердо знали, что надо сделать парную «ласточку», нестись в ней назад, а потом, завершая спираль, сделать еще одно усилие, чтобы закружиться отчаянно и стремительно в тот момент, когда движение вроде бы уже закончено.

Мы чувствовали всем телом, что надо делать так и не иначе!

Мы счастливы, когда к нам приходят подобные озарения. Мы ищем их. Мы разработали в себе тончайшие ощущения для их поиска, каждая наша мышца — свое-

образный компас, который помогает нам избрать точное направление для движения.

Кстати сказать, один из своих элементов мы так и называли — «стрелка компаса». Помните?..

Партнер торжественно, как в одном из старинных танцев, отпускает руку партнерши и ждет, пока она, величаво вращаясь, снова повернется к нему.

Этот элемент для нас всегда нес и несет не только эмоциональную нагрузку. Он для нас еще и пауза, спокойная пристань, где мы можем передохнуть несколько секунд, чтобы, восстановив запас сил, снова ринуться в открытое море программы.

Более того, мы специально где-то в середине программы вставляем либо «стрелку», либо другой элемент такого же характера, чтобы дать передохнуть и самим зрителям, чтобы и они, освеженные, смогли всю заключительную часть воспринимать так, как будто только что пришли на каток.

Вот мы и раскрыли один из своих маленьких композиционных «секретов» и надеемся, что молодые фигуристы, прочитавшие эту книгу, не будут слепо копировать этот прием, а, поняв его суть, создадут для себя нечто подобное и вместе с тем свое, не похожее ни на что другое.

Один из наших новых элементов уже прочно вошел в спортивный обиход. Его так и называли — «спираль Протопоповых». Он включен в список элементов, которые надлежит выполнить во время демонстрации обязательной программы каждой спортивной пары.

А родился он совершенно случайно.

Дело было на тренировке.

Мы приступили к отработке «тодеса», или «спирали смерти», самого обычного элемента, при котором партнер держит партнершу за правую руку, а она, повиснув надо льдом, вращается вокруг партнера на внешнем ребре правого конька.

«Тодес» есть нынче на вооружении у всех пар, даже слабых. Вообще отсутствие этого элемента в программе воспринимается сейчас как ужасный пробел в подготовке. Но и характер исполнения «тодеса» наблюдается совершенно различный, и в некоторых случаях зрители устраивают овацию — настолько бесстрашной кажется партнерша и таким отважным и сильным партнер; а в других — публика безмолвствует, ибо вращение — медленное, партнер удерживает партнершу с видимым усилием, да и она сама боязливо запрокидывает голову и все никак не решается войти в спираль.

Старый вариант «тодеса» у нас всегда шел хорошо. И мы не думали ни о каких переменах, пока не этот случай на тренировке.

Дальше мы рассказываем по очереди.

Олег:

— Людмила не успела даже войти в спираль, как у нее соскользнуло ребро конька. Вероятно, конек был тупой. Меня дернуло. Остановиться сразу было невозможно. А она для того, чтобы как-то удержаться, поставила на лед и левую ногу.

Так мы катались секунду, а может, и две. Почти круг сделали.

Людмила:

— Неприятное чувство, когда опорная нога выскальзывает во время «тодеса». Кажется, сейчас грохнешься затылком о лед — и дух вон. Я повисла на руке Олега. Он всегда чрезвычайно чутко чувствует, когда меня надо поддержать. Совершенно произвольно поставила на лед левую ногу. И тут Олег сказал: «Слушай, Люда, а нельзя ли?..».

Так родилась мысль о новом элементе.

На той же тренировке попробовали его сделать уже специально. Не вышло. Нога — левая — так не поворачивалась и даже за кончик ускользящего движения ухватиться не удавалось.

Мы оставили новый вариант «тодеса» в покое. Дело было весной. Сезон заканчивался, хотелось отдохнуть и ни о каком фигурном катании не думать.

В конце лета мы поехали к морю.

Мы ежегодно отправляемся на тихий черноморский берег, в сторону от привычных трасс курортников. И там, в давно уже облюбованном месте, занимаемся подводной охотой, много плаваем, загораем.

И вот на берегу моря мы снова вернулись к «тодесу» на внутреннем ребре. Сотни раз ловили мы без коньков положение, в котором оказались тогда на тренировке. И твердо пришли к выводу, что новый вариант «тодеса» возможен.

Если что-нибудь западает в душу, мы способны заниматься по многу часов подряд, чтобы довести дело до конца. Так было и на первых тренировках после отдыха. Спираль за спиралью укладывали мы на лед. А Людмила еще специально тренировала голеностоп левой ноги, чтобы он выдержал новую нагрузку...

Когда в 1966 году в Горьком на отборочных соревнованиях мы показали новый вариант «тодеса», многие наши коллеги говорили, что подобный элемент у них тоже получался при срыве обычной наружной спирали, однако дальше этого они не пошли...

Важно подчеркнуть, что почти все наши элементы были взяты из различных отделений арсенала фигурного катания. Некоторые прыжки и придумывать не надо было. Скажем, двойной «флип» делают все одиночники, но в паре первыми его прыгать стали мы в 1966 году. А вот «коршун» из «Грез любви», очень эмоциональная поза партнера, выражающая угрозу, появился как бы со стороны и ведет за собой в фигурное катание множество других поз. После «коршуна» фигуристы вообще стали больше заниматься поисками поз и жестов, поняв, что для эмоциональной окраски программы они имеют неопределимое значение.

Ф. Шаляпин сказал: «Жест — это не механическое движение тела, а движение души человеческой».

Какой же из «наших» элементов для нас самый любимый, самый дорогой? Трудно сразу ответить на этот вопрос. У родителей все дети любимые. И для нас все наши технические изобретения как будто одинаково дороги. Во всяком случае, радость от их создания каждый раз была большой, и чувство облегчения после первого исполнения — тоже. И все-таки...

Есть элемент сейчас для нас очень дорогой, наверное, потому, что он пока один из последних. Но эскизы очередных новинок уже заготовлены, работа идет, и, мы надеемся, она будет успешно завершаться еще не раз.

Это — один из элементов нашей олимпийской программы в Гренобле. Пожалуй, это даже не элемент, а целое действие, через которое проходит одно-единственное движение, имеющее свою завязку, свое развитие темы, свою кульминацию и свою развязку.

В середине программы мы начинаем парную «ласточку».

Привычный элемент. С него начинается фигурное катание. Как только ребенок оторвал ногу ото льда, мамы кричат: «Смотри, уже фигурист!».

«Ласточку» выполняют многие пары. Но мы нашли для «ласточки» новое продолжение. Настолько необычное, что даже сами долго не верили, что из этой затеи выйдет толк.

Словом, мы несемся по крутой спирали вперед в нашей «ласточке». Одно целое. Нерушимое.

Но затем, после одного витка, спираль неожиданно выходит на прямую. Людмила отделяется и уходит вперед. Причем зрителям совершенно непонятно, какие силы заставили ее оторваться от партнера.

Людмила:

— Для меня, столько лет отдавшей парному катанию, ощущение совершенно непривычное.

Я скольжу одна.

Я в полете. И меня провожает в него мой верный партнер, оставшийся ждать — терпеливо и преданно...

Олег:

— Лев Толстой сказал: «Воспитание есть прежде всего воздействие на сердце».

К Олимпийским играм в Гренобле мы хотели создать совершенно новый, абсолютно современный элемент. Современный! Понятный и молодым и старикам.

Так родилась идея нашей «ракеты-носителя».

После парного скольжения я отправляю Людмилу в неизведанные дали. Она — последняя ступень нашего корабля. Самая совершенная ступень. Носительница жизни. И она уходит от меня. Только что существовавшее единое целое распалось.

Но разделившаяся «ласточка-ракета» по-прежнему сохраняет свой контур. Все линии точны, никакое искажение невозможно.

И чем больше расстояние, разделяющее нас, тем лучше виден общий силуэт. Даже расставаясь, мы остаемся вместе...

Вот что можно сделать с самой обычной простенькой «ласточкой», если посмотреть на нее по-новому, если вложить новое содержание в давно известное движение.

А сколько таких всем известных, но еще далеко не разработанных движений в фигурном катании!

И какое огромное поле для поисков!

В особенности для молодых фигуристов, которые еще не скованы, мы бы сказали, условностями жанра, которые способны воспринимать окружающий их мир свежо и непосредственно.

**Глава, посвященная одному нашему выступлению,
прошедшему, к сожалению, почти незамеченным,
но имевшему для нас
самое большое значение**

Много лет нас называли «серебряной парой».

И это было верно — до поры до времени.

Мы действительно были «серебряной парой», проигрывая постоянно Нине и Станиславу Жук и являясь в течение добрых шести лет их самыми активными преследователями.

Потом мы сразу стали серебряными призерами чемпионатов Европы и мира.

И снова нас называли «серебряной парой».

И настолько привычным тогда стало это наше «звание», что даже тот факт, что во время расцвета таланта Н. и С. Жук мы все-таки смогли выиграть у них и завоевать золотые медали чемпионов Спартакиады народов РСФСР 1961 года в Свердловске, прошел для многих незамеченным: «Все равно — серебряные!».

Собирая документы, необходимые нам для этой книги, мы обратились к подшивкам газет тех времен. И оказалось, что даже в «Советском спорте» нашей победе было уделено всего четыре фразы. Вот они: «Призеры европейских чемпионатов Нина и Станислав Жук и их соперники Людмила Белоусова и Олег Протопопов набрали одинаковую сумму баллов... Четыре чемпиона сразу? Нет. Победа присуждена тем, кто получил более высокую оценку за исполнение. Л. Белоусова и О. Протопопов опередили наконец своих старых соперников...».

Даже сейчас нам стало немножко обидно.

Обидно прежде всего потому, что огромной важности (для самих спортсменов) событие не обратило на себя, по существу, никакого внимания.

Почему же даже профессиональная спортивная газета не смогла дать глубокую оценку факту, который уже сам по себе давал пищу для рассуждений?

Зарезервировав здесь возможность повести этот разговор далее, мы лишь еще раз хотим возвратиться к Свердловску, к Спартакиаде народов РСФСР, которая для нас была особенно важной, ибо в том сезоне в чемпионате Европы, проводившемся в Западном Берлине, мы не участвовали, а чемпионат мира в Праге вообще не состоялся в связи с гибелью американских фигуристов во время авиационной катастрофы.

Для нас это был переломный момент. Мы создали новую программу. Нам очень хотелось сделать ее контрастной, рельефной, чтобы каждая деталь в ней была оттенена и каждый оттенок был ярким. И вот первое исполнение.

Мы говорим первое, хотя специалисты могут напомнить, что программа эта уже показывалась на открытом чемпионате Москвы.

Да, мы выступали на этих состязаниях.

Но выступить — еще не значит показать то, что ты уже умеешь делать. До этого мы тренировались на естественном льду. У нас никак не получалась «монетка» — парная спираль с вращением вперед.

А на первенстве Москвы, которое проводилось во Дворце спорта в Лужниках, она вдруг неожиданно получилась; мы попали в плен стремительного вращения и никак не могли выбраться из него. Мы вначале были так обрадованы, что даже не хотели останавливаться. А когда остановились, то партнер оказался на месте партнерши. Пока менялись местами, музыка ушла! Бросились вдгонку и в результате — падение.

Мы настолько растерялись, что сошли со льда на де-

ревянный настил, а Люда даже села на стул. Случилось что-то невероятное! Судьи — на своих местах, музыка играет, а спортсмены, прокатавшись всего одну минуту, сошли.

Мы и сами не могли понять ничего. Глянули друг другу в глаза, опомнились, взялись за руки и снова вышли на лед.

Дошли до конца, ни разу «не зачерпнув бортом воду». Но судьи были беспощадны. Да и разве могли они быть другими, если мы сами не сумели показать, на что способны!

И вот на первенстве Москвы мы даже не «серебряные». Мы «бронзовые». А впереди — совсем еще юная Татьяна Жук с Александром Гавриловым.

Мы с нетерпением ждали Спартакиаду. У нас было время, чтобы сделать выводы из случившегося. И мы использовали его полностью.

Соревнования в Свердловске проходили на открытом воздухе.

Сегодняшним юным мастерам уже не приходится ни тренироваться, ни выступать в мороз и ветер. А мы выходили на лед в любую погоду. И коченели ноги. И пальцы не сгибались, когда надо было перешнуровать ботинки.

И музыка словно бы глушилась морозом, уносилась ветром, и надо было еще более чутко прислушиваться к ней, чтобы не потерять ненароком...

И вот старт. Несколько вдохов — воздух врывается в легкие, очищает их, и мы чувствуем радость оттого, что лед сверкает, и что сейчас нам предстоит исчертить его своими узорами, и что эти узоры нами созданы и отработаны до мельчайших штрихов.

А пока мы собирались с духом в углу катка, кто-то из зрителей, с верхних рядов трибун, крикнул:

— Вперед, Белоусова и Протопопов, быть вам сегодня чемпионами!

У нас была легкая классическая музыка. В те дни она нам очень нравилась и кататься под нее нам было легко.

Мы проскочили над всеми подводными камнями. Даже прыжки, которые в то время нам, прямо скажем, не удавались, были сделаны чисто.

И вот мы — чемпионы Российской Федерации.

Чемпионы республики, в которой сосредоточены все сильнейшие фигуристы страны.

Чемпионы — в борьбе с Ниной и Станиславом Жук.

Чемпионы — в борьбе с собственными сомнениями, колебаниями, неуверенностью.

Сумма баллов у нас и пары Жук — одинаковая. Но нам отдается предпочтение за исполнительское мастерство. И это нас радует более всего. Значит, мы идем правильным путем, значит, так держать!

Акцентируя внимание на этом эпизоде, мы хотели бы рассказать читателям об одной неписаной, но известной миру фигурного катания традиции, существующей по сей день. Надо отметить, что вообще в нашем виде спорта различные традиции особенно живучи, и в частности они проявляются в особой почтительности арбитров по отношению к чемпионам. Чемпионы очень редко проигрывают. В спорных ситуациях им всегда отдается предпочтение. И это, очевидно, вполне естественно, поскольку чемпион обычно олицетворяет господствующее творческое направление, диктует стиль и моду, которые он сам и принес в фигурное катание.

Мы выиграли у чемпионов!

В том сезоне нам пришлось еще раз встретиться с Ниной и Станиславом Жук. На чемпионате страны. Это был наш последний поединок на льду, если не считать последующих, которые вели с нами уже ученики Станислава.

И тут мы получили наглядный урок: мы не имеем права, если, конечно, хотим выигрывать, ни дня стоять на

месте. Чуть-чуть расслабились после победы, успокоились — и вот результат: мы вновь проигрываем нашим конкурентам. Судьи долго совещались, подсчитывали баллы, выясняли сумму мест и объявили победителями Нину и Станислава...

Вскоре после этого наши главные конкуренты ушли в профессиональный балет на льду. Признаться откровенно, наряду с некоторым облегчением мы и сожалели об этом. Мы привыкли к неустанной ежедневной борьбе, она стимулировала наши поиски. И вот все кончено.

Любопытно, что гонка преследования, которую мы начали в следующем сезоне и в которой главными соперниками была уже западногерманская пара Марика Килиус и Ганс-Юрген Боймлер (далее мы еще не раз будем говорить об этих превосходных спортсменах), по своему сюжету очень напоминала ту, которую мы уже закончили. Снова мы всюду были вторыми. Снова, казалось, вечно будет господствовать стиль катания, резко отличающийся от нашего. Снова...

И снова мы выигрываем у непобедимых прежде чемпионов Европы и мира. И наносим этот удар в самом расцвете их карьеры — во время Олимпиады в Инсбруке, где они были настолько уверены в победе, что согласились на досрочный выпуск открыток, на которых под их фотографией была подпись: «Марика Килиус и Ганс-Юрген Боймлер — чемпионы Олимпиады 1964 г.!».

После этого на чемпионате мира в Дортмунде мы им проиграли. Проиграли и остались единовластными хозяевами положения. Ибо Килиус — Боймлер уже ждет контракт с профессиональным ледяным ревю и они не желают его терять,

Глава, посвященная нашему «серебряному» году и новым урокам борьбы уже на высшем уровне...

Газета «Журналь де Женев»: «Блестящее выступление советской пары, занявшей второе место! Своими прыжками советские фигуристы очаровали зрителей...».

«Трибун де Женев»: «Советская пара показала удивительную легкость, гибкость и ловкость при исполнении исключительно сложных фигур...».

Это было написано о нас на следующий день после того, как закончили свои выступления пары, участвовавшие в чемпионате Европы 1962 года, который проходил в Женеве. Впервые мы стали серебряными призерами на столь крупных международных соревнованиях, впервые были так щедро награждены лестными эпитетами, впервые разговор пошел о новом направлении в фигурном катании. Все это было приятно слышать. А тут еще и письма к нам... Мы храним одно из самых первых таких писем. Старушка, любительница балета и фигурного катания, живущая в одном из небольших городов Швейцарии, предсказывала нам грядущие победы на чемпионатах Европы, мира и на олимпийских играх. Мы держали в руках небольшой листок бумаги — разбирали бисерный почерк, и не могли поверить, что это о нас.

Да, переход из одного состояния в другое был ошеломляющим. Еще вчера — сомнения, колебания, неуверенность, шаткость во всем, что касалось нашего будущего. И вот все это остается позади, и начинается новая борьба, уже на самом высоком уровне, борьба, в которой нас не ставят на уровень заведомо проигравших.

Для некоторых читателей, вероятно, будет интересно узнать о том, как проходил женевский чемпионат. Для нас, для парников, он был отмечен новинкой в судействе. Все пары обязаны были показывать свои произвольные программы дважды. Причем после первого исполнения оценки спортсменам не сообщали. Судьи держали их в секрете. А уже при повторном прокате программы оценки выставлялись и демонстрировались, как обычно. В таком «детективном» развитии начальной фазы чемпионата были свои прелести. И фигуристы, не унывая, не слишком огорчаясь незначительными ошибками, чрезвычайно азартно вели спор за первенство.

Конечно, Марика Килиус и Ганс-Юрген Боймлер, давно уже захватившие верхнюю ступеньку европейского пьедестала почета, выглядели уверенными и непоколебимыми. В особенности после того, как узнали оценки первого тура, которые оказались у них выше всех. А мы были лишь третьими, пропустив вперед еще одну пару из ФРГ: Маргет Гёбль — Франц Нингель.

Но второй «заход» был для нас более успешным. И именно второе выступление с произвольной программой, когда мы почувствовали, что способны дать бой лидеру, стало решающим. Мы разделили первое место с Килиус — Боймлер и по сумме оказались вторыми.

Через несколько лет, прослеживая свой путь к «золоту» олимпийских чемпионов в Инсбруке, мы будем подробно анализировать психологические нюансы нашей конкуренции с Килиус — Боймлер. И придем к выводу, что именно тогда, в Женеве, мы пошатнули уверенность западногерманских спортсменов, пошатнули настолько сильно, что оправиться они уже больше не могли, хотя и не раз еще побеждали нас.

После чемпионата состоялись показательные выступления. Нас пять раз вызывали на «бис». Мы устали тогда безмерно — это ведь пять эмоциональных всплесков, во время которых отдача энергии увеличивается в десятки

раз. Но мы были готовы выходить вновь и вновь на лед. Мы показали тогда «Грезы любви», после нас должны были кататься Ева и Павел Романовы, М. Килиус и Г. Боймлер.

В конце выступлений нам запомнился один любопытный эпизод.

Все участники выстроились для последнего парада. И вот мы видим, как на лед выбегает мальчишка с огромным букетом алых тюльпанов. Мальчишка скользит. Мальчишка улыбается. Он счастлив. И когда он подбегает наконец к нашей шеренге, Марика Килиус делает движение вперед, чтобы принять у него цветы. Она ни на мгновение не сомневается, что букет тюльпанов предназначается для нее, для чемпионки.

Но мальчик обходит ее и направляется к нам. Запыхавшись, он чуть слышно произносит:

— Бе-лоу-соффа, Прото-по-пофф...

Олег:

— Людмила поцеловала мальчика. Букет был настолько большим, что она не могла удержать его в одной руке. И тогда она передала цветы мне. Я поднял алые тюльпаны над головой... Удивительное было у нас состояние!

А потом был чемпионат мира в Праге. Но, прежде чем отправиться в Прагу, мы улетаем на I зимнюю Спартакиаду народов СССР в Свердловск и там завоевываем золотые медали.

С Марикой Килиус и Хансом-Юргеном Боймлером, с Маргет Гёбль и Францем Нингелем мы вновь встречаемся в пражском зимнем стадионе. Встречаемся во время тренировок, предшествующих соревнованиям. Тренировки платные. Зал переполнен зрителями. Нас это не очень радует. Мы не привыкли к присутствию посторонних на наших тренировках.

Кстати, многих специалистов это удивляет. В самом деле, почему мы не хотим тренироваться с другими пара-

ми? Или с одиночниками? Или с танцорами? Почему — только одни?

Прежде всего, многолетняя привычка. Когда нас не хотели признавать, когда над нашими поисками откровенно смеялись, мы стали уединяться на катке. Приходили позже всех, когда тренировки заканчивались. А иногда и опережали всех, выходя на лед еще затемно. Тишина, отсутствие посторонних глаз создавали у нас особое рабочее настроение. Особую сосредоточенность. Мы не хотели, чтобы кто-нибудь в такие минуты мешал нам прислушиваться к себе, к своим мыслям, к своим ощущениям. Конечно, мы могли и можем работать вместе с другими фигуристами, но только когда процесс создания новой программы закончен, когда она уже освоена, когда остается сделать лишь последние штрихи.

В Праге на стадионе собирались тысячи людей, а тренироваться надо было так, как будто мы находились в привычной для себя обстановке. Не получалось. Ничего не выходило у нас. Все поддержки мы срывали. Все прыжки срывали. Даже на простых шагах спотыкались. Словом, как будто вернулись те недалекие времена, когда даже мы сами не могли сказать, как пройдет наше очередное выступление.

А Килиус и Боймлер показывали весь свой класс.

Публике нравились их акробатические номера. Публике импонировала их уверенность в себе.

Прыжки у чемпионов Европы идут блестяще.

На поддержке Марика улыбается. А улыбка у нее просто ослепительная. Мы любимся нашими соперниками, восхищаемся их искусством. Это еще больше выводит нас из равновесия.

Вероятнее всего, чемпионы добиваются именно этого.

И нам хочется ответить на выпад выпадом, да не получается. Ничего у нас в тот день не получается на тренировке.

Марика и Ганс-Юрген замечают наше состояние. Они

довольны, что добились нужного эффекта, и с удовольствием позируют перед фоторепортерами. Юные пражане на трибунах скандируют: «Бра-во!». А нам все это, откровенно признаться, очень и очень неприятно. И еще, помнится, мы удивляемся, потому что обычно публика болеет не за общепризнанных фаворитов, а за тех, кто их догоняет. Она поддерживает догоняющих, чтобы поединок получился острее, чтобы силы соперников уравнились. И хотя мы не нуждались ни в какой дополнительной поддержке, восторженный прием, оказанный чемпионам, вызвал у нас тягостное ощущение.

Так и закончилась та тренировка. Мы ушли со льда вконец расстроенные, опустив головы.

И вот старт.

Теперь уже не до психологических атак.

И выясняется, что наши главные соперники отдали слишком много сил для того, чтобы блеснуть на тренировке. Они так старательно уверяли себя, что они самые сильные, и так старались убедить в этом других, что в решающий момент соревнований какого-то микрона собранности и расчетливости им уже просто не хватило.

Мы не видели, нам рассказали об этом после. На прыжке в «ласточку» Мари́ка и Ганс-Юрген зацепились коньками друг за друга. Устоять на ногах они не смогли. Очутившись на льду, Мари́ка и Ганс-Юрген долго не могли подняться, а потом совершили отчаянный круг по катку и ушли в раздевалку. Ушли, не желая довольствоваться никаким другим местом, кроме первого. Ушли, не доведя борьбу до конца. Ушли, ненавидя поражения, не желая учиться на них.

Но и мы в тот день не стали победителями.

Наш стартовый номер был четырнадцатым. Соревнования длились почти 3 часа. Это вообще нелегкое испытание — и психологическое и физическое.

Мы долго сидели в маленькой душной камерке раздевалки. Мы плотно закрыли двери, чтобы не слышать ни

одного звука, пробивающегося под трибуны из зала. Нам было одиноко, мы нервничали. Почти не разговаривали. Осматривали свои костюмы. Проверяли в сотый раз коньки. Мы их наточили перед соревнованиями, да так ни разу и не попробовали на льду.

Наконец, объявление: следующими на старт выходим мы. Для нас оно звучит сигналом к действию, заставляющим собраться, сосредоточиться и забыть обо всем, кроме того, что нас ожидает. И мы уже не замечаем, что воздух тяжел, что стены коридоров — не первой чистоты, что зал встречает нас настороженно.

На смену сомнениям приходит уверенность. Бог с ним, с серым льдом, мы его не замечаем больше. Коньки остры, силы есть, вдохновение не может к нам не прийти!

Мы помним, что многие наши комбинации пражане встречали овацией. И на этот раз убеждаемся в том, что новые «слова», которые мы три года назад создали для «Грез любви» и ныне включили в наши спортивные диалоги, понятны и близки зрителям. «Монетка», «стрелка компаса» и другие элементы были встречены удивительно тепло.

Мы катались последними. До нас выступили канадские спортсмены — брат и сестра Мария и Отто Джелинек. Продолжатели традиций знаменитых канадцев Вагнер — Поул, они по своей манере катания очень напоминали их. В программе Марии и Отто было много высоких прыжков, и среди них — парный параллельный в два с половиной оборота. Джелинек были первыми парниками, решившимися исполнить этот элемент. На тренировках он получался у них замечательно — 10 из 10, но на чемпионате они не смогли выполнить его чисто. Мария выехала отлично, а Отто сорвал прыжок. Но впечатление у судей от их выступления все равно осталось превосходное. Мария и Отто получили очень высокие оценки.

Вернувшись в свою раздевалку и не зная еще результатов борьбы, мы радовались только одному: выполнили

свою программу довольно чисто, психологические атаки выдержали с честью. (Именно после этого мы стали еще более непробиваемыми для стрел такого рода.)

Вскоре к нам пришли Мария и Отто Джелинек. Пришли, чтобы поздравить с победой. Они тоже не знали, каков исход борьбы, и были уверены, что за ними — второе место. Мы, в свою очередь, говорили, что, несомненно, победили Джелинек.

В раздевалке за дружеской беседой нас и застали фотокорреспонденты. На всякий случай они сфотографировали нас вместе. И потом эти снимки были главными на полосах газет.

Когда стало известно, что с ничтожным преимуществом победили канадцы, мы искренне, чистосердечно поздравили их. Было, конечно, немного обидно, но мы взяли себя в руки. Ведь если дать волю этому чувству, оно может завести далеко.

Рассматривая прошлое с позиций сегодняшнего дня, мы можем твердо сказать: это даже хорошо, что тогда не стали чемпионами мира. В то время мы еще не были в полной мере подготовлены к этому. Но «серебро», завоеванное в Праге, свидетельствовало о том, что мы на правильном пути. Это подхлестнуло нас, заставило еще более активно искать и анализировать новые решения.

Один из руководителей Международной федерации чехословацкий специалист Йозеф Дедич писал в те дни: «Наибольшего прогресса достигли фигуристы в парном катании. Здесь тон задают канадские, советские и немецкие пары. Незабываемое впечатление произвела на всех советская пара Людмила Белоусова и Олег Протопопов. Их настоящее балетное искусство, чувство музыки, поиски новых комбинаций — все это говорит о высоком классе спортсменов. Но им необходимо еще поработать над спортивной стороной, особенно во время длинных прыжков...».

Обратите внимание на один факт. В начале этой гла-

вы мы привели цитату из женевской газеты, которая писала, что мы очаровали зрителей своими прыжками. Йозеф Дедич придерживается другого мнения. Где же правда? Мы решили прислушаться к критике. И уже в следующем сезоне ввели в свою программу столько прыжков, что и по сей день не представляем, как нам удалось справиться с ними!

И в заключение еще одна рецензия на наше выступление в Праге. Эти слова принадлежат чемпионке мира в танцах на льду англичанке Дорин Денни: «Как исполнительница танцев на льду, я нашла, что советская пара Белоусова — Протопопов великолепно сливается с мелодией. Их отлично построенная программа была и самой оригинальной. Мне понравилась манера русских передавать музыку и ее настроение. Они буквально очаровали всех...».

Что и говорить: лестная оценка. Но мы считали ее несколько завышенной.

**Глава, в которой мы действуем вместе
с нашим тренером Игорем Москвиным,
сопровождавшим нас от Инсбрука до Гренобля**

В 1963 году у нас появился тренер.

Многие из вас не раз за последние годы видели этого человека на экранах телевизоров. Он немногословен, но есть в нем уверенность и сила, которые передаются его ученикам и помогают им в борьбе с соперниками и самими собой.

Этот тренер — Игорь Борисович Москвин. Разносторонний спортсмен, известный в прошлом фигурист. Двукратный чемпион страны в парном катании.

У Игоря Борисовича много воспитанников. Было время, когда он работал только с одиночниками. Он воспитал чемпионку страны Тамару Братусь, которая впоследствии стала его женой. У него тренируются такие известные одиночники, как чемпион Универсиады Владимир Куренбин, обладатель Кубка СССР Юрий Овчинников.

После сезона 63-го года мы совершенно отчетливо поняли, что нам крайне необходим человек, который самым тщательным образом контролировал бы нашу работу, давая ей строгую, объективную оценку, направляя наши усилия в нужное русло. Конечно, это должен был быть специалист, знающий парное катание не только по учебникам и рассказам других.

Мы обратились за помощью к Игорю Борисовичу, и он согласился работать с нами.

С первых же дней нашей совместной работы возникли определенные трудности. Мы — члены спортивного об-

щества железнодорожников, а Москвин — старший тренер «Буревестника». Естественно, на нем заботы — и очень немалые — о целой студенческой команде. Планы двух обществ часто не совпадали. К тому же в Ленинграде не было своего искусственного катка. Но последнее в какой-то мере было нам на руку. В поисках льда «Локомотив» и «Буревестник» устремлялись в одно и то же место, и тогда мы могли тренироваться в содружестве со своим тренером.

К сожалению, это случалось не так часто, как хотелось бы. Но когда нам удавалось поработать вместе с Москвиным, дело спорилось. Впервые с нами был человек, не только хорошо знающий фигурное катание, но и желающий понять нас, понять наши творческие и жизненные задачи. Интересно, что же он сам думал о своей работе с нами? Вот одно из его выступлений в печати, как раз по этому поводу:

«Мне кажется, что тренер не обязательно должен быть на две головы выше спортсменов. И тем более я против того, чтобы фигуристы, люди в какой-то степени имеющие отношение к искусству, были глиной в тренерских руках. При таком подходе до высокого класса им не дойти. Да и самому тренеру неинтересно.

Что объединило меня вместе с Белоусовой и Протопоповым?

Начали мы серьезно работать в 1963 году. Белоусова и Протопопов уже были очень сильными мастерами. Признаться откровенно, мне тогда более импонировала другая советская пара, ее стиль, ее чисто спортивное направление. Увлеченность исполнительской стороной, которая была характерна для Белоусовой и Протопопова, мне поначалу была непривычной — ведь фигурное катание прежде всего спорт. И здесь надо выигрывать, побеждать. Только устранив срывы, фигуристы могли приобрести устойчивость. Надо было научить их трезво оценивать обстановку и находить свои пути к успеху. Но все это

было немыслимо без разносторонней подготовки — как физической, так и психологической...

Я, конечно, не только стремился что-то дать Белоусовой и Протопопову, но и очень многому учился у них. И, самое главное, научился понимать их взгляды на фигурное катание.

Раньше мне казалось, что точность, чистота исполнения — это уже вершина. Потом мне стало ясно, что Белоусова и Протопопов пошли гораздо дальше, что их волновали мысль и содержание музыки, возможность выразить ее какими-то своими средствами.

Когда постоянно имеешь дело с такими людьми, как Белоусова и Протопопов, начинаешь и сам искать новые пути. Потому что они, имея даже все титулы, неустанно ведут творческий поиск. И я, как тренер, ныне более индивидуально подхожу к каждому ученику. И вместе с ними ищу самые естественные, самые красивые и необходимые для них движения, придающие одухотворенность всему исполнению.

Такая работа доставляет мне глубокое удовлетворение»...

Вот как говорил Москвин о нашей совместной работе.

У нас было четкое разделение труда, построенное на полном доверии друг другу. Работу по выбору музыки и составлению программ мы выполняли сами. Зато когда наступала пора ожесточенной шлифовки программ, корректировки их, — тут Москвин был первой скрипкой. Уточнялись движения, положения рук, ног, головы, уточнялись подходы к элементам и т. д. Это всегда была необычайно кропотливая работа, и мы чрезвычайно благодарны Игорю Борисовичу за то, что он всячески помогал нам преодолеть все ее тяготы.

Кроме нас, у Москвина пар не было. Но уже в 1965 году он попробовал создать дуэт: Тамара Москвина и опытный парник Александр Гаврилов, который ранее выступал с Татьяной Жук. Эта пара просуществовала недолго,

хотя сумела победить на чемпионате страны (Жук—Горелик и мы в то время были на показательных выступлениях за границей). А еще через год появилась пара Т. Москвина и А. Мишин. Мы старались всячески помочь и им и нашему общему тренеру. Но новая пара требовала много забот, и после Олимпиады в Гренобле Игорь Борисович полностью переключился на работу только с ней.

Но вернемся к 1963 году. Тогда мы наслаждались совместной работой и были готовы горы своротить.

Такое настроение и хорошая физическая подготовка позволили нам намного усложнить программу. Хотя и темнело у нас в глазах после выступлений на чемпионатах страны, Европы и мира, зато поняли мы еще одну премудрость: дело не в чрезвычайной технической насыщенности программ, и не благодаря этому выигрывает зрелищно композиция. Основное — осмысленность движений. И еще: надо сделать программу так, чтобы зритель не замечал, когда ты успеваешь перевести дух. То есть никаких долгот, все промежутки между сложными элементами должны быть заполнены эффектными связками, придающими программе дополнительный психологический и эмоциональный эффект.

Где мы выступали в 1963 году? Во-первых, на чемпионате страны в Москве, проходившем во Дворце спорта ЦСКА. Соревнования проводились в два тура. Произвольную программу исполняли дважды. В первом туре мы набрали одинаковую с Т. Жук — А. Гавриловым сумму баллов. Но во втором туре свою усложненную программу мы выполнили значительно лучше, и все стало на свои места.

Чемпионат Европы был «аккредитован» на сей раз в столице Венгрии. Здесь в распоряжение фигуристов был отдан открытый каток «Кишштадиона». Снова было противостояние двух пар, снова впереди Килиус — Боймлер, мы на втором месте. Т. Жук и А. Гаврилов сумели завое-

вать бронзовые медали, что было отличным достижением для дебютантов чемпионата.

В таком же порядке эта тройка призеров взошла на пьедестал почета и на чемпионате мира в Кортине д'Ампеццо. Заокеанские фигуристы в этом сезоне не могли достойно конкурировать с европейскими парами. Да это было и понятно: ведь сильнейшие американские и канадские пары только-только ушли в профессионалы, а молодые фигуристы еще не окрепли.

Надо сказать, что, несмотря на проигрыш, настроение у нас было хорошее. Когда мы познакомились с новой программой Марики Килиус и Ганса-Юргена Боймлера, то оказалось, что для своей медленной части они использовали несколько характерных для наших выступлений элементов и вообще постарались сделать композицию в нашем ключе.

Это свидетельствовало о том, что наш стиль завоевывает признание. Кроме того, мы радовались и стабильности своих выступлений. Именно это позволяло надеяться и думать об успехах в будущем.

И мы с Игорем Борисовичем Москвиным начали готовиться к этому будущему — Олимпиаде в Инсбруке.

Хочется запомнить все, что происходит в жизни.

Хочется ничего не упустить в потоке событий. Иногда кажется: закрой глаза — и прошлое воскреснет, обретет краски... Но даже самые счастливые дни постепенно становятся туманными, расплывчатыми. Веришь, что можно восстановить в памяти все значительные подробности, о которых в те далекие дни думал как о незабываемых. Да не получается.

Что же еще забыл?

Что упустил? Пропустил? Потерял?..

Ведь было так много!

И пытаешься сосредоточиться на одном событии. На одном факте. На одном человеке. На одной детали, способной своим появлением вытянуть за собой вереницу других. А из деталей потом складывается картина. И вызывает новые детали, новые картины. И вот они начинают сменять одна другую. Получается нечто похожее на немое кино, где проектором служит лишь твоя память...

Фотоснимок. На нем: маленький городок, окруженный горами так, что самолет при взлете и посадке выполняет фигуры высшего пилотажа. Облака, спускающиеся с гор в долину. Олимпийский огонь над городом. Спичечные коробки Олимпийской деревни. Стеклопанельная стена спортивного дворца, сквозь которую видны фигуристы.

На снимке — Инсбрук, столица Белой олимпиады-64.

Проектор начинает работать. Мы возвращаемся к далеким счастливым дням нашей первой победы. Кадры теперь уже привычно смонтированы, но все-таки нет-нет, да и ворвется в готовый фильм неожиданный эпизод.

Мы идем по узкой улице Инсбрука.

Олимпийская форма выделяет нас: куртки — из нерпы, ботинки — из нерпы, шапки — из нерпы.

Мы в команде запевалы. Фигуристы открывают Олимпиаду. Первыми чемпионскую медаль разыгрывают пары. Вместе с Татьяной Жук и Александром Гавриловым мы должны — обязаны! — сделать отличную запевку. Чтобы остальным было веселее. Чтобы не был первый блин комом.

Мы, признаться, думали о золотой медали. Знали свои силы. Начало сезона укрепило у нас веру в себя, хотя на чемпионате Европы мы и проиграли Килиус — Боймлер.

Что же придавало нам такую уверенность? Почему неудачи на старте олимпийского сезона не слишком огорчили нас? Почему продолжали верить в свою счастливую олимпийскую звезду? И это несмотря на то, что Килиус и Боймлер выступали в Инсбруке практически как на своей земле. Ведь значительную часть зрителей в «Айс-стадионе» составляли западногерманские туристы.

Сейчас можно все проанализировать, а тогда наша уверенность носила скорее сугубо эмоциональный характер: мы можем победить, мы катаемся не хуже Килиус — Боймлер! Конечно, психологическая настройка всегда чрезвычайно важна, но сама по себе она не такое уж грозное оружие! Слабо подготовленному спортсмену хоть сто врачей-психологов давай — ничто не поможет. Но мы были готовы к схватке и знали, что наша вера покоится на прочном фундаменте.

К Инсбруку мы давно перестали быть новичками. Школа последних лет преподнесла замечательные уроки, и теперь мы могли считать себя специалистами в полном смысле этого слова. Перед Инсбруком мы могли позволить себе даже чуть-чуть приостановиться и хотя бы частично осмыслить пройденный путь. Мы не хотели быть похожими на других, да и кто из фигуристов этого желает. Но одно дело хотеть, а другое — добиться этого.

Мы понимали, что, пока не уясним для себя, что является нашей настоящей новинкой, нам будет очень тяжело создавать свой, оригинальный стиль.

Новое заключается не в чрезмерном усложнении программы (за спиной был уже опыт предыдущего сезона). Циркачество или трюкачество — называйте как хотите — не фигурное, а тем более не парное катание.

Несколько лет спустя легко было сформулировать, в чем заключается главное, и через четыре года за вторую свою олимпийскую программу мы брались уже уверенно, зная, что мы хотим сделать.

Тогда же, в канун Инсбрука, мы искали — иногда вслепую, иногда ослепленные светом внезапно открывшихся истин, — находили нужные штрихи и теряли... брались за детали и отбрасывали их. Или бережно откладывали до лучших времен.

Так было с «Лунной сонатой». Большую часть своей программы мы хотели сделать под музыку Бетховена. Мы были влюблены в эту музыку. Нам казалось, что мы отлично ее понимаем, что она — наша. Но потом дело застопорилось. Оказалось, что мы все-таки не готовы к этой музыке и даже частично не можем отразить то, что заключено в ней.

Мы взялись за музыку Листа и Рахманинова, для нас более близкую.

Нас интересовала не только смена ритмов, как это было раньше, как это было и есть у большинства фигуристов. Нас интересовала смена эмоций, настроений. Мы искали внутреннее содержание.

Нас интересовало развитие человеческих отношений. Развитие отношений между мужчиной и женщиной, любящими друг друга. Древняя, как мир, в искусстве, эта тема для фигурного катания была новаторской. И мы старались создать музыкальную композицию, в которой тема любви была бы яркой и непрерывной. Мы даже хотели сделать некий сюжет. Но чисто, так сказать, ли-

тературной линии не получалось. И мы скоро убедились, что попытка создать ее нас только раздражает, выводит из равновесия (так было и при работе над «Размышлением»). Словом, с «литературщиной» мы покончили очень быстро. Все свое внимание мы сосредоточили на пластической интерпретации музыки.

Эта работа зрела много месяцев. Тот, кто не составлял музыкальных программ сам, не узнает, какой это каторжный труд.

Ни одной лишней ноты.

Где то, что роднит Листа и Рахманинова?

Вот оно. Но как это соединить? Как придать этому органическую цельность?

Ну, вот и есть уже композиция.

Но каков же ее характер?

Нам нужна была жизнеутверждающая программа. Пусть присутствует и грусть. Пусть будут раздумья. Но главное — торжество жизни и любви.

И снова поиски, прослушивание давно знакомых мелодий, пока наконец не зазвучат в душе неведомые струны: вот она, НАША МУЗЫКА !!

Однажды мы прочитали о себе такие слова: «Люди же и Олег нуждались в музыке иного плана: она должна была соответствовать их замыслу, поставленной задаче — победить!». Думается, что это не совсем верно. Прежде всего мы хотели как можно лучше передать зрителям то, что нашли для себя в этой музыке. Нужно было отыскать движение, действие. И мы искали без устали, даже во сне видели будущую программу — еще не ясную, но такую привлекательную, такую зовущую, такую прекрасную!

Очевидно, победа должна прийти к тому, кто сумеет на ледяной арене наиболее полно и ярко раскрыть себя...

Но вернемся к Инсбруку. На несколько минут. Мы идем по улице к «Айс-стадиону», где проводится жеребьевка. Процедура привычная и всегда волнующая.

Не раз нам приходилось переживать эту процедуру. Но, пожалуй, никогда и нигде — ни до, ни после — мы не волновались так, как в Инсбруке.

Маленькая тесная комнатуха. Негде повернуться. Спортсмены, тренеры, судьи, члены Международного союза конькобежцев, журналисты...

Советским фигуристам жребий тянуть последними — и жеребьевки для нас нет практически никакой: просто должны остаться два стартовых номера, и две оставшиеся пары разыграют их между собой. Не очень-то приятно тянуть жребий предпоследними. Лучше уж первыми, когда все номера еще лежат в маленьком черном мешочке.

Первым выходит к судейскому столу Ганс-Юрген Боймлер.

Вот он — сосредоточенный, серьезный, чуть взлохмаченный, взвинченный, очевидно, предстартовой лихорадкой. Боймлер даже не смотрит на мешочек. Он быстро втискивает в него руку, вынимает фишку.

Резкий жест. Фишка летит на стол.

Боймлер даже не пытается скрыть своего разочарования: «Два, два», — вздыхает он.

Судья объявляет:

— Марика Килиус и Ганс-Юрген Боймлер — стартовый номер ДВА!

Ганс-Юрген Боймлер подходит к Марике Килиус. У партнерши нет на лице традиционной улыбки. Улыбки, которой она славится с детских лет. Улыбки очаровательной, открытой. Улыбки, с которой она уже шесть раз становилась чемпионкой Европы и однажды — год назад — завоевала золотую медаль чемпионки мира.

Но что поделаешь: злишься не злишься, а слепой жребий неумолим. И если ты действительно силен и уверен в своих силах, просто не думай о жребии...

Нам пришлось долго ждать, пока не пришла очередь Олегу идти к столу. К тому времени в черном мешочке

оставалось только две фишки. Одна с номером 1, другая с номером 9!

Олег:

— Меня вызвали к столу. Ужасное это ощущение, когда ты улыбаешься, а внутри — дрожь.

Горячая влажная рука в мешке.

Две фишки сжаты между пальцами. Где ты, наша счастливая фишка? Где ты, наша фишка с номером 9?

Я не смотрю на номер. Отдаю фишку судьям и ухожу от стола.

Вслед доносится:

— Людмила Белоусова, Олег Протопопов—стартовый номер ДЕВЯТЬ!

Присутствующие тяжело вздыхают.

Татьяна Жук и Александр Гаврилов будут открывать зимнюю Олимпиаду в Инсбруке.

Мы уходим из маленькой комнатки и идем по длинной-предлинной улице, которая ведет в Олимпийскую деревню. Мы не говорим ни о чем. Все и так понятно.

Целый день был в нашем распоряжении. И еще было в нашем распоряжении хорошее рабочее настроение. Хорошее дыхание. Упругие мышцы. Мы были уверены друг в друге. И это делало нас счастливыми.

Конечно, в памяти мы перебирали недавние события, случившиеся уже в новом сезоне. Вспоминали матч сильнейших, первенство Европы, последние тренировки. И не было ничего такого, что могло бы нас заставить колебаться, что заставило бы сложить оружие перед стартовой лихорадкой. Несмотря на поражение на первенстве Европы в Гренобле, мы считали, что лихорадить после этого турнира должно гораздо больше чемпионов континента Килиус — Боймлер.

Конечно, фаворитам в фигурном катании многое прощается из того, что другим судьи не простят. Конечно, общественное мнение, создаваемое журналистами, тоже много значит. Опрос крупнейших обозревателей спортив-

ных газет Европы был, кстати сказать, чрезвычайно благоприятным для чемпионов Европы и мира. Журналисты из спортивных изданий Италии, Швеции, Болгарии, Финляндии, ФРГ нисколько не сомневались в победе на Олимпиаде Килиус — Боймлер. И только норвежский журналист предсказывал победу нам.

Но мы понимали и преимущества нашего положения. Пребывая в тени, мы только ожидали минуты, чтобы показать — и уже в полную силу — все, что мы можем. Мы не были скованы. Мы могли петь свою песню во весь голос...

До Инсбрука мы уже выступали дважды.

Первый раз — в Киеве, на соревнованиях сильнейших фигуристов страны. Это было в новом Дворце спорта. Лед был хороший, публика встречала нас приветливо. Борьба с Татьяной Жук и Александром Гавриловым была напряженной, и мы смогли проверить свою психологическую и техническую готовность. В Киеве мы показали новую произвольную программу. О ней потом писали, что составлена она продуманно, что основное ее отличие от предыдущих — высококачественное исполнение каждого элемента. Поддержек, например, в новой программе меньше, но зато каждая из них делается исключительно четко, так, что и зрителям и судьям совершенно ясно: спортсмены владеют этим приемом в совершенстве...

Все это верно. Все подмечено очень точно, если говорить о сугубо технической стороне дела. Но мы всегда спрашиваем у наших друзей: а что вы думали, когда смотрели нашу программу, какие мысли, какие образы приходили вам на ум?.. Нас очень интересует чисто эмоциональная оценка программы. Техническое совершенство нам теперь требовалось для того, чтобы дать пищу уму и чувствам.

Победа в Киеве, успешная демонстрация новой программы придали нам изрядную долю уверенности. Но работать надо было еще очень много. В некоторых местах конструкция программы была чересчур жесткой. Надо

было снимать напряженность, скованность и добиваться полной свободы при исполнении всех элементов. Для этого требовалось время. Оно у нас было. Но, к сожалению, большую часть тренировок нам приходилось в ту пору проводить еще на открытом воздухе, в трескучий мороз.

Вообще, в этом сезоне хлопот прибавилось вдвойне. Впервые была введена в парном катании обязательная программа. Правда, на Олимпиаде она не была нужна, и места там распределялись после выступления только в произвольном катании. На чемпионатах Европы и мира каждая пара обязана была показать две программы.

И вот подготовка закончена. Мы отправляемся в Гренобль, будущую столицу Олимпиады-68, а пока город, где встречаются сильнейшие фигуристы Европы. В команде вместе с нами еще две пары: Татьяна Жук и Александр Гаврилов, Татьяна Шаранова и Александр Горелик.

На всех тренировках в Гренобле, как писали газеты, за нами следило «недремлющее око». Это — мать чемпионки мира Марики Килиус. Она стойко часами выстаивала у кромки поля. Без фотоаппарата, но с ручкой и блокнотом в руках.

Ей хотелось проверить, насколько справедливо утверждение обозревателя «Юманите», который безоговорочно отдал нам пальму первенства на чемпионате. Эмоциональные французские репортеры стали много писать о нас, наша программа была для них откровением. Да, впрочем, она и для всех зарубежных специалистов была откровением.

Мы несколько раз — но совсем ненадолго — заглядываем на каток, когда там находятся наши главные соперники. Марика и Ганс-Юрген держатся хладнокровно. Они почти не катаются и больше стоят у бортика. Полностью их программу никто не видел. Они показывают лишь небольшие фрагменты, отдельные, наиболее эффектные элементы.

И мы и тренеры нашей команды несколько озадачены. Ведь спортивная пресса свидетельствовала о том, что Килиус — Боймлер совсем не так сильны, как им это хочется показать. На первенстве ФРГ они чуть-чуть не проиграли паре — Соня Пфердсдорф — Гюнтер Матцдорф, — которая на предыдущем чемпионате Европы заняла лишь девятое место.

Что же тогда означает такое спокойствие?

Может, чемпионы считают, что их заявление о том, что нынешний сезон для них последний, дает им своеобразную фору?

Вот и время выходить на лед. Килиус—Боймлер стартуют в обязательной программе первыми, а мы последними — тринадцатыми. Мы не смотрим, как катаются наши конкуренты, но узнаем, что оценки у них очень высокие. У двух наших пар дела идут тоже неплохо. Жук с Гавриловым на третьем месте, а дебютанты — Шаранова и Горелик — на девятом.

Наконец, наш черед.

После проката обязательной программы нам говорили, что в эти две с половиной минуты зрители не думали о технике. Катание наше было естественным, легким, в общем, таким, что каждый присутствующий начинал верить, что парное катание — вещь чрезвычайно несложная и общедоступная.

Судьи показывают оценки. У нас — 102,2 балла. На 0,2 больше, чем у Килиус—Боймлер. Но пять судей при этом отдали предпочтение чемпионам, трое нам, а один так и не сумел определить, кто же из лидеров лучше прокатался в первый день. В итоге сумма мест у Килиус — Боймлер — 12,5 а у нас — 14,5.

Все решится после выполнения произвольной программы, а она наш главный козырь.

Новая жеребьевка. И снова судьба к нам как будто благосклонна. Мы стартуем одними из последних, сразу за нами — Килиус—Боймлер. Контрастность будет оче-

видной. После композиции лирической, тонкой, эмоциональной — программа, насыщенная трюками, сугубо спортивная. Лучшего для нас не придумаешь.

И все-таки чемпионами Европы мы не стали.

Не случайно директор катка Ж. Гюэль, экс-чемпион Европы в спортивных танцах, заявил перед стартом, что звание чемпионов выиграет тот, кто сделает меньше ошибок; поскольку обе пары — мастера высшего класса, судьи будут внимательны к самым небольшим погрешностям.

Килиус—Боймлер допустили всего одну ошибку. Часть сложных элементов они вообще решили не делать.

А что же мы?

Почему не дотянулись до золотых наград?

Вот что произошло...

Мы начали программу спокойно. Она требовала спокойствия сама по себе. Это был диалог двух любящих сердец. Это не было уже первым объяснением в любви — трепетным, бурным, страстным. Это был плавный поток зрелого чувства: без недомолвок, без неясностей. Мужчины и женщина любят друг друга, и нет силы, способной разъединить их.

Но вот ураган.

Неожиданная атака ветра.

Жестокость, произвол стихии.

Разметать все на своем пути! Уничтожить все живое! Нет! Не бывать этому! Есть сила, которая может противостоять стихии!

Эта сила — ЛЮБОВЬ!..

Именно об этом рассказывается в первой части нашей программы.

И... именно здесь подстерегала нас роковая неожиданность.

В то время женщины носили высокие прически. А удержать такую прическу можно было только с помощью целой коробки шпилек.

И вот у одной из фигуристок, выступавших перед на-

ми, выпала шпилька и спряталась под снеговой поросшей.

Она поджидала нас.

И когда скорость была взвинчена до предела, когда начал метаться ураган и, готовясь к борьбе с ним, слились мы в «ласточку», конек Людмилы попал на шпильку-невидимку.

Так «ураган» сбил нас с ног.

Уезжали мы с чемпионата Европы, естественно, разочарованные. Да и кто бы не был разочарован! Но это чувство завладело нами ненадолго. Мы ведь отлично помнили начало программы, когда вдруг почувствовали свою слитность с залом, почувствовали, что увлекли его, что, зачарованный, он уже думает и чувствует, как мы. Жаль, конечно, что длилось это ощущение недолго. Жаль, конечно, что незримая драгоценная связь была разорвана и уничтожена так неожиданно. Но разве мы не в силах ее восстановить? Скоро мы получим возможность доказать, что лишь случайность помешала нам стать первыми.

Стать первыми!..

Уже тогда мы думали не только и не столько о золотых медалях, сколько о том, чтобы стать первыми фигуристами, которые создают в спортивном парном катании художественный образ, образ, заслуживающий золотой награды!

...Обо всем этом мы вспоминали в те часы, которые предшествовали нашему выходу на лед «Айс-стадиона» в Инсбруке.

И вот он искрится перед нами.

Вот полыхает за огромной стеклянной стеной олимпийский огонь.

Уже выходят на лед судьи.

Уже готова к работе огромная вычислительная машина, которая через несколько секунд после того, как будут показаны оценки, определит место, занимаемое той или иной парой в олимпийском строю.

Скоро наш час...

А пока — встреча с выдающимся спортсменом, чемпионом VI Олимпийских игр в парном катании Паулем Фальком. Он подошел к нам и сказал о том, что надо бороться за наш стиль, что мы не должны сходить с избранного пути, ведь подобного стиля еще не знало фигурное катание.

А известный в прошлом фигурист Андре Калам посоветовал нам:

— Хотите выиграть первое место — катайтесь здесь друг для друга. Не думайте об оценках, о судьях, о соперниках...

Оставалось только ждать.

Правда, из-за чисто организационной накладки нам чуть было не сорвали все настроение.

Мы не сумели своевременно выйти на лед для разминки. И чтобы не остыть, чтобы сохранить эластичность мышц, да и просто для того, чтобы не отвлекаться и не прислушиваться к шуму зала и к голосу диктора, объявляющего оценки, мы ушли в одну из галерей дворца и там на глазах у удивленных болельщиков делали свои поддержки, включив для аккомпанемента маленький магнитофон «Филлипс» с нашей музыкой.

Потом уже нам рассказали, как выступили Марика Килиус и Ганс-Юрген Боймлер. Оказалось, что они избрали прежний «гренобльский вариант»: главное — чистота исполнения, ради этого можно пожертвовать и некоторыми сложными элементами, и скоростью, и темпом. Думается, что это была неверная тактика.

К моменту нашего выхода на лед мы чувствовали каждую мышцу. Дышалось легко. Острое ощущение необычайной уверенности переполняло нас.

Мы сбросили чехлы с коньков и поскользили у бортика, пока судьи показывали свои оценки предыдущей пары. В это же время Олег, вспомнив «шпильку-невидимку», объехал все поле, внимательно осмотрев наш будущий

«маршрут». Конечно, это вызвало веселое недоумение у зрителей.

Можно начинать!

На старт!

Звучит первый трепетный аккорд. Но мы его слышим чуть раньше всех. Мы поднимаем головы. Мы прислушиваемся к несущейся нам навстречу музыке. Мы вглядываемся в трепетный язык олимпийского огня за стеклянной стеной.

И уже через мгновение мы ничего не видим, ничего не слышим, не чувствуем, кроме музыки, в которую мы окунаемся и с которой вместе несемся по катку.

Снова молчаливое объяснение двух сердец.

Снова грозный натиск урагана, от которого партнер старается укрыть партнершу.

Снова раскованная радость финала. Теперь уже не омраченная ничем!

Трудно говорить о своем собственном катании, о том, что мы показали. Да и не наше это дело.

Мы катались на одном дыхании.

Мы осушили свою чашу счастья одним залпом.

Овация оглушила нас.

Несколько секунд мы стояли, боясь взглянуть друг на друга. Потом мы поехали к бортику, к оглушающему треску киноаппаратов, к жерлам телекамер, к ослепительным вспышкам «блицев».

Мы успели посмотреть на свои оценки: они были очень высокими, но сравнить их с оценками Килиус—Боймлер не могли, потому что не знали результатов своих главных соперников.

Мы еще стояли у бортика, когда к нам подбежал известный чехословацкий фигурист Карел Дивин:

— Выиграли! Вы выиграли! Поздравляю, содруги!..

Но мы еще не верили в победу.

В эти минуты подошел корреспондент американской телевизионной компании «АВС»:

— Выиграли! Поздравляю!

Протянул нам коробку конфет и попросил:

— Скажите несколько слов для американских телезрителей.

А мы не верили в победу.

Потом мы пошли в узенький коридорчик, скрытый за трибунами. В узеньком коридорчике нас поджидали фоторепортеры.

Салюты «блинцев». Шум. Толкотня.

«Новые чемпионы, новые чемпионы...»

Но мы еще не верили в победу. Впереди — выступление восьми пар. Впереди еще два часа соревнований. Пока они не закончатся, мы не можем считать себя чемпионами, даже если у нас оценки и выше, чем у Килиус—Боймлер. Тем более что еще не выступили преемники Барбары Вагнер и Роберта Поула — канадские фигуристы Дебби Уилкесс и Гай Ревилл.

В течение получаса мы не можем преодолеть каких-нибудь двадцать метров, которые отделяют нас от нашей комнатки. В коридор выглядит Марика Килиус. У нее заплаканные глаза. Она старается как можно быстрее захлопнуть дверь своей раздевалки перед журналистами и болельщиками, которые пришли выразить свое сочувствие...

Мы протискиваемся наконец к своей раздевалке. У двери нас ожидают верные часовые — корреспонденты «Советского спорта» и «Комсомольской правды». Как они пробились сюда через несколько кордонов охраны — уму непостижимо. Мы пропускаем их в комнату и закрываем двери на ключ. «Уф-ф-ф». Теперь можно и отдыхать. Теперь можно и взглянуть на протокол, который принесли нам журналисты. Да, пять судей из девяти отдали предпочтение нам. Но не будем торопиться. В судейской кухне фигурного катания нам могут преподнести самые различные блюда, в том числе и совершенно неожиданные и очень неприятные. Достаточно каким-нибудь

фигуристам вклинить между нами и Килиус—Боймлер, достаточно какому-нибудь судье... Эх, да что тут говорить: вариантов, при которых мы можем откатиться назад, существует немало. И надо быть терпеливыми. Надо ждать.

Почти два часа ждем мы окончания соревнований. Правда, о результате пары Уилкесс—Ревилл узнаем быстро. Они катались сразу после перерыва. Их оценки ниже наших. Они на третьем месте. Теперь только чудо может изменить ситуацию. Но чудес не бывает.

И мы даем свои первые интервью в роли первых олимпийских чемпионов Инсбрука.

Людмила:

— Я горжусь, что нам удалось первыми в истории советского фигурного катания завоевать золотые медали. Это большое достижение в моем любимом виде спорта, и я верю, что оно у нас не будет единственным. Нам часто говорят, что мы катаемся своеобразно, имеем свой стиль. Конечно, трудно давать характеристику своему стилю. Но, мне кажется, его сущность в нашем стремлении выразить во время катания не только внешнюю сторону музыки, но и ее характер, содержание. В нашем виде спорта особенно высоко ценятся легкость и непринужденность исполнения. А эти качества достигаются лишь благодаря неустанной шлифовке всех элементов парного катания, буквально каждой детали. Когда коньки тебе послушны, можно творить чудеса...

Олег:

— Я глубоко убежден, что любую победу прежде всего надо истолковывать с точки зрения того, как выглядит дорога к ней. В этом году мы выступали с совершенно новой программой, в которой от старой не осталось ни одной комбинации. Это было необходимо, чтобы подняться выше. Да, мы желали этой победы и стремились к ней. Мы заранее продумали все свои, даже самые сложные, элементы так, чтобы исключить всякий риск. Нам особен-

но приятно было подниматься на верхнюю ступеньку пьедестала почета еще и потому, что наши основные соперники — Марика Килиус и Ганс-Юрген Боймлер — выступали тоже очень хорошо...

Мы рассказываем журналистам о своем спортивном пути, а сами все думаем: ну, скорее бы, скорее бы все это закончилось. И о том, что мы победили, было бы объявлено во весь голос!..

Медленно, страшно медленно течет время...

А может быть, быстро, очень быстро? В счастливые дни оно сжимается, становится быстротечным. И исчезают куда-то привычные заботы и горести. Одна радость!

Вспомни, как мы встретились впервые!

Вспомни нашу первую поддержку!

Вспомни наше первое выступление!

Вспомни нашу первую победу!

Вспомни, вспомни, вспомни...

Время, вперед! К пьедесталу!..

Но это еще не скоро, и мы можем рассказать журналистам историю о золотом медальоне. О золотом нашем талисмানে, который был на шее у Людмилы во время нашего выступления. Вот он, этот крохотный медальон. Вот как он появился у нас...

После чемпионатов Европы и мира 1962 года мы стали получать много писем. Они шли отовсюду. В том числе и из-за границы. Одна из швейцарских поклонниц фигурного катания безапелляционно писала: «Вы будете олимпийскими чемпионами и чемпионами мира!» Естественно, что такие письма морально помогали нам. И тогда же мы стали понимать, что и наше катание тоже помогает многим людям. «Посмотрев ваши «Грезы любви», я поняла, что еще смогу танцевать и завтра же пойду в балетную школу», — писала нам одна больная датская балерина.

Когда мы прибыли в Инсбрук, к нам и сюда начали потоком идти письма. Присылали их наши советские болельщики. А одно письмо было из Берлина. Немолодая

женщина писала, что давно следит за нашими выступлениями и очень нас любит. На счастье она вложила в конверт талисман — золотой медальон с изображением четырехлистника. «Если вы не выиграете — не огорчайтесь, а я лопну от досады», — писала она.

Из письма мы узнали и печальную историю этой женщины — Музы Сениговой. Она родилась в Берлине. Очень любила балет. Рано начала заниматься в балетной школе. Стала балериной и танцевала в берлинской опере.

Но очень недолго длилась творческая жизнь Музы Сениговой. Во время гастролей в Вене она заболела инфекционным полиомиелитом. И, несмотря на все старания врачей, ходить она больше не смогла. С той поры прошло уже около двадцати лет. Сенигова продолжает горячо интересоваться искусством. Очень увлекается она и спортом, особенно фигурным катанием. Следит за всеми соревнованиями по телевизору, перечитывает все газетные отчеты, в которых речь идет о фигуристах.

(Забегая вперед, скажем, что с тех пор мы регулярно обмениваемся письмами с нашей немецкой подругой. Трижды Сенигова приезжала в Советский Союз и каждый раз бывала у нас в гостях. И мы, бывая в Берлине, обязательно заходим к ней.)

Наш стиль фигурного катания очень понравился Музе Сениговой. Вот почему она и отправила нам медальон.

Людмила сразу же надела талисман. И больше в Инсбруке его не снимала. Он был на ней во время тренировок и во время соревнований. Он действительно чуть-чуть помогал нам...

Свершилось!

Закончила выступление последняя пара.

Электронно-вычислительная машина молниеносно «переварила» последнюю поступившую информацию.

«Людмила Белоусова и Олег Протопопов — Советский Союз — завоевали золотую медаль Олимпийских игр!»

Трудно передать состояние человека, который стал олимпийским чемпионом.

Восторг — это не то.

Гордость? Удовлетворенность? Опустошенность? Головокружение? Умиротворенность?

Мы шли к выходу снова под залпы «блитцев». Рядом пробирались корреспонденты радиокompаний, подсовывавшие нам на ходу чашки микрофонов. Кто-то похлопывал по плечу. Кто-то кричал «Браво!». Кто-то подсовывал открытки для автографов. А мы поддерживали друг друга и, оглушенные, медленно шли к выходу на каток.

Здесь специальный распорядитель собирал призеров Олимпиады в парном катании.

Вскоре подошли Уилкесс и Ревилл. Они поздравили нас раньше и теперь поздравили еще раз.

Потом появились Килиус и Боймлер. Они были бледными. Марика так и не смогла скрыть следы слез. Говорят, что в первые минуты после нашего выступления они пытались обвинить судей в пристрастности, в необъективности.

Не знаем, так ли это или не так. Но, думается, трудно, проиграв, сразу же стать самокритичным. Тем более, если до этого был фаворитом. Тем более, если все были настолько уверены в твоей победе, что даже открытки выпустили в твою честь.

Эти злополучные открытки, очевидно, войдут в историю и когда-нибудь станут для коллекционеров большой ценностью, такой же, какой являются для филателистов марки, выпущенные с ошибками и затем почти полностью уничтоженные.

Звучат фанфары.

К пьедесталу уже проложена дорожка.

Пора в путь. В короткий и торжественный путь.

По привычке Марика Килиус хочет отправиться в него первой. Но один из распорядителей церемонии останавливает ее: «Сначала — Людмила Белоусова».

И мы выходим под своды зала. И олимпийское пламя тянется через стекло к нам.

На пьедестале мы почти не разговариваем. Нас поздравляют Марика и Ганс-Юрген, затем Дебби и Гай, и мы поздравляем их и желаем счастья.

Затем президент Международного олимпийского комитета Эвери Брэндедж вручает нам золотые медали. Первые золотые медали IX зимних Олимпийских игр.

Внесен весомый вклад в командную копилку. Тем более что и вторая наша пара — Татьяна Жук и Александр Гаврилов — оказалась пятой, а это тоже очки для команды.

Часто впоследствии нас спрашивали: «О чем вы думали, стоя на пьедестале почета?».

Олег:

— Мне было немножко грустно. Закончился огромный и трудный период нашей жизни. Перед нами открывались новые пути, снова-таки неизведанные и таинственные. Позади — то, что стало привычным, родным, обжитым. Как тут не взгрустнуть. Уже поднявшись на олимпийский пьедестал, мы подумали о том, что хорошо было бы подняться на него еще раз...

Людмила:

— Я чуть не плакала от радости. Я ведь женщина, а женщины могут позволить себе заплакать и от горя и от радости...

Уже через несколько часов в адрес советской делегации в Инсбруке посыпались сотни телеграмм. Незнакомые нам люди поздравляли нас с победой. У нас был праздник, и традиционный торт был лучшим яством из всех, которые нам приходилось отведывать в своей жизни...

Как вы помните, очевидно, хорошее начало получило и замечательное продолжение: советские спортсмены на Олимпиаде завоевали рекордное количество золотых, серебряных и бронзовых наград и оказались совершенно недостижимыми для других команд. И это было самой

большой гордостью для нас, советских фигуристов, сделавших все для победы.

Прежде чем рассказать о том, как закончился для нас олимпийский год, хочется привести несколько характерных оценок нашего выступления на Олимпиаде, опубликованных в различных изданиях.

Вот что писала венская «Курир»: «11 тысяч зрителей и все девять судей были заворожены фантастическим художественным исполнением советской пары»...

Австрийский тренер Хельмут Май: «Немцы были очень хороши, но русские были великолепны!».

Доктор Франтишек Ландл (ЧССР): «Я просто восхищен выступлением советской пары. Она выполнила свою сложную и интересную программу грациозно, легко и непринужденно. Немцы же на этот раз были медлительны, казалось, каждое движение на льду им дается с большим трудом...».

Чехословацкая «Руде право»: «То, что показали Белоусова и Протопопов, мы вообще еще не видели. Это была безупречно слаженная пара, показавшая высокохудожественное искусство и спортивное мастерство...».

«Эстеррейхише Нейе Тагесцейтунг»: «После выступления Килиус и Боймлер публика с громадным нетерпением ожидала выхода на лед советских фигуристов. Белоусова и Протопопов исполнили великолепную программу, вызвав бурные аплодисменты всего зала. По технике исполнения русские, безусловно, превзошли немцев...». «Ди Прессе» (обе эти газеты выходят в Австрии): «Советская пара выступила, безусловно, более гармонично, чем фавориты Килиус и Боймлер. Программа русских была проникнута танцевальной элегантностью и подкупающей гармонией».

«Франс пресс» передало: «Победа Белоусовой и Протопопова не была неожиданностью для большинства специалистов, которые систематически и внимательно следят за выступлениями фигуристов. Советская пара все вре-

мя прогрессировала, совершенствуя и без того сложную программу. Успех советских ледовых хореографов в известной степени отражает успехи советского балетного искусства. В программе новых олимпийских чемпионов немало элементов, навеянных балетным искусством ведущих советских мастеров, не имеющих себе равных в мире».

ЮПИ отмечало: «Легкость и изящество исполнения насыщенной программы принесли советской паре Белоусовой и Протопопову, может быть, неожиданную, но вполне заслуженную олимпийскую победу!».

А вот еще одна, веселая, оценка, принадлежащая нашему замечательному земляку Аркадию Райкину: «Будь сделано, будь сделано!.. — так говорит один из моих героев. Говорит... но ничего не делает. Перед началом зимних Олимпийских игр Людмила Белоусова и Олег Протопопов были куда скромнее. Они не произносили многообещающих речей, прекрасно сознавая силу своих соперников. Зато Людмила и Олег сделали очень многое: они завоевали золотые медали чемпионов Олимпийских игр.

...В выступлении «золотой пары» отлично сочетались балетная мягкость, прекрасное понимание музыки, пластичность, замечательные спортивные качества!..»

Чудесные олимпийские дни...

Как они быстро пронеслись.

И вот уже полет в Дортмунд, в огромный промышленный город, где дома серы, где воздух с привкусом металла, где проводится чемпионат мира по фигурному катанию 1964 года.

Второй раз в сезоне состязания проводятся и по обязательной, и по произвольной программ. Нас это не пугает. Нас это только радует, потому что уже первенство Европы показало, что все обязательные элементы у нас получаются на уровне самых высоких стандартов.

Жеребьевка в Дортмунде сразу же бросила в бой главные силы. Первыми стартуют канадцы и сразу же

демонстрируют отличный стиль. Д. Уилкесс и Г. Ревилл получают высокие оценки. А судьи получают отличный ориентир для дальнейшей работы.

Выступать в дортмундском Дворце спорта трудно. Это огромный комплекс, на территории которого расположено множество различных спортивных сооружений. Тут же под одной крышей рестораны, бары. Гигантский зал в случае необходимости может трансформироваться и в каток, и в велотрек, и в зимний стадион, где выступают легкоатлеты. В зале обычно курят. И пьют отнюдь не прохладительные напитки.

15 тысяч болельщиков, собравшихся в этом гигантском зале посмотреть на лучших фигуристов мира, свои симпатии, безусловно, отдавали землякам. Марика Килиус и Ганс-Юрген Боймлер пользовались их абсолютной поддержкой. Это был дополнительный психологический фактор, не учитывать который было просто невозможно.

Вслед за канадцами стартуют чемпионы мира. И получают еще более высокие оценки. Но мы не собираемся отступать. Нас не пугает шум зала. Мы не из слабонервных. Судьи ставят нас на первое место, но разница в оценках ничтожно мала. (Тут же тренер Килиус — Боймлер — Целлер заявил корреспондентам, что его ученики завтра непременно победят.)

И вот снова старт.

Снова вой сирен, рожков, шум и крик.

В произвольном катании мы выступаем раньше Килиус — Боймлер. Очень трудно перед такой аудиторией открывать свою душу, раскрывать душу музыки. Мы чисто выполнили всю нашу программу. Ошибок нет. И нет, кажется, настроения. Нет чувства, хотя связь между нами и музыкой как будто остается крепчайшей.

Судьи выставляют нам очень высокие оценки.

Но «зазор» все-таки оставлен.

И оставлен он для Марики Килиус и Ганса-Юргена Боймлера, которые выходят на лед после нас. Мы видели,

как выступили наши главные соперники. Они показали все, что могли. Катались они прекрасно, облегчив себе задачу тем, что часть сложных элементов снова была «опущена». На них не давил психологический пресс, они могли быть спокойными в зале, который единодушно поддерживал их. Они и стали победителями, получив сумму мест 13, а мы стали серебряными призерами с суммой мест 14.

Зал стоя приветствовал своих земляков.

Сразу же после окончания соревнований Марика Килиус и Ганс-Юрген Боймлер заявляют о том, что они навсегда покидают любительский спорт.

Бронзовыми призерами на этом чемпионате стали канадцы. И они тоже покинули любительское фигурное катание.

Короток, ох как короток ныне век фигуристов-любителей в капиталистических странах!

Шестое место на этом чемпионате заняли наши Татьяна Жук и Александр Гаврилов. Это было почетное место для молодых фигуристов.

Последним штрихом в олимпийском сезоне был чемпионат страны в далеком северном Кирове. Пожалуй, он был одним из самых спокойных чемпионатов страны. Мы стали в третий раз чемпионами. А двумя другими призерами были Т. Шаранова — А. Горелик, Т. Тарасова — Г. Проскурин.

Кажется, на этом можно поставить точку. Но нет. Сколько мы ни будем вспоминать об этом сезоне, сколько раз ни будем включать свою машину времени, всегда будут возникать новые и новые детали, мысли и воспоминания. И так же как олимпийские чемпионы никогда не получают приставку «экс», так же и мы никогда не думаем об этой Олимпиаде в прошедшем времени. Она всегда в нас как сегодняшний день.

Одно совершенно необходимое примечание.

В 1965 году Международный олимпийский комитет принял решение лишить серебряных олимпийских меда-

лей Марику Килиус и Ганса-Юргена Боймлера. Расследование, которое провел МОК, показало, что еще до выступления на Олимпиаде западногерманские фигуристы заключили крупный денежный контракт с одним из западных ревью. Но это было еще не все. Килиус и Боймлер за особый гонорар рекламировали на Олимпийских играх трикотажные изделия различных фирм.

Глава о первых выступлениях в новой роли

Итак, мы — олимпийские чемпионы. К этому надо еще привыкнуть, что не так просто.

Наши тренировки хотят сделать чуть ли не показательными. А это нам ох как не нравится. Ведь каждая тренировка, в особенности в начале сезона, — сложный творческий процесс. Мы решаем множество задач, связанных с поисками и шлифовкой новых выразительных деталей... Все это требует абсолютной самоуглубленности, постоянного контроля над собственными ощущениями и, что особенно важно, — над ощущениями партнера. Поэтому мы и не любим, когда во время рабочей тренировки в зале появляются «раздражители». Да это и понятно! Немного найдется на свете людей, которые любили бы, чтобы посторонние заглядывали к ним через плечо, когда они пишут письмо, и при этом еще корректировали те или иные фразы.

Мы почти все время в центре внимания. Очень утомляют интервью с представителями прессы. Ведь о серьезных вещах нельзя говорить мимоходом. Мы думаем, анализируем, взвешиваем каждое слово. А для этого нужно еще лучше узнать самих себя. И должны признаться: этот процесс самопознания доставлял нам не только радость. С ужасом убеждались, как мало сделано и сколько еще нам предстоит сделать.

Мы никак не могли расстаться со своей олимпийской программой. Нам казалось, что ничего лучше мы создать уже не сможем, и в то же время беспрерывно думали о будущих композициях. Представляли их пока очень

туманно; нужно было, чтобы наши новые впечатления, новые мысли, новые мелодии оформились более четко. И в ожидании этого мы решили оставить на очередной сезон олимпийскую программу. В ней были заложены глубокие музыкальные мысли, да и советские зрители ее почти не видели, а чемпионат Европы — в Москве.

Вполне возможно, что о характере наших тогдашних размышлений сможет кое-что рассказать интервью с нами, опубликованное в канун чемпионата Европы в газете «Советский спорт». Вот выдержки из него.

« — Что вы можете сказать о направлении новых поисков?

— Теперь уже никого не удивишь обычной техникой, так как смотреть 10—15 пар с примерно одинаковым техническим уровнем исполнения — скучно. Ныне для успеха нужны особая виртуозность, большая скорость скольжения. Но и этого мало.

Молодые пары в наши дни овладевают сложными подержками и делают их порой не хуже, чем лидеры чемпионатов Европы и мира. Значит, один критерий высокой техники не позволяет выявить сильнейших. Нужно прежде всего сочетание виртуозности, скорости, музыкальности и эмоциональной выразительности. Все это объединяется одним понятием — «высокая культура»...

Сейчас почти все стараются кататься под музыку. Правда, здесь до желаемой цели еще очень далеко. Иные фигуристы катаются, образно говоря, около музыки. Абстрактные движения, имеющие только ритм, только темп, не представляют сами по себе эстетической ценности для фигурного катания... Человечность, глубокие чувства — вот подтекст парного катания. И секрет в том, что они всегда должны при этом оставаться в рамках спорта, иными словами, сохранять чувство меры...

— Многие молодые фигуристы сейчас равняются на олимпийцев. Что бы вы хотели им пожелать, посоветовать?

— Если молодые мастера хотят побеждать, то им следует сначала тщательно изучить и освоить своего рода «золотой фонд» парного катания. Обновление не должно быть ради обновления. Поиски нового всегда должны быть осмысленными, опираться на собственный опыт и технику. Поэтому нет ничего опаснее, чем идти по пути внешнего копирования.

Некоторые тренеры думают, что хорошему стилю катания можно научить. Это ошибка. Стилль надо воспитывать с первых шагов на льду...»

А через несколько дней мы уже находились в привычной атмосфере чемпионата Европы. Старые и новые друзья. Спортсмены, тренеры, судьи. Калейдоскоп лиц. Улыбки. Объятия. Вопросы. Рассказы. Поездки по Москве, в которой многие из европейских фигуристов — впервые. Словом, всегда волнующая, всегда желанная атмосфера большого спорта!

Советскую команду представляли на чемпионате три пары. Они завоевали это право на состязаниях сильнейших. Кроме нас выступали Т. Тарасова и Г. Проскурин, Т. Жук и А. Горелик. Второй и третий номера команды были и известны и неизвестны европейским специалистам. Они уже не раз выступали на крупнейших состязаниях и добивались почетных мест, но поменялись партнеры и партнерши, а это всегда создает новый ансамбль, с новыми качествами, с новым почерком.

Надо сказать, что молодые пары хорошо показали себя на чемпионате. Даже несколько срывов и падений не помешали Т. Жук — А. Горелику с первого, так сказать, захода завладеть бронзовыми медалями.

Обязательную программу мы выполняли третьими, после Т. Тарасовой и Г. Проскурина. Начали с вращения в «волчке». Это придало строгой программе особый динамизм. Мы всегда уделяем большое внимание началу выступления, чтобы сразу создать определенное настроение у зрителей, чтобы сразу создать тот эмоциональный на-

кал, без которого исполнение любой программы выглядит блеклым.

Прыжок нам тоже удался. Он был синхронным, и чувство единого порыва не оставляло нас. Поддержку в полтора оборота мы выполнили легко.

Скорость была достаточно высокой, программа компактной, музыка — «Варшавский концерт» — динамичной.

Основными нашими соперниками на чемпионате были Герда и Руди Йонер. Брат и сестра — воспитанники швейцарской школы, кататься они начали в раннем детстве. Были чемпионами Швейцарии, семь раз выступали на первенствах Европы и в предыдущем чемпионате завоевали четвертое место.

Герда и Руди к московскому чемпионату «положили» программу на музыку, построенную на русских народных мелодиях. Тактический прием не новый, но именно с этих пор он получает все более широкое распространение. Зрители всегда с радостью встречают знакомые мелодии, а каждому фигуристу хочется сразу же расположить к себе публику.

Музыкальную композицию на «русские темы» продемонстрировал в Москве и Эммерих Данцер, впервые ставший здесь чемпионом континента. А брату и сестре Йонер так и не удалось добраться до «золота». Они стали серебряными призерами. Швейцарцы были юными, задорными, азартными. Но этого было мало для победы. Мы были в хорошей форме, сумели найти в программе новые для себя нюансы и очертили образы, содержащиеся в музыке Листа и Рахманинова, гармоничными, законченными движениями.

Мы были очень рады тому, что именно на Родине сумели впервые стать чемпионами Европы. Конечно, завоевать чемпионское звание радостно везде. Но во сто крат приятнее, когда этого добиваешься дома, на глазах у соотечественников. Не случайно, вероятно, с этого времени

начинается у нас в стране просто-таки паломничество в секции фигурного катания, и катки начинают строиться в десятках городов, и все более энергичным становится приток кандидатов на места — не столь уж многочисленные, как теперь оказалось, — в сборную команду страны. Начинается расцвет фигурного катания, расцвет, уже давший замечательный урожай и обещающий многое в будущем.

Московский чемпионат Европы оставил отличное впечатление у всех. Вице-президент ИСУ Жак Фавар в те дни говорил: «Теперь мне ясно, что Международный союз конькобежцев сделал счастливый выбор. Москва превзошла все другие города по умению организовывать чемпионаты...

Зрители во Дворце спорта — тонкие ценители искусства, они глубоко разбираются в сложной технике фигурного катания и умеют воздать должное отличным мастерам.

Я напомнил о мастерах прежних лет для того, чтобы подчеркнуть преемственность традиций. Эта преемственность особенно ярко выразилась в Москве. Здесь встретились спортсмены различных поколений. Многие из них совсем новички, и Москва помогла спортивному миру лучше познакомиться с ними. Многие же еще раз подтвердили, что являются незаурядными артистами. Я не боюсь назвать их именно так. Вспомните, как в воскресный вечер великолепно выступали Людмила Белоусова и Олег Протопопов, воплотив в движении все богатство музыки Массне, и вы согласитесь со мной.

Фигурное катание, несомненно, прогрессирует...

Сила советской школы налицо».

Жак Фавар говорит здесь о фактически первой, официальной, демонстрации нашей новой показательной программы «Размышление» на музыку Массне. До заключительного концерта участников московского чемпионата ее почти никто не видел. Разве что несколько киноопера-

торов и режиссеров, снимавших в конце 1964 года небольшой фильм о нас, называвшийся «Искусство фигуристов». Да еще раз показали мы ее в Норвегии, куда выезжали для показательных выступлений и тренировок.

Для московского зрителя, для всех участников чемпионата «Размышление» было неожиданностью, вызвавшей бурю восторга.

И для нас самих постановка этого концертного номера тоже в какой-то мере была неожиданностью. После Олимпиады в Инсбруке мы хотели непременно создать новую показательную программу, отражавшую те перемены, которые произошли в нас за последние годы. Мы подумывали над тем, чтобы создать танец двух лебедей — белого и черного — под музыку Сен-Санса. Были сделаны эскизы программы. Мы придумали несколько движений. И... работа застопорилась.

Вероятнее всего, это случилось потому, что наше воображение в это время всецело было поглощено замечательной музыкой Массне, которую использовала для своей показательной программы в Гренобле будущая чемпионка мира и Европы австрийская фигуристка Регина Хейтцер. Это было как раз то, что нам надо. И мы, как и в прошлый раз, отбросив все остальное, окунулись в свое «Размышление».

Олег:

— Сначала человек грезит, потом начинает понемногу задумываться. Так и у нас. Сначала появились «Грезы любви», затем — «Размышление». Вообще это сгусток реальных размышлений о том, что нам дали и что отняли годы. Мы искали то, что роднит, объединяет людей. Наша показательная программа — это, конечно, не только раздумье, но и действие — борьба за свое понимание спорта, за свое понимание жизни.

Некоторые представители голого техницизма говорят, что у нас много катания на двух ногах. Но согласитесь: когда фигурное катание становится искусством, зрителю

важны не только средства исполнения, но и показ мыслей и души исполнителя.

Пусть зритель даже совсем не заметит наших сложных элементов и опасного «тодеса», лишь бы переживал то, что переживали когда-то и мы.

Наше «Размышление» длится четыре минуты сорок две секунды. И всего три поддержки. А впечатление большее, нежели от спортивной программы, где мы делаем девять поддержек.

После того как впервые показали в московском Дворце спорта «Размышление» и оно встретило восторженный прием, мы думали только об одном: «Нас поняли, какое это счастье, что нас поняли!».

... В этом сезоне нам предстояло и впервые стать чемпионами мира. Чемпионат проводился в Америке, в Колорадо-Спрингсе. Вместе с нами в этот небольшой американский городок, известный своими спортивными традициями, прибыло еще около 90 сильнейших фигуристов, а спортивных пар было 14.

Выступать в Колорадо-Спрингсе тяжело — высота более 2200 метров над уровнем моря. Да еще каток «Бродмор» меньше обычного, да еще курят в зале все, и табачный дым облаками стелется надо льдом. Словом, обстановка непривычная.

Но мы чувствовали себя так уверенно, что даже поменяли к этим соревнованиям музыку к своей обязательной программе, взяв на этот раз мелодии американского композитора Роджерса, написанные им для выступлений американского ледяного ревю. Музыка была быстрой, ритмичной. Все элементы обязательной программы укладывались в нее легко и органично. И это было вполне понятно — ведь музыка-то и создавалась специально для ледовых постановок!

После первого дня мы стали лидерами, а за нами вновь шли брат и сестра Йонер, чемпионы США Вивин и Рональд Джозеф. Четвертый результат после обяза-

тельной программы имели наши Жук — Горелик, а на седьмом месте были Тарасова — Проскурин.

Принесла нам успех и произвольная программа. Девять судей — чего не было уже много лет — единогласно отдали нам победу.

Зато борьба за другие призовые места неожиданно обострилась. Не выдержали испытания Йонер. Они начали свою произвольную программу эффектно, мы бы даже сказали лихо. Но что это? На простых шагах Руди неожиданно падает. Теперь фигуристы нервничают, и вот уже падение после прыжка. Это окончательно выбивает швейцарских фигуристов из колеи, и они еле-еле заканчивают свое выступление.

Вполне возможно, что на качестве выступления Йонер сказалось высокогорье. Мы снова очень внимательно фиксировали все нюансы своего (и не только своего) самочувствия, мы ни на секунду не забывали о самоконтроле. И это впоследствии нам очень пригодилось.

Поскольку швейцарские фигуристы перестали претендовать на призовое место, реальный шанс занять его получают Татьяна Жук и Александр Горелик. И они добиваются своего, выполнив программу чисто и на этот раз — без срывов и падений. У них — «бронза». А «серебро» достается, как и следовало ожидать, чемпионам США — паре Джозеф.

Американские зрители тепло встречали нас. Они считали, что наша программа украсила чемпионат. И после соревнований мы вместе с Татьяной Жук и Александром Гореликом отправились в большое турне в составе группы ведущих фигуристов мира. Мы побывали во многих городах США, Канады, ФРГ, Швейцарии, Дании и повсюду видели, как замечательно встречают советских спортсменов десятки тысяч зрителей.

И только одного звания в этом сезоне не удалось нам завоевать. Чемпионат страны на этот раз проводился без участия сильнейших (что само по себе ныне кажется со-

вершенно странным и непонятным: как можно разыграть звание чемпиона без лучших фигуристов?), и победителями стали ленинградцы Тамара Москвина и Александр Гаврилов. Участники первенств мира и Европы Т. Тарасова и Г. Проскурин заняли второе место.

Кажется, мы добились всего.

Кажется, можно спокойно идти вперед.

Но разве можно угадать, что день грядущий нам готовит?

**Глава, в которой мы впервые в этой книге
обращаемся к своему дневнику — свидетелю
каждого нашего шага на льду**

У нас их скопилось превеликое множество — этих блокнотов, записных книжек, исписанных от первой до последней странички. Мы храним их как зеницу ока. Поссторонним вход сюда абсолютно запрещен, и когда журналисты просят нас познакомить их со своими записями, мы обычно отказываемся это сделать. Конечно, в наших блокнотах нет никаких особых секретов, которые мы не хотели бы обнародовать. Но дневник для нас нечто столь близкое, родное, полностью наше, что отдать его в чужие руки просто невозможно.

А вот когда принялись за книгу, пришлось все-таки извлечь и дневники.

Мы листали страницу за страницей и еще раз убеждались в том, что поступали совершенно правильно, описывая так подробно свои тренировки, выступления. Теперь все это выглядит как своеобразное научное исследование психологической, технической и физической подготовки двух спортсменов-фигуристов: мужчины и женщины. Перед нами данные всех экспериментов, объектами которых были мы сами. В блокнотах — и наш пульс два-три раза в день, и мышечные ощущения, восприятие музыки и окружающей обстановки, и все это в совершенно конкретных условиях. Если бы только было терпение, если бы были разработаны особые таблицы, по которым определяется график подведения к лучшей форме, — мы бы могли дать совершенно четкую математически картину того, как,

несмотря на незначительные отклонения (по не зависящим от нас причинам), шли мы к намеченной цели.

Дневники мы ведем регулярно, даже несмотря на усталость, на плохое настроение или болезни. Нам важна непосредственность впечатлений. Потом, когда они сглаживаются или обобщаются, — уже не то. Только точные факты, свидетелями которых мы были сегодня, а не вчера или позавчера, — вот что нас интересует.

Мы привыкли быть совершенно откровенными со своими дневниками. В какой-нибудь беседе с корреспондентами или со своими коллегами некоторые детали можно приукрасить или вообще опустить, причем сделать это совершенно произвольно.

А с дневниками так поступать мы не можем.

Они — наши самые замечательные друзья, всегда правдивые, всегда точные, всегда объективные, несмотря на свою полную субъективность.

В дни соревнований и предшествующих им тренировок стараемся занести в дневник свои непосредственные впечатления со всеми подробностями и мелочами, незаметными для постороннего взгляда. А когда выдаются дни менее напряженные, когда мы можем больше читать, анализировать, на страницах дневника появляются и заинтересовавшие нас выписки из различных книг, главным образом посвященных искусству, и просто теоретические итоги каких-то наблюдений, ощущений.

Есть одна трудность при ведении этих записей. О ней люди непосвященные и представления не имеют. И заключается эта трудность в том, что, когда описываешь свои композиции, не можешь найти для этого описания нужных слов. Конечно, речь идет не о том, что мы захлебываемся от восторга и поэтому у нас даже слов для выражения не хватает. Просто в фигурном катании терминология разработана плохо, и это совершенно понятно, поскольку этот вид спорта поистине молод и технические новинки появляются ежегодно. Если и здесь проводить

какие-то параллели с балетом, то окажется, что балетные постановщики вполне могут увековечить свои постановки, записав их в виде особой партитуры. А у нас это совершенно немыслимо, вернее, запись сможет понять только тот, кто ее делал, а посторонний без дополнительной помощи ничего уяснить не сумеет.

Вот и пестрят наши дневники придуманными впопыхах, но кажущимися нам точными и образными названиями поз — «бабушка в окошке», или «мясорубка», или... В общем, созданием своей точной терминологии фигурное катание еще должно заняться. И это очень важно. Только так мы сможем донести до будущих спортсменов достижения фигуристов прошлого и настоящего.

Возвращаясь к страницам своих дневников, мы иногда удивляемся: неужели некоторые из этих записей сделаны нами, да еще в спешке, да еще без длительного обдумывания? Мы перечитываем иные строки и вновь, уже совершенно сознательно, с позиций опыта, накопленного за то время, которое прошло после сделанной записи, убеждаемся в справедливости наших предыдущих выводов.

Сейчас мы процитируем одну из таких записей. Она была сделана незадолго до крупнейших состязаний сезона 1965/66 года. Это не специальная выборка. Мы ничего в этих страничках дневника не правили. Мы оставляем все, как было.

«Тренировка предшествует творчество.

Тренировка — это не механическое многократное повторение законченных комбинаций.

Что же входит в тренировку фигуристов?

1. Определение идейного смысла, содержания музыки в целом.

2. Разбор ритмового рисунка.

3. Отбор выразительных средств — движений, поддержек, вращений, прыжков, спиралей.

4. Расстановка выразительных средств (их последовательность, в частности).

5. Художественное сочетание этих выразительных средств в целом.

6. Учет физиологического воздействия упражнений разных групп и правильное их чередование (вращений, поддержек, прыжков, перебежек).

7. Учет нагруженности на правую и левую ноги (равномерное распределение этой нагруженности).

8. Учет мобильности нервной системы партнеров.

9. Учет интервалов активного отдыха и интенсивных нагрузок в программах. Их правильное чередование.

10. Удобство для партнеров при составлении и исполнении различных комбинаций движений.

11. Расположение композиции на площадке.

12. Поиски наиболее выгодных, «смотрящихся», ракурсов.

13. Учет размеров международных площадок (это особенно важно при проектировании будущих программ).

14. Учет коэффициента скольжения для разного льда и даже окраски льда.

15. Учет высоты потолка в залах, где придется выступать, их освещенности и фона (характер трибун, есть бортик или нет его).

16. Учет цвета костюмов, в особенности на фоне различных оттенков льда, на фоне трибун со зрителями.

17. Учет порядка разминки перед соревнованиями.

18. Учет интервала перед стартом.

19. Учет психологического состояния окружающих (спортсменов), их поведения.

20. Учет реакции публики на выступление в целом и на отдельные части композиции (бывает, что аплодисменты заглушают музыку, и к этому тоже надо быть готовыми).

21. Эмоциональная подготовка.

22. Заточка коньков.

23. Застежки, пуговицы, штрипки, шнурки, прическа, приколки, «бабочка», галстук, рубашка, платье.

24. Пленки (магнитофонные) — тренировочные, боевые, с разными скоростями записи. Пластинки — 33 $\frac{1}{2}$ оборота.

25. Киноаппаратура и пленки — цветные, высокочувствительные.

26. Магнитофон портативный.

27. Костюмы для выхода.

28. Учет акустических особенностей помещения для соревнований (открытый или закрытый каток).

29. Учет национального колорита страны, где проводятся соревнования (темперамент зрителей, интеллект, национальный характер).

30. Учет высоты расположения места для соревнований относительно уровня моря.

31. Учет температуры воздуха и процента влажности...»

Вот ведь какой огромный список получился. И если в нем нет какой-то особой последовательности — не взыщите. Составлялся он давно и для личного пользования.

Правда, ни один из пунктов не расшифрован. Пока не расшифрован. Потому что те, кто глубже заинтересуется деталями, найдут их, и не раз, в нашем рассказе. А пока... несколько выдержек из дневников, которые окажутся уже более подробными и в которых будет содержаться хотя бы частично расшифровка двух-трех пунктов из тех, которые мы называли. Конечно, творчеством фигуриста в полной мере это не назовешь. Скорее, это свод правил для самоконтроля, каким он является для нас.

«26 ноября 1965 года. Спали хорошо. Пульс: у Л. — 72, у О. — 44. Давление: у Л. — 103/60, у О. — 90/70.

Тренировка — с 20 часов 45 минут до 24 часов.

Разминка — раздельно.

I часть программы — 7 раз.

II часть программы — 5 раз.

III часть программы. Катали 4 раза. Удовлетворитель-

но. Не вышли только один раз полтора оборота с подкруткой.

Обратить внимание на выход после «лутца» (2) и вход в 1-й прыжок. О. должен раньше отворачиваться от Л. в момент приседа. Л. — «стрелять» ногой при выезде.

IV часть. 4 раза. Удовлетворительно.

V часть. 4 раза. Хорошо.

Повторение I части в конце тренировки. Еще 2 раза. Сделали удовлетворительно.

Пульс: у Л. — 121, у О. — 114.

Бег 10 минут вперед и назад.

После окончания тренировки пульс: у Л. — 85, у О. — 59.

Состояние было нормальное, рабочее.

Только совсем не потеем: холодно на катке, температура минус 10 градусов.

Нужно изменить порядок тренировки...

27 ноября 1965 года. Людмила спала плохо. Олег долго не мог заснуть, но спал удовлетворительно. Днем пульс: у Л. — 65, у О. — 49. Давление: у Л. — 95/65, у О. — 100/70. Тренировка — с 20 часов 15 минут до 0 часов 15 минут. После тренировки пульс: у Л. — 93, у О. — 73. Давление: у Л. — 95/70, у О. — 100/75.

На тренировке: разминка — индивидуальная. Прыжки.

Полтора оборота «аксель». О. нужно делать перетяжку внутрь, чтобы не терять линии при выезде.

Двойной «флип». Л. делала очень хорошо, О. — плохо, но, исполняя прыжки вместе, собрался и выполнил.

В чем тут дело: в технике или в нервной настройке-стимуле?

Прыжок в «либелу». Сделан параллельно, но О. нужно немного прыгнуть, а не падать на ногу.

Двойной «сальхов» — индивидуально. Л. — очень хорошо, О. — посредственно, но постепенно настроился.

Людмила в конце замерзла. 15 градусов ниже нуля. Самочувствие у Л. хорошее и вообще всю неделю была

бодрая. Даже несмотря на вчерашнюю большую нагрузку. У О. перед катком самочувствие было бодрое, но на льду стал «зевать», на двойном «флипе» не мог собраться.

Интересен факт, что при таком состоянии начинаешь «разбираться» во всех неудобных предварительных положениях и в конечном счете «замахнешься, но не ударишь». А когда свеж, то даже при этих же ошибках прыжки все-таки удаются, так как, видимо, темп и энергичность в какой-то мере компенсируют недостатки в технике.

Но бывает и наоборот. Свеж, а сделать элемент все-таки никак не можешь. Из-за сильного перевозбуждения, что приводит к координационным ошибкам.

Таким образом, для успешного выполнения каждого элемента, вероятно, есть своя степень возбуждения, ее определенные максимальный и минимальный пороги, за пределами которых начинаются координационные «рывки». Очевидно, необходимо расширять диапазон, чтобы стабильно выполнять сложные элементы при пониженной и повышенной возбудимости. Когда мысленное представление о движении почти совпадает (субъективно) с деталями реального движения, тогда элемент удается хорошо. При перевозбуждении мысль как бы обгоняет движение, а при апатии — отстает; в последних двух случаях и бывают чаще всего ошибки.

Наша практика показывает, что наилучшие результаты бывают тогда, когда анализ движения не прекращается и в момент исполнения элемента, до его полного завершения.

Интересен и другой факт. При пониженном тонусе можно как-то себя мобилизовать, вернее, легче это сделать, нежели при перевозбуждении усмирить свою нервную систему, подавить волнение и т. п. На это требуется гораздо больше времени...»

И еще одна тренировка, уже через несколько дней. 3 декабря 1965 года. Это была обычная тренировка, но

нам она доставила удовольствие. В особенности Олегу. Вот отрывок из дневника, полностью посвященный Олегу.

«Сегодня я наконец понял, в чем заключается моя ошибка при исполнении двойного «флипа». Дело в том, что я поворачиваю плечи (контрдвижение направо) в момент поворота конька. В результате конек останавливается в тот момент, когда стоит поперек хода, и из-за этого получается скользящий поворот. Плечи из положения вправо идут внутрь круга, и происходит преждевременная потеря равновесия и оттопыривание толчковой ноги.

Что же нужно делать?

Есть некий закон: если повернешь плечи направо до упора, то их легче затем повернуть налево, они, как бы дойдя до ограничителя, получают отдачу и легче идут в противоположную сторону. Поэтому после «цапы» не нужно крутить плечи преждевременно направо до тех пор, пока конек не завершит свой гладкий поворот. Руки при этом должны быть расслаблены и даже могут перейти внутрь круга, но конек сохранит свое направление (руки не помешают ему). Только после полного завершения поворота конька руки как бы продолжают двигаться влево, но легко останавливаются при подседе на левой ноге и начинают свое движение в противоположную сторону, т. е. направо...»

Замечательное ощущение, когда находишь ошибку, которая так мучительно держала в своем угнетающем плену.

Небольшая ошибочка, а зловредная.

И когда находишь ее самостоятельно, когда вытащил ее все-таки на свет божий, рассмотрел и понял, что с ней надо сделать, — весело становится, в себя больше начинаешь верить, в свою восприимчивость, наблюдательность, в свое умение контролировать себя и в любом положении чувствовать свое тело.

Дневники сейчас ведут почти все сильнейшие фигуристы.

Мы можем сказать с абсолютной уверенностью: они необходимы не только ведущим спортсменам, но и каждому фигуристу, даже начинающему. И вести дневник надо не формально. Вести его надо так же, как тренируешься.

Тогда легче будет заметить возможное переутомление, тогда легче будет проследить освоение и понимание элементов и т. д.

Здесь только надо без формализма.

Здесь нужна полная искренность, даже если что-то и покажется поначалу наивным. Этого-то как раз и не надо стесняться.

Словом, будьте откровенны со своим дневником, и он вам поможет в нужную минуту!

Глава, которую мы начинаем рассказом об одном выступлении профессионального ревю на льду

Мы приехали в московский Дворец спорта задолго до начала концерта американского балета на льду. Давно не бывали на таких зрелищах, и не потому, что не хотели, просто никак не получалось. Так что мы в этот день были свежими зрителями и даже немного волновались, предвкушая удовольствие от предстоящего.

Начался спектакль. И хотя краски были яркими, музыка веселой и энергичной, массовые сцены хорошо сконструированными, а номера солистов виртуозными, вскоре нам стало скучно. Мы никак не могли втянуться в ход этого спектакля. И сами не могли понять почему.

А потом стало ясно: мы видели все технические приемы большого спорта, а самого спорта здесь, естественно, не было, да и не могло быть.

Мы взгрустнули. Ведь выступали знаменитые фигуристы, которые в былые годы были для нас образцом.

Сколько раз мы снимали на пленку каждый их жест, следили за каждым движением, отмечая про себя: это нам пригодится, вот это мы можем перестроить для себя! Актеры были в прекрасной форме. Прыжки давались им легко, уникальных трюков было немного, но выполнялись они блестяще, и не чувствовалось никакого волнения, которое, к сожалению, так часто пагубно отражается на выступлении во время соревнований. Однако отсутствие предстартового волнения, этой особой эмоциональной ноты, которая всегда так тонко звучит в мо-

мент, когда борьба за призовые места достигает апогея, расстроило нас более всего.

Мы спрашивали себя: «А если бы нам предложили в расцвете сил уйти в балет на льду — ушли бы мы из спорта?».

Даже если бы предложили сверхвысокие ставки, которыми всегда продюсеры и руководители крупнейших ревью покупают спортсменов, мы не ушли бы. Не смогли бы расстаться с тем, что так пропитало всю нашу жизнь. Не смогли бы расстаться с огромным накалом спортивной борьбы, с волнениями в начале каждого сезона, с поисками новых выразительных средств для программ, которые показываются миллионам людей. Мы просто не выдержали бы ежедневных стереотипных выступлений, нас убила бы их монотонность.

Нам нужен взрыв, вспышка темперамента.

Но «делать» это каждый день, а иногда и по два или три раза в день — для нас просто невозможно. И мы ясно отдаем себе в этом отчет.

Мы вовсе не хотим хоть в какой-то мере бросить тень на искусство артистов балета на льду. Оно поистине замечательно. Подлинные мастера фигурного катания придают ему восхитительный блеск.

Но задумайтесь над таким интересным фактом. Каждый год осенью сильнейшие профессионалы мира съезжаются в Англию на турнир. Посоревноваться. Тяжело им без этого. Видно, вспоминаются старые битвы и снова хочется хоть на несколько минут возратить былое очарование прошедших дней.

А мы хотим этого очарования всегда.

Мы чувствуем себя готовыми к борьбе. И будем ее вести. Как вели до этого. Как ведем сейчас. И, встречаясь со знаменитыми профессионалами, мы лишь в очередной раз вспоминаем, как они выступали и как, со слезами на глазах, покидали любительский спорт.

Одними из первых за нашу бытность в большом спор-

те из него ушли Барбара Вагнер и Роберт Поул — мировые и олимпийские чемпионы, лучшие представители канадского фигурного катания. Их темперамент, так бурно проявлявшийся во время стремительных, высоких прыжков, легких поддержек, крылатых шагов, был украшением каждой программы. Оригинальные композиционные решения Вагнер и Поула помогли им быстро перестроиться после перехода в ревю. Кстати, и по сей день, снятые на пленку, они дают возможность некоторым тренерам, не страдающим избытком фантазии, заимствовать целые куски из этих композиций. Жаль, что в фигурном катании нельзя, как в литературе, делать сноски с указанием, откуда взяты те или иные «цитаты».

Мы отлично помним выступление Вагнер и Поула на Олимпиаде в Скво-Вэлли. Незадолго до этого в газетах было напечатано высказывание президента Международной лыжной федерации доктора Марка Ходлера, в котором он сказал, что «в фигурном катании олимпийский титул до некоторой степени является дипломом об окончании учебы и началом успешной профессиональной карьеры в ледяном ревю...» Вполне возможно, что это было сказано в связи со слухами о скором уходе Вагнер и Поула в профессионалы.

Став после Олимпиады еще и чемпионами мира, канадская пара покинула любительский спорт. Нам потом приходилось встречаться с ними много раз. В том числе и на двух следующих Олимпиадах. Иногда они были веселы, иногда грустили. Они поздравляли нас, а в глазах чувствовалась невысказанная тоска. Увидев недавно в одном из журналов фотоснимок Вагнер и Поула, сделанный в витрине магазина, где они рекламировали какой-то товар, мы вспомнили и старательно затушеванную грусть, и приглушенную горечь, сквозившую в каждом их жесте.

Чтобы стало более ясным, с чем приходится сталки-

ваться в профессиональном спорте бывшим любителям, мы процитируем одно письмо Барбары Вагнер и Роберта Поула, написанное ими в канун 1962 года.

«В новогодние дни исполнилось девять лет нашим совместным выступлениям.

Нас часто спрашивают, у кого класс технической подготовки выше: у фигуристов-любителей или профессионалов? Попытаемся объяснить это на собственном примере. В период любительства мы тренировались для выступлений в трех или четырех соревнованиях в год. Мы осваивали вращения, прыжки и другие сложные элементы фигурного катания на коньках. Мы выступали, в первую очередь ориентируясь на судей, ради высокого балла. И упражнения обычно выполняли отлично, в атлетической манере.

С несколько иным положением мы столкнулись в профессиональном спорте. Здесь прежде всего обращается внимание на отточенность стиля, на манеру исполнения с тем, чтобы произвести впечатление на публику. Но в техническом отношении профессиональные выступления уступают любительским.

КЛАСС ЛЮБИТЕЛЕЙ ГОРАЗДО ВЫШЕ (выделено нами. — Л. Б. и О. П.).

Когда мы были любителями, мы начинали заблаговременно готовиться к крупным соревнованиям. Так, например, к Олимпийским играм в Скво-Вэлли мы стали тренироваться за четыре месяца до их начала. Зимой тренировались по пять часов ежедневно, примерно столько же и летом. Полному отдыху мы отводили один месяц — май, июнь или сентябрь.

Заглядывая в будущее фигурного катания на коньках, хочется сказать, что уровень мастерства спортсменов в смысле новизны элементов неустанно растет...»

Замечательные канадские фигуристы не ошиблись. Уровень технического мастерства повышается беспрерывно, а новые элементы появляются в каждом сезоне.

Появляются, несмотря на то, что лучшие спортсмены покидают фигурное катание ради балета на льду. Новинки постоянно «заявляются» теми, кто претендует на опустевший «престол», потому что претенденты сразу же стараются доказать, что способны возглавить новую волну развития фигурного катания.

Драматическим был уход со спортивной арены чемпионов мира, наших предшественников на этом посту, фигуристов из ФРГ Марики Килиус и Ганса-Юргена Боймлера. Три сезона скрещивали мы с ними оружие и неизменно проигрывали. Пока не зазвучали олимпийские фанфары и олимпийский огонь не придал золотого блеска нашим привычным наградам.

В Инсбруке победили мы.

И вот уже появляются в газетах интервью наших соперников, в каждом слове — разочарование. И вызвано оно главным образом одним — проигрыш резко уменьшает шансы на высокие ставки в профессиональном балете на льду.

Вообще, вокруг имен Марики Килиус и Ганса-Юргена Боймлера в те дни было множество слухов, догадок, предположений. И поражение в Инсбруке еще более увеличило их поток. Вот весьма характерная для тех дней корреспонденция, напечатанная в газете «Юнге Вельт» (ГДР) и приводимая нами в сокращенном виде: «Они уходят в ревью! Они не уходят в ревью! Они порывают друг с другом! Они не порывают! Любят они друг друга? Они не любят друг друга!»

Все эти «да» и «нет» в аншлагах западногерманских газет не вызовут у нас слез умиления и не заставят хмурить брови. В Марике Килиус и Гансе-Юргене Боймлере мы видим выдающихся спортсменов, а не «звезд» ледяного ревью. И нам не хочется заниматься изучением вопроса, будут ли они не только парой на льду, но и парой в жизни. Неизмеримо больше нас волнует одно сообщение западногерманской газеты «Дас нойе блатт»,

сообщение о «трагедии, которая ждет Ганса-Юргена Боймлера в будущем».

22-летний Вернер Цан, сын миллионера, владелец большой фабрики зажигалок, вполне может покорить сердце принцессы льда. Доходы от фабрики зажигалок гарантируют Марике то, чего Боймлер не имеет, — обеспеченное будущее.

У Ганса-Юргена все иначе. Один на бирже профессионалов-фигуристов он не имеет даже половины нынешней цены. Стоимость его значительно ниже. Перед ним — угрожающая неопределенность. Ну чем, в самом деле, может заняться этот парень, если его покинет партнерша? Он не приобрел никакой специальности. В лучшем случае его ждет бундесвер.

«Дас нойе блатт» предсказывает Гансу-Юргену профессию клоуна на льду...

В Дортмунде, на чемпионате мира, который состоялся вскоре после Олимпиады, Килиус — Боймлер выиграли у нас с преимуществом в одно место. И немедленно покинули любительский спорт, не желая больше испытывать судьбу.

Ниже мы приводим высказывание Ганса-Юргена Боймлера, которое он сделал сразу же после победы в Дортмунде:

«Именно потому, что надо думать о будущем, о том, что всю жизнь ты не сможешь кататься на льду и придется зарабатывать на жизнь более верным способом, именно поэтому я принимаю сейчас многочисленные предложения — от владельцев ледяных реву до хозяев фирм, выпускающих кинокартины... Надо думать о жизни. Нельзя обольщаться блеском спортивной славы. О ней в моей стране забудут очень быстро...»

Наших фигуристов, как известно, после окончания спортивной карьеры подобные проблемы не мучают. Большинство учится и становится инженерами, педагогами, журналистами, учеными, а некоторые остаются на-

всегда в фигурном катании—в качестве тренеров. И лишь незначительная часть спортсменов — да и то не из числа тех, кто пробился к верхним ступеням пьедестала почета, — уходит в наши, отечественные, ревю. А поскольку советские балеты на льду организованы сравнительно недавно, то первое поколение артистов все еще остается на своих местах в ревю, и мы не можем ничего сказать о том, вернутся или не вернутся они — уже в новом качестве (постановщиков, тренеров) — в свой родной спорт. Во всяком случае, их возвращение было бы весьма полезным, поскольку количественный скачок, который наблюдается в фигурном катании, требует и огромного числа специалистов, способных грамотно и всесторонне учить юных фигуристов спортивному мастерству.

Но возвратимся к нашей теме.

Мы еще раз встретились с Боймлером во время чемпионата мира в Вене. Накануне западные газеты — с ссылкой на экс-чемпиона — напечатали не слишком лестные высказывания о нашем выступлении и нашей спортивной форме. Мы были искренне удивлены недружелюбным тоном, поскольку наши отношения с Гансом в прошлом были весьма хорошими.

И вот мы встретились с ним в вестибюле отеля «Интерконтиненталь». Он извиняется за западных журналистов и добавляет, что ни с кем не говорил о наших выступлениях. И еще говорит Боймлер о том, что ему немного грустно, когда он видит нас на льду, а самому ему приходится сидеть среди зрителей.

— Я удивляюсь, как вы еще можете кататься...

И добавляет:

— Мне это уже очень тяжело.

Надо сказать, что некоторые спортсмены, заявляя об уходе в профессионалы, начинают спекулировать на этом. Весьма любопытная с этой точки зрения история произошла во время Олимпиады в Гренобле. Связана

она с именами двух выдающихся австрийских фигуристов — Эммериха Данцера и Вольфганга Шварца.

Эммерих Данцер был непобедимым несколько лет. Он типичный воспитанник австрийской школы фигурного катания, выступал всегда ровно, без срывов. Из года в год Данцер становился артистичнее и программы его блистали все ярче.

Вольфганг Шварц тоже венец, тренировался вместе с Данцером у известного тренера мадам Вехтлер.

На чемпионате мира в Вене он занял второе место.

На чемпионате Европы в Вестеросе накануне Олимпиады Шварц снова только второй. А это, как известно, оказывает на судей очень большое влияние.

Но...

За год до этого Вольфганг Шварц сделал заявление о том, что остается еще на один сезон в любительском фигурном катании только для того, чтобы уйти из него победителем.

Накануне старта в Гренобле Шварц снова выступает в печати и заявляет, что он уйдет в профессионалы, победив на Олимпиаде Данцера. При этом он утверждает, что готов выиграть борьбу.

Все это напоминает мольбу о помощи, личное обращение к судьям.

И вот когда на Олимпиаде начинаются соревнования по «школе», — первая сенсация: Данцер откатывается далеко назад. Он вообще не может соперничать со Шварцем. И это происходит с Данцером, чей каллиграфический почерк не нуждается ни в какой рекламе.

Во время исполнения произвольной программы Вольфганг Шварц катается рассудительно, спокойно. Главное — чтобы не было срывов. Главное — удержать завоеванные позиции. Его можно понять. И он добивается своего.

И тут же заявляет о своем уходе в профессионалы!

Через несколько недель на чемпионате мира в Жене-

ве Данцер легко обыгрывает всех тех, кто обошел его в Гренобле. И тоже покидает любительский спорт, не желая, получив «олимпийский урок», испытывать судьбу.

Думается, что разгадка таких случаев может крыться и закулисной деятельности менеджеров профессионального балета на льду. Они ведь и не скрывают, что им нужно ежегодное пополнение. Без притока знаменитостей нет сборов, нет рекламы. Данцер слишком долго занимал первое место. Он задерживал подход новых «дипломированных» солистов в ревю. И Данцер должен был уйти. Он не хотел уйти добровольно и получил предупреждение. Он понял все, — значит, можно и ему уйти с почетом, чтобы пополнить ряды профессионалов.

Мы пишем эти строки, испытывая чувство горечи.

Мы пишем эти строки, потому что и нам в Гренобле в 1968 году были сделаны предложения, не имеющие ничего общего со спортом. Несколько раз люди, считавшиеся нашими друзьями, говорили нам: «Сделайте заявление о том, что вы, выиграв во второй раз звание чемпионов Олимпиады, немедленно прекратите выступления на спортивной арене, — и арбитры единогласно дадут вам первое место!».

Очевидно, не имея притока чемпионов из парного катания, руководители западных ревю решили пойти другим путем, сделать хитрый маневр, чтобы расчистить путь тем парам, которые легко могут согласиться — в будущем, естественно, — на их предложения.

Они не знали нас.

Мы надеемся, что они прочитают эту книгу и поймут, что мы будем вести спортивную борьбу, пока сами не почувствуем, что нам нужно сделать... передышку!

В Гренобле мы были готовы к борьбе, как никогда ранее, и победили.

Только один судья — представитель Чехословакии Эмиль Скакала — поставил нас на второе место...

В заключение этой главы нам хочется сказать, что в

подавляющем большинстве случаев сами спортсмены не имеют никакого отношения к грязной закулисной возне. Они остаются образцами настоящей спортивности. Они обычно долго колеблются, прежде чем заявить об уходе в профессионалы. Как это было, скажем, с Инной Бауэр, мировой и олимпийской чемпионкой американкой Пегги Флеминг. Даже став «звездами» реву, эти спортсмены сохраняют дружеские узы, которые возникли между ними и остальными фигуристами в течение тех лет, которые они вместе провели в спорте.

Вот самый свежий пример. Эммерих Данцер подписал контракт со знаменитым венским балетом «Айс-реву». Его партнершей стала известная чемпионка Европы австрийская фигуристка Ингрид Вендль, закончившая свои выступления в одном из американских реву. Первый же их совместный концерт стал триумфальным. После него Эммерих Данцер сказал:

— Признаться, несколько больно, что я не смогу больше быть среди тех, кто на международных соревнованиях вновь станет оспаривать звание сильнейшего фигуриста мира. Мне очень недостает тех многочисленных друзей, с которыми я познакомился в дни моей любительской карьеры и которых я продолжаю по-прежнему высоко ценить. Здесь я прежде всего думаю об Олеге Протопопове и его милой супруге Людмиле Белоусовой. Короче говоря, друзей очень много, и воспоминания о них лишний раз подтверждают, что в дни соревнований у меня было чудесное, пожалуй вообще самое прекрасное, время в моей жизни. В этой связи я с большим удовольствием вспоминаю Москву, московских зрителей, с которыми я довольно близко познакомился в 1965 году, когда впервые завоевал титул чемпиона Европы...

Желаем тебе успехов на новом поприще, Эммерих. Мы тоже ценим спортивную дружбу!

Мы не забываем своих друзей, и всегда готовы помочь им в трудную минуту...

Глава, в которой мы рассказываем о нашей обязательной программе и о принципах составления таких программ

На Олимпиаде в Гренобле фигуристы-парники впервые должны были показать обязательную программу. До этого (в том числе и в Инсбруке) демонстрировалась лишь произвольная, и тут были свои трудности, поскольку надо было все силы вложить в один-единственный удар, и никаких вторых попыток, и никаких поправок быть не могло.

Правда, на всех последних чемпионатах мира и Европы парники уже исполняли и обязательные композиции. Но на Олимпиаде они демонстрировались впервые. И это создавало дополнительную психологическую нагрузку: надо смонтировать обязательную программу так, чтобы она выглядела не навязанной нам, а была как бы нашей, созданной и придуманной из тех элементов, которые нам импонируют более всего.

Прежде чем рассказать о работе над обязательной программой, мы хотим рассказать о ее принципах и о том, что в этих принципах кажется нам современным и удачным, а что — нет.

Обязательная программа фигуристов-парников, думается нам, — одно из самых прогрессивных нововведений. Вот у гимнастов обязательные упражнения смотреть скучно — у всех одни и те же элементы. В одном и том же порядке. Без музыки. Без всякой фантазии. С минимальными отклонениями от заданной схемы. Конечно, большие мастера могут внести и свои нюансы в характер исполнения элементов, но не более того. Так что при мо-

нотонном чередовании одних и тех же композиций трудно в общем потоке выделить какого-нибудь спортсмена, если не знаешь фаворитов.

Вполне вероятно, что скука гимнастических обязательных программ идет оттого, что созданы они давно, принципы их составления почти не пересматривались, и давнишняя традиция угнетает спортсменов, сковывая в них творческое начало.

Совсем не то у нас.

Обязательная программа появилась совсем недавно. Мы исполняли ее впервые в сезоне 1964 года на первенствах Европы и мира, но на Олимпиаду, «повестка дня» которой была утверждена задолго до этого, она не попала. Составители «обязаловки» были на уровне современных требований. Они прекрасно учитывали то обстоятельство, что помимо спортивной борьбы, помимо проверки уровня технической подготовленности спортсменов требуется еще и зрелищность, требуется еще и проверка умения спортсменов в сравнительно жестких рамках раскрыть свои творческие силы.

И вот каждый год мы получаем из технического комитета нашей Международной федерации шесть элементов, которые должны быть исполнены в обязательной программе.

Музыку мы выбираем сами, сами расставляем элементы, связываем их теми нитями, которые кажутся нам наиболее прочными и яркими.

Связываем, но не растягиваем. Потому что лишние элементы категорически запрещены и на выступление отводится не более двух минут (а многие стараются уложиться и в меньший отрезок времени).

Обычно при разработке новых программ мы идем к движениям от музыки. Она во многом диктует характер композиции, хотя существует и обратная связь — мы выбираем именно ту музыку, которая способна пробудить к жизни скрытые контуры будущих программ.

Но при составлении обязательной программы это невозможно, поскольку все шесть элементов для нас обычно связаны с какой-то совершенно определенной смысловой нагрузкой и нельзя сказать, что она достаточно обширна. Вот и получается, что элемент, олицетворяющий для нас какие-то яркие, радостные чувства, запрограммирован вместе с таким, в котором слышатся для нас нотки грустные и даже трагические. Как ни бейся, а составить из них одно целое, да еще взяв для этого какой-нибудь отрывок из симфонической музыки, нельзя.

Вот мы и решили для Олимпиады в Гренобле положить обязательную программу на музыку эстрадную, не несущую большой смысловой нагрузки, дающую возможность сравнительно свободно оперировать теми элементами, которые нам были заданы. Музыка и элемент! Мы искали золотую середину и нашли ее. Мы считаем нашу гренобльскую обязательную программу очень удачной во всех отношениях.

А поскольку в парном катании ныне существует своеобразное двоеборье, мы на Олимпиаде хотели как можно ярче подчеркнуть самостоятельность и особую значимость каждой из двух программ. Если речь идет об обязательной, то, помимо всего прочего, нам хотелось оттенить ее удивительную экономичность, насыщенность. Не секрет, что поиски наиболее удачной расстановки элементов занимают иногда гораздо больше времени и сил, чем составление целого куска произвольной программы, ибо промахи в постановке видны здесь наиболее отчетливо. И очень жаль, что плодов наших поисков, вариаций на тему «шести элементов» почти не видят зрители. По телевидению их не показывают никогда, а на соревнованиях не слишком квалифицированные любители фигурного катания (а их ведь, к сожалению, не так уж мало) игнорируют день (или вечер) обязательной программы, считая ее скучной, неинтересной, что глубоко ошибочно!

В музыке и танце, в отличие от математики, от перестановки слагаемых сумма меняется. И мы многие месяцы без устали переставляем и музыкальные отрывки, из которых составлена обязательная программа, и обязательные элементы. Нельзя сказать, что это всегда радостный труд. Иногда появляются варианты, похожие друг на друга и отличающиеся лишь почти незаметными деталями. Мы долго колеблемся, прежде чем остановим свой выбор на одном из них.

Перед Греноблем мы вообще сотни раз уточняли и перекомпоновывали нашу обязательную программу, пока она не стала устойчивой, нарядной, легкой и современной. Какие конструкции будут воздвигнуты рядом с нашей — это перестало нас волновать задолго до начала соревнований. Мы чувствовали себя уверенно. Мы органически вжились в программу. Мы стали единым целым. И поэтому, когда в Гренобле у нас в руках оказался стартовый номер 1, мы не ощутили ни тревоги, ни особого волнения.

Отметим, что прочность «обязаловки» зависит отнюдь не от одной лишь техники. У обязательной программы своя психологическая особенность, которой нет, пожалуй, больше ни в одном другом разряде фигурного катания.

Сорвал хоть один обязательный элемент — и долой сразу целый балл. Иногда, правда, судьи бывают снисходительны, иногда находят смягчающие обстоятельства, но надо же еще подобрать таких мягкосердечных судей!

Ощущение непоправимости единственной ошибки в обязательной программе всегда «висит» над фигуриста-парниками.

Поверьте, это не слишком приятное чувство. На артистичности и эмоциональности здесь не выедешь.

Синхронность. Точность. Быстрота. Замкнутость пространства. Попробуй в таких условиях показать свой стиль. Докажи, что он существует!

Докажи, не дрогнув при этом. Ибо срыв — это тоже стиль. Срыв — это тоже характер. И от самих спортсменов зависит, какой у них стиль и какой характер.

Нам приходилось встречаться с разными характерами. Больше всего мы не любим хвастунов. Они хорохорятся перед стартом, стараются пыль пустить в глаза судьям и специалистам, регулярно приходящим на рекогносцировку. Бывает даже, что первая психологическая атака заканчивается успешно и ее механизм срабатывает.

Но вот приходит решающий час. Ледяное поле ждет. Тысячи глаз смотрят на спортсмена. Тишина, которая вот-вот уступит место атакующему звуку... Выручить может только характер. И если есть в нем трещинка — быть беде. Сегодня пронесет — придет беда завтра. Или послезавтра. Но обязательно придет.

Для людей с трещинкой обязательная программа тяжелое испытание. Результат, кстати, может сказаться и не сразу. Результат может проявиться на следующий день, когда развернется главный бой и окажется, что на первый шаг было затрачено так много энергии, что ее не осталось для продолжения боя.

Мы видели таких спортсменов, мы были свидетелями их быстрых триумфов и не менее быстрых падений. Вот почему сотни раз перекладываем мы кирпичики нашей обязательной программы и не доверяем людям, которые делают вид, что не заметили, как один из этих кирпичиков выпал. Выпал у них на глазах.

Мы расхваливаем обязательную программу парного катания и делаем это совершенно искренне, поскольку по своему характеру она импонировала и импонирует нам. Но это не значит, что не видны в ней и недостатки. Не слишком еще заметные. Не слишком пока важные. Но, думается, пройдет время, и о них обязательно заговорят.

Прежде всего хочется, чтобы наша обязательная композиция получила возможность стать еще более зрелищ-

ной. Надо где-то слегка раздвинуть сегодняшние рамки и дать выход фантазии спортсменов. За счет чего это можно сделать? Давайте подумаем и не будем принимать скоропалительных решений. Ведь и сегодняшняя программа достаточно гибка. Но мы не можем жить только сегодняшним днем, если любим и уважаем наше фигурное катание!

Нам кажется, в частности, что для большей зрелищности надо гораздо энергичнее и смелее вводить новые элементы, которые рождаются в процессе роста современного фигурного катания. Пока что мы варимся в одном и том же соку, в котором по ходу дела лишь меняются некоторые компоненты. В сезоне 1967 года в обязательную программу был введен наш элемент, который так и называется — «спираль Протопоповых» — внутренний «тодес». Конечно, нам это было приятно. Но разве остальные спортсмены не создают новинок? Разве эти новинки не могут быть освоены всеми сильнейшими мастерами? Разве от этого не станет обязательная программа более интересной?

Обязательная программа, если подытожить сказанное, на наш взгляд, должна отражать ход развития парного катания. Тогда она сыграет еще более значительную роль, став зеркалом наиболее характерных процессов, происходящих в нем.

Глава, посвященная вопросу чрезвычайно деликатному, но имеющему огромное значение для роста мастерства фигуристов

Бывали в нашей жизни дни не особенно тревожные и не особенно радостные. И тем не менее запомнившиеся надолго...

Мы приехали на соревнования. Это были не крупные соревнования, но, равно как и для нас, так и для многих других наших фигуристов, очень важные: нам впервые предстояло обнародовать новые программы — обязательную и произвольную, и все нуждались в объективной оценке. Нужны были не дифирамбы, нужна была дружеская критика, и мы настраивались на нее. Мы всегда прислушиваемся к замечаниям. Даже если они сделаны дилетантами в фигурном катании, но людьми эмоциональными, впечатлительными, умеющими чувствовать и сопереживать.

И вот мы на льду, первый показ обязательной программы. Шесть элементов! Шесть элементов!..

Мы не называем их потому, что тогда специалисты смогли бы точно определить, о каких соревнованиях идет речь, и наши упреки, имеющие совсем не частный характер, были бы поняты неверно. (Напомним, что Международная федерация ежегодно определяет, какие шесть элементов должны включаться в обязательные программы на состязаниях текущего сезона, и, таким образом, каждый сезон как бы имеет для спортивных пар свой опознавательный знак.)

Мы начинаем спокойно, сосредоточенно, как будто катаем программу уже не первый раз.

Мы уже научились регулировать свое состояние и настраивать себя только на лед, коньки, элементы, музыку, не давая вмешиваться посторонним раздражителям.

И все-таки мы чувствуем какие-то шероховатости: вот тут немного неудобно заходить на поддержку, здесь взвизгнули коньки, сдерживая ход.

А перед прыжком мы почувствовали полный разлад. Какая-то невидимая стена на мгновение разделила нас... Уже прыгнув, в воздухе, мы увидели наконец друг друга, но было поздно: один из нас шел боком вниз. Падение.

Досадно!

Сорван прыжок. Давным-давно отточенный настолько, что на тренировке мы могли его выполнить с закрытыми глазами и не потерять при этом ни на йоту равновесия и слитности. Как ни успокаивай себя, как ни держи в руках, а все-таки соревнования — даже самые обычные, даже самые рядовые — есть соревнования.

И все же падение нас не слишком огорчает, только настораживает. Тем более что программа гут же заканчивается. И если бы не прыжок, мы могли бы остаться собой довольны во всем, что касается сугубо технической стороны. Во всяком случае, наши ощущения свидетельствуют об этом.

Ну ладно, посмотрим, что скажут судьи. Кружимся в углу катка, переводим дыхание, немножко ворчим. Но только немножко, поскольку все ясно и так — элемент в обязательной программе сорван, значит, оценки должны быть невысокими. И хотя нас это не слишком волнует, хотя мы прекрасно понимаем, что сейчас не оценки самое главное, рассматриваем их внимательно.

Ого, не так уж плохо, как могло бы быть. Есть одна низкая — ее мы воспринимаем на слух, по голосу диктора. Верно поставили, отмечаем мы про себя. Строго, но верно. На первенствах мира и Европы больше не поставят при подобном срыве. Но там мы такого «удовольствия» никому не доставим..

И вот в этот момент нам кажется, что мы ослепли и оглохли.

Туман перед глазами. Туман обиды. Один из арбитров поднимает над головой оценку — 6,0 балла.

Может, это ошибка? Может, он хотел поставить на балл меньше? Может, на него затмение нашло, или он отвернулся, или зевнул в тот момент, когда мы сорвали прыжок? Может...

Нет, все остается на месте.

6,0. Наивысшая оценка. И мы слышим, как в зале кто-то начинает посвистывать. Да нам и самим хочется свистеть — оглушительно, по-мальчишески, никого не стесняясь.

Обида! И не сорванный прыжок тому причиной. И уже не думаем мы о качестве композиции. Так огорчила нас эта унижительная подачка.

Мы боремся за победу. Никакие подачки нам не нужны. Нам нужна честная, объективная оценка наших сил, нашего сегодняшнего мастерства, чтобы мы могли еще более укрепиться к тому часу, когда нам предстоит вступить в трудный беспощадный поединок. А тут — подачка. И весь ужас заключается в том, что все понимают это. И всем, наверное, очень это неприятно. И все думают: вот как гипнотизирует авторитет чемпионов, как их убажывают!

После выступления мы подходим к этому судье и говорим:

— Ну что же это происходит? Как вы могли так поступить? Зачем же вы так нехорошо с нами обошлись?

Он смотрит на нас недоумевающими глазами и не знает, что сказать. А потом мы слышим, как он говорит своим коллегам:

— Они еще недовольны. Я же хотел как лучше. Они ведь наше зная. В особенности для заграницы. Там ведь их оценки все судьи изучают. Увидели бы они в газетах, что Белоусова и Протопопов не сделали элемент

и получили низкую оценку, и стали бы к ним приди-
раться...

Может, так он говорил, а может быть, и иначе, бог
уж с ним, с этим судьей. И не стали бы писать об этом,
если бы подобное произвольное завышение и занижение
оценок судьями было единичным фактом. Мы рассказа-
ли о себе для того, чтобы показать, как унижительно для
спортсменов такое положение.

Мы могли ответить на эту подачку только одним.
Когда кончились соревнования и опустел зал, мы снова
вышли на лед. На внеочередную тренировку. Мы не чув-
ствовали усталости. Мы могли снять обиду только ра-
ботой, новой тренировкой, новыми прыжками, восстано-
вленным чувством взаимосвязанности. Мы редко теряем
это чувство, а если и случается такое, то стараемся не-
медленно его возвратить.

Всю жизнь нам было трудно. Но мы никогда не иска-
ли другого пути. Этот другой — нам отвратителен, ибо
может привести только к поражению, к потере веры в
себя. Искусственное облегчение пути порождает свои
трудности, преодолеть которые выше человеческих воз-
можностей. Ибо эти возможности от упования на добро-
го дядюшку зарастут еще и ленивым жирком.

Как-то мы были свидетелями упорнейшей борьбы
между двумя, пожалуй, почти равными по силам пара-
ми. Они уже не первый раз вели между собой спор, и
успех приходил к ним поочередно. Чаши весов колеба-
лись от случая к случаю. И вот — новый поединок.

Надо сказать еще, что фигуристы были очень моло-
ды. И хотя способность к углубленному самоанализу у
них, как правило, в это время еще невелика, но крупин-
ка за крупинкой откладываются в душе опыт, новое зна-
ние, новое понимание и новое ощущение тех или иных
движений, музыкальных фраз.

При выполнении произвольной программы — кульми-
нация.

Одна пара проходит через все испытание не дрогнув.

У другой на финише — срыв. Падение, стершее все впечатление от программы.

И вот показаны оценки. Мы видим, что они у обеих пар примерно одинаковы, хотя при равной трудности композиций этого просто быть не может.

Мы не верим своим глазам (к сожалению, уже в который раз!), просто не понимаем, почему оглашены такие оценки.

Проходит совсем немного времени. И — новый турнир. И снова в числе других спортсменов мы видим юные лица конкурентов.

Уже ради любопытства следим мы за их борьбой «местного значения». И видим повторение того, что уже произошло на предыдущих состязаниях. Снова борьба, снова падение второй пары. И снова оценки за произвольную программу примерно равны...

Вот ведь как выходит иной раз.

И невольно тут подумашь, мягко выражаясь, о не слишком глубоком знании дела теми, кому вручены эти самые таблички с цифрами от 0 до 6. И о том, что портят они молодых, подающих надежды фигуристов, и лишают точных ориентиров опытных спортсменов, и не позволяют руководителям фигурного катания, всего спортивного движения получить ясное представление о том, что происходит в нашем виде спорта.

Для одной из двух пар, о которых мы рассказываем, думается, либеральное отношение судейских бригад окончится плачевно. Их спортивный характер не может не деформироваться, а ошибки, на которые не обращают внимания, не могут не усугубляться. Что же касается второй пары, то тут многое зависит и от них самих, и от тренера — внимательного и чуткого, которому по силам испытание на прочность.

Но разве нельзя всего этого избежать? Разве нельзя у себя дома навести порядок в судейском хозяйстве?

И снова одна история, имеющая непосредственное отношение к поднятой проблеме.

Произошла она в 1965 году на московском чемпионате Европы. Француз Аллэн Кальма и австриец Эммерих Данцер в равной мере претендовали на победу в чемпионате. До самого последнего мгновения нельзя было предсказать исход борьбы: оба фигуриста выглядели свежо, сражались азартно.

Кальма был воплощением французского темперамента. С необыкновенной легкостью преодолевал он ледяные просторы катка, расставляя в своей «рукописи» множество «восклицательных знаков». Были и срывы, неудачные прыжки, но они с лихвой перекрывались теми сложнейшими элементами, которые были показаны с блеском.

Данцер тоже вел борьбу достойно. У него была интересная музыкальная программа, сложнейшие прыжки и стремительные вращения. Он был еще немного академичен, суховат, но, если учесть сравнительно небольшой опыт выступлений на большой арене, это ему можно было простить.

Словом, трудно было отдать преимущество одному из них.

Но — любопытная штука — если оценки у восьми судей были почти равны, то у одного они резко отличались. Судья, высоко вознеся Данцера, чрезмерно опустил вниз Кальма. Настолько чрезмерно, что его оценка подверглась немедленному осуждению и порицанию, и не только на страницах французской прессы. В дни после чемпионата в газете «Чехословенский спорт» появилась корреспонденция, принадлежащая перу чехословацкого журналиста Ярослава Бржезины, который был специальным корреспондентом на чемпионате. Вот о чем шла речь...

«Состоялось заседание чехословацкой Центральной секции фигурного катания. Она обсудила результаты вы-

ступления нашей команды на чемпионате Европы в Москве. Одновременно секция проанализировала работу наших судей на чемпионате Европы. Речь шла, в частности, о соревнованиях мужчин и о судействе Хелены Дудовой, которая, как мы уже писали раньше, неправильно выставила оценки. Секция запретила Дудовой в течение двух лет судить международные соревнования (выделено нами. — Л. Б. и О. П.).

К этому необходимо небольшое добавление. Хелена Дудова всегда принадлежала к самым справедливым и объективным арбитрам. Так оценивали ее все зарубежные специалисты вплоть до того злополучного вечера. Ошибка, которую допустила Дудова в оценках выступлений Кальма и Данцера... не была результатом злого умысла в отношении французского фигуриста.

Я разговаривал с Дудовой в тот день непосредственно после окончания произвольной программы мужчин. Она была, кажется, несчастнее, чем сам Кальма, и не могла объяснить, как все это произошло...»

Что-то ни разу не читали и не слышали мы о специальных заседаниях Всесоюзной коллегии судей или президиума Федерации фигурного катания СССР, посвященных разбору судейских промахов! А ведь их много, и нет покоя тренерам и спортсменам, отдающим свой труд на рассмотрение и оценку людям, подчас не готовым к этому...

А последним штрихом в этой главе будет одна небольшая сценка, которую нам как-то удалось случайно увидеть в раздевалке во время соревнований.

Фигурист, только что откатавший программу, прямо со льда пришел сюда. Он крепился, пока шел. Девять судей дважды показали ему свою оценку — за технику и артистичность, — и он следил за ними, почти не поворачивая головы.

Зал начал свистеть. Топать ногами. Залу не понравились оценки. Фигуристу они не понравились тоже:

спортсмены, в общем-то, знают, когда они прокатили программу хорошо, а когда не очень. Сегодня все получилось. И настроение было. И прыжки оказались удачными. Ан нет...

Мы тоже переживали такие минуты. И тоже, как и он, про себя, говорили: «Ну что же это с судьями? Куда они спрятали свои глаза? Разве они не увидели наших новинок? Разве они не поняли нашей программы?».

Фигурист пошел прямо в раздевалку. По пути кто-то ему сказал, что не надо обращать на все это особого внимания, с судей что возьмешь. А кто-то улыбнулся, и в улыбке этой было: ну, вот тебе и справедливость, бейся, бейся и дальше, — может, лоб расшибешь. Сколько лиц попадалось на его пути, столько и разных чувств было на них написано.

Тренер тоже пошел в раздевалку. Он был чутким человеком и понимал, какая мука сейчас на сердце у его ученика.

В комнате, уставленной скамейками и ящиками для одежды, он слышал звуки рыданий.

— Ну что ты, что ты. Плакать не надо. Ты ведь уже не маленький...

— Раньше я как раз и не плакал...

— Вот и сейчас не надо... Ты же весельчак. И катаешься здорово. Сегодня был лучше всех. Можешь мне поверить, я тебе ведь не вру никогда...

— Я вам верю. Но почему же они были так несправедливы?

Тренер ничего не мог сказать ему в тот вечер.

И мы бы не могли ничего сказать, хотя и сами не раз бывали в таком же положении.

Мы только надеемся, что характер у парня окажется не ломким. И он научится бороться. Не против кого-то, а за себя, за свое мастерство, за свое понимание фигурного катания.

В течение длительного времени мы, признаться от-

кровенно, думали, что фигурное катание является плохим исключением среди тех видов спорта, которые связаны с субъективным судейством. Нельзя ведь себе представить, чтобы в гимнастике при падении спортсменки с бревна (будь то Лариса Латынина или Наталья Кучинская) какой-нибудь судья отважился поставить ей наивысший балл — 10. Конечно, нельзя полностью сравнивать гимнастику и фигурное катание, но в данном случае параллель уместна. И вот после Олимпиады в Мехико читаем мы статью в «Советском спорте», написанную абсолютным чемпионом мира и дважды чемпионом Олимпиады по гимнастике Михаилом Ворониным. И оказывается, то, что волнует нас в организации судейства, заботит и гимнастов, а может быть, и представителей многих других видов спорта, только разговор об этом еще не выплыл на поверхность. Вот что пишет Михаил Воронин: «Некоторые обстоятельства повлияли на наше настроение, внесли разлад в команду.

Одно из них (и немаловажное) — неправильное, на мой взгляд, судейство первенства страны в этом году. Тем, кто претендовал на место в олимпийской команде, судьи намеренно завышали оценки, дабы, как считали в федерации, высокими баллами подчеркнуть силу наших гимнастов. Но этот психологический ход далеко не нов. Еще перед Токийской олимпиадой он был использован на чемпионате СССР. Но «хитроумный» замысел себя не оправдал. Его уже не раз использовали и японские гимнасты. Неужели кое-кто и сейчас рассчитывает ошеломить зарубежных специалистов каскадом высоких оценок? Как мы убедились на Олимпиаде, никто сейчас на это не клюет. А вот нам такое судейство нанесло существенный вред, особенно молодым гимнастам, которые впервые должны были выступать на крупнейших соревнованиях. Ребята растерялись — на какой же результат надо рассчитывать? Как распределять свои силы? Чемпионы страны в отдельных видах многоборья, получая

высокие, почти предельные оценки, в Мехико не попали даже в финал на своих коронных снарядах, а кто и попал, то конкуренции зарубежным гимнастам почти не составил. Ориентир своих сил и возможностей был утерян нами из-за неправильного судейства именно в год Олимпиады. Получилось, что звание чемпиона страны по международному курсу обесценилось».

Видите, какое совпадение! И, повторяем, не случайное. Анализировать причины, расследовать, как судейские бригады доходят до жизни такой, мы не станем. Мы, действующие спортсмены, просто информируем читателя о своих впечатлениях, связанных с судейством соревнований главным образом внутри страны, поскольку для нашей спортивной общественности эта область абсолютно доступная для прямого вмешательства.

Нам остается добавить, что подобное положение содалось еще и потому, что на судейство смотрят как на дело легкое, не требующее особой подготовки.

Между прочим, на соревнованиях за границей на все разминки и тренировки спортсменов приходят все судейские коллегии в полном составе. Арбитры смотрят спортсменов на тренировках, уже здесь они начинают сравнивать, оценивать, прикидывать. Они не видели постоянных участников чемпионатов год — что же там у них новенького появилось? Потом присматриваются к тем, кого видят впервые, кто в командах идет за лидерами, ибо это тоже показатель общей подготовленности спортсменов тех или иных стран.

Накануне соревнований уже идет как бы специальный судейский семинар и спортсмены стараются выкладывать товар лицом.

Но что-то не припомнится, чтобы наши судьи на наших соревнованиях, где они не связаны условностями, вот так, запросто, пришли на тренировки тех, чье мастерство им надо судить!

Не припомним мы и случая, когда бы арбитры, их ру-

ководители пришли посоветоваться со спортсменами по поводу характера выполнения тех или иных элементов: ведь ведущие фигуристы уже привыкли к международным требованиям.

Не можем припомнить...

Да мало ли чего мы не можем припомнить, когда речь идет о специальном обучении судей, если о таком обучении и речь-то никогда не заходила. Просто садятся в лучшем случае ведущие в прошлом спортсмены (а чаще и никому не известные люди) в судейские кресла и...

Но фигурное катание быстро идет вперед. То, что было хорошо вчера, уже не совсем годится сегодня. И старые критерии отмирают. Вернее, должны отмереть, но пока, к сожалению, они живут...

**Глава, в которой мы расскажем
о сезоне переломном, трудном для нас
по многим причинам**

Такие сезоны бывают, очевидно, в жизни у многих спортсменов. Во всяком случае, наш опыт позволяет утверждать это с полной уверенностью. И дело здесь часто даже не в самих спортсменах: они в принципе остаются такими же сильными, хорошо подготовленными, как и раньше. Но вдруг, как будто ни с того ни с сего, вокруг спортсмена, вчера еще казавшегося всем недостижимым образцом, начинает бушевать пламя страстей. И разговоры, слушки всякие ползут: и возраст уже у чемпиона не тот, и пора дать дорогу молодым талантам, и вообще слишком долго находится он на вершине славы и успел порядком надоесть.

Нам, может быть, больше, чем кому-нибудь другому, приходилось выслушивать — прямо или полуправами — такие мнения о самих себе. Помнится, как в Горьком, где в январе 1966 года проходили соревнования сильнейших фигуристов страны, на которых определялся состав советской сборной для поездки на чемпионат Европы в Братиславу и чемпионат мира в Давос (Швейцария), подошел к нам после выступления один из старейших деятелей фигурного катания. Подошел и, сокрушенно вздыхая, сказал:

— Пора, пора давать дорогу молодым. Не тот уже возраст, силенок и нервишек не хватает. Пора...

Это было сказано, конечно, не просто так, случайно, и не для того, чтобы дать нам в трудную минуту честный, искренний, дружеский совет. Мы бы его поняли,

если бы катались неуверенно, слабо. В том-то и дело, что выступили мы в Горьком хорошо, показали свой новый «тодес», получивший затем название «спираль Протопоповых», создали новую программу. И вдруг...

И вдруг на Всесоюзном тренерском совете начинаются разговоры о том, что Белоусова и Протопопов катаются «на двух ногах», что «они не создали своего стиля, а есть у них лишь свой почерк», что «требуется «смена караула», если советское фигурное катание хочет удержать прочные позиции на международной арене», и т. д. и т. п.

Словом, малозакаленным спортсменам было бы от чего растеряться. Но мы знали, что все решается на ледяном поле, и продолжали день за днем шлифовать свои программы, хотя нам было тяжело слышать от своих же коллег обидные, несправедливые слова, слова, в какой-то степени даже непонятные, не поддающиеся разумному для постороннего объяснению.

После соревнований в Горьком стало известно, что в Братиславу поедут три советские пары: кроме нас — Т. Жук и А. Горелик, Т. Тарасова и Г. Проскурин. При таком составе можно было рассчитывать на то, что весь пьедестал почета станет советским, и, как показал дальнейший ход событий, такие расчеты имели под собой реальную почву...

Братислава была увлечена чемпионатом Европы.

Отличный ледовый стадион был готов к приему сильнейших фигуристов континента.

Мы приехали на первую тренировку поздно вечером, когда в Москве была уже полночь, и были приятно поражены, увидев на катке множество людей: они специально ожидали прибытия советских пар. Среди зрителей были и наши ближайшие конкуренты — фигуристы из ГДР, ФРГ, тренеры и судьи. И, несмотря на усталость, связанную с переездом, мы не пропустили первую тренировку, которая вызвала и аплодисменты, и некоторые

дополнительный ажиотаж, связанный с предвкушением особой остроты предстоящей борьбы.

Любопытно было познакомиться в эти дни с интервью одного из руководителей ИСУ Жака Фавара:

«Я почувствовал с особой силой, что наш спорт перестал быть камерным, замкнутым. В эти дни мне показалось, что фигурное катание по своей популярности может соперничать со знаменитым русским балетом...

Благодаря усилиям Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова элементы балета все чаще вплетаются в программы многих фигуристов, особенно в парном катании. Это привело к тому, что арбитры теперь предъявляют особую требовательность к музыкальности исполнения. Музыка перестала быть фоном. Она становится компонентом мастерства.

...Думаю, что фигурному катанию штампы не угрожают. И более того — здесь как раз наибольший простор для творчества. Кстати, во многих видах спорта сейчас проявляется весьма характерная тенденция: мы видим развитие разносторонних качеств многоборца у лучших спортсменов.

Среди фигуристов ныне уровень техники не может служить единственным решающим фактором. Сегодня на льду надо быть немножко импровизатором, артистом...»

До Олимпиады в Инсбруке интервью такого рода вряд ли могло появиться. Новый подход к искусству фигурного катания, за который мы боролись так долго, естественно, не мог не импонировать нам. Именно в новом подходе к нашему виду спорта содержалась возможность для нового качественного скачка к неизвестной еще технике фигурного катания, к совершенно новым композиционным решениям.

Братиславский чемпионат, если внимательно проанализировать его результаты, позволил сделать еще один шаг к новым горизонтам.

В первый день чемпионата никаких особых сюрпризов не было. Правда, одна из западногерманских пар — Соня Пфердсдорф — Гюнтер Матцдорф — прекратила, по существу, борьбу за призовое место после падения во время исполнения «тодеса».

Три советские пары выступили хорошо. Мы и Жук — Горелик занимали первое и второе места, а Тарасова — Проскурин — пятое. Плотность оценок была чрезвычайной, это оставляло всем ведущим парам надежду на успех.

Кроме третьей нашей пары на «бронзу» претендовали М. Глоксхубер — В. Данне из ФРГ и И. Мюллер — Г. Дальмер из ГДР.

Первыми из сильнейших с произвольной программой выступили Т. Жук и А. Горелик. Мы не видели, как они выступали. Мы пришли на каток как раз тогда, когда они закончили и судьи показывали им оценки. Наши соотечественники и наши главные соперники выступили удачно. Уровень оценок у них оказался высоким: 5,7—5,8 балла. Это была очень серьезная заявка на медали. Но на какие?

Олег:

— Станислав Алексеевич Жук, тренер этой пары и руководитель нашей команды на чемпионате, вбежал в раздевалку и сказал Александру Горелику:

— Поздравляю! Золотые медали вам обеспечены!

Я даже не думал в те минуты, бестактность это по отношению ко мне или нечто другое.

Я шнуровал ботинки и думал только о нашей программе. И еще чуть-чуть самым краешком задевала меня мысль о том, как плохо знают нас. Ведь за эти годы можно было бы догадаться, что трудности нас только закаляют.

Борьба — наша стихия.

Без борьбы скучно. Нет особого психологического стимула.

И когда мы вышли на лед, не было места колебаниям, сомнениям. Как всегда, были только мы, лед, музыка.

Все элементы программы были выполнены чисто. В таких случаях удачу воспринимаешь всем телом. И не нужно тебе дополнительных оценщиков: сам знаешь, как прокатался!

Двое судей поставили нам наивысший балл: 6,0. Да и у остальных оценки были высокими.

Мы уезжали со льда, зная уже, что стали чемпионами.

Ну, а кому же досталась «бронза»?

На финише чуть впереди была западногерманская пара, а на четвертом месте — Тарасова и Проскурин. Кстати сказать, разница между программами, составляемыми советскими фигуристами и зарубежными, была уже совершенно очевидной.

Вот что сказали по этому поводу экс-чемпионы Европы, замечательные чехословацкие фигуристы Вера Суханкова и Зденек Долежал:

— Западногерманские фигуристы показали фрагменты, какие-то кусочки, более или менее удачные, а вот единого целого у них не вышло. И другие немецкие пары (речь идет о парах из ФРГ) также нарушали правила, включая в комбинации трюковые номера...

И в то же время специалисты высоко оценивали композиционное мастерство советских пар, которое подчеркивалось и техническим совершенством. Приятно, что это относилось уже не только к лидерам, но и к молодым спортсменам. Значит, наши усилия в течение многих лет все-таки были не напрасными!

Из Братиславы мы сразу улетели в Швейцарию, на высокогорный курорт Давос. Прилетели сюда только две советские пары, Тарасова и Проскурин отправились в Италию на зимние студенческие игры — Универсиаду. Там они стали чемпионами, но травма партнерши не позволила затем этой паре присоединиться к нам. Так что в Давосе пришлось двум советским парам отстаивать

свои права в борьбе с сильнейшими мастерами мира.

К этому времени мы усовершенствовали свою произвольную программу. Она стала лучше, но мы испытывали чувство неудовлетворенности. Первая симфония Шостаковича и опера Пуччини «Мадам Баттерфляй» дали нам музыку сочную, временами трагическую. Но полностью осмыслить ее, интерпретировать для фигурного катания мы не смогли. Для широкой публики это было, вероятно, незаметно. Но мы ведь уже стремились к композициям, законченным во всем. Именно незаконченность мысли заставляла нас испытывать неудовлетворенность.

Наш дневник чрезвычайно подробно отражает каждый наш шаг в Давосе. Сейчас это для нас нечто вроде специального пособия по тому, как надо готовиться к выступлениям в высокогорных районах. Правда, уже и до этого у нас был некоторый опыт выступлений в горах — опыт Олимпиады в Скво-Вэлли и чемпионата мира в Колорадо-Спрингсе. Но этого оказалось мало. Колебания настроения, аппетита, самочувствия были в Давосе особенно резкими. Мы пробовали направить процесс по нужному нам руслу, отрегулировать его, подчинить, создать в себе ровное настроение, чтобы сохранить физические и эмоциональные силы для выступления. И когда уже казалось, что мы своего наконец-то добились, наступило нечто вроде повторной акклиматизации. И снова — головные боли, вялость, подташнивание, бессонница.

Вполне возможно, что справиться с горной болезнью нам было бы гораздо легче, если бы психологический климат вокруг нас был более мягким. Переломный год давал о себе знать на каждом шагу. Мало кому приятно стать предметом для беспрерывных обсуждений. Многочисленные взгляды зарубежных судей и тренеров были особенно ощутимыми для нас. Нет, это была не болезненная мнительность, поверьте нам. Окружавший нас

психологический пресс существовал реально, об этом свидетельствуют статьи из многих зарубежных газет, которые до сих пор хранятся у нас.

Ну, да бог с ним, с этим прессом. Все равно ведь ничего не вышло. Все равно мы не поддались ни на какие недостойные выпады и сохранили в себе гордость и достоинство, присущие советским спортсменам.

Нельзя сказать, что в Давосе собиралась импонирующая нам публика. Давос — высокогорный курорт. Курорт для состоятельных. И публика здесь соответствующая. Нам к такой, впрочем, не привыкать. Но в Давосе особенно было заметно, как зрители любят трюк, как им хочется побольше насмотреться элементов, связанных с острыми, хотя и грубыми ощущениями.

По жеребьевке мы вышли на старт шестыми. Т. Жук и А. Горелик получили стартовый номер 14. Это давало нашим соперникам некоторое преимущество, но мы ведь всегда считали, в особенности с тех пор, как стали чемпионами, преимущество такого рода сугубо иллюзорным, в лучшем случае чисто психологическим.

Перед исполнением обязательной программы нам очень хотелось собраться, почувствовать свое тело, каждую его мышцу. Хотелось вернуть привычную легкость и непринужденность. Не получалось. И хотя внешне наше катание выглядело хорошо, все элементы были выполнены в рамках требований, мы сами, будучи критиками без всяких иллюзий, знали, что катаемся не так, как могли бы в другое время и в другой обстановке.

И вот наступил день произвольной программы. 17-й день нашего пребывания в Давосе.

День, так запомнившийся нам и определивший наш дальнейший путь на несколько лет.

Соревнования шли, как известно, на открытом катке.

Конечно, пейзаж был великолепный, красочный, сочный: горы поднимались ослепительными пиками, на их склонах приютились уютные виллы, голубое небо и яр-

кое солнце не уставали улыбаться нам. Словом, идиллия — и только.

Но нам было не до прелестей пейзажа. Мы и заметили их только через несколько часов после окончания соревнований.

Разминка перед стартом прошла почти нормально. Мы не увлекались проверкой своего состояния. Лишние тревоги нам были ни к чему.

Теперь нам оставалось только ждать своей очереди.

Томительное ожидание. Надо отвлекаться и поменьше прислушиваться к тому, что происходит на катке.

И мы думаем о Ленинграде, о нашем замечательном городе, о его чудесных людях, которые и здесь, в Швейцарии, не забывают нас, шлют телеграммы, желают успеха...

Остается приблизительно три минуты.

Маленькая разминка. Мышцы своевольничают. Но мы все-таки властвуем над ними.

Две минуты остается.

Мы смотрим друг на друга. Немой вопрос.

Людмила:

— Вместо того чтобы кивнуть привычно — все в порядке, Олег, сижу молча, не могу пошевелиться. Меня начинает тошнить. Я, кажется, совсем больна. И я еле слышно говорю Олегу, что мне очень худо...

Олег:

— Нет, это была не предстартовая лихорадка. Я это знал точно. Мы не боялись выступать. Нас не страшили соперники.

Сейчас я уверен, что сказалось в те минуты общее ослабление организма за время пребывания в Давосе, плохая для нас вода. Вот почему легкое отравление приобрело такую тяжелую форму.

Людмила была в полубессознательном состоянии. Лицо у нее совсем стянуло, глаза ввалились. Бедная ты моя женушка!..

И все-таки Людмила была тверда. Мы должны кататься, мы не можем не выступить. Прежде всего надо кататься для самих себя. Мы должны доказать, что не достигли еще потолка, что все эти разговоры о «смене караула» — разговоры пустые, что у нас не «песня умирающего лебедя», а лишь начало «спирали жизни».

Конечно, Людмила в эти секунды могла сказать, что она просто не в силах выйти на лед.

Более того, я сам предложил ей отказаться от выступления.

Но моя жена, моя замечательная, добрая, чудесная жена, мой самый близкий друг — здесь я просто не могу найти слов, чтобы передать, кем является для меня Людмила, — была непоколебима:

— Выступать! Только выступать!..

И мы вышли на лед.

Сделав первый шаг, сделали второй, за ним третий. Пока не замерли на финише.

Нас не интересовали аплодисменты. Повторяем: давосская публика — холеная, богатая — была для нас малоимпонирующей. Мы только смотрели друг на друга.

Нас шатало от усталости. Мы еще не были уверены, что выиграли соревнование. Но в одном мы не сомневались: мы победили. И не было в этом ничего от того, что иногда называют «себя преодолеть». Наоборот.

Где-то на второй минуте я очень волновался за Людмилу. Лицо у нее стало совсем белым. Я видел, что она катается бессознательно, автоматически. И я, как партнер, как муж, думал только об одном: поддержать Людмилу, не дать ей пошатнуться, не дать ей упасть.

Самое страшное для нас, конечно, было бы проиграть без боя. Мы не из тех, кто, испугавшись, оставляет поле сражения. И мы доказали это лишний раз.

Доказали всем.

И самим себе, конечно. Это не могло не прибавить нам уверенности в будущем.

Несомненно, что это выступление в Давосе еще более закалило наши характеры, позволило нам глубже заглянуть в самих себя и в наши чувства. Возможно, что именно в эти минуты начала зарождаться в нас вторая олимпийская программа, девизом которой будет: «От тьмы к свету, через борьбу — к победе!».

Вообще, на чемпионате мира в Давосе высокогорье — именно оно в первую очередь — сказалось на качестве выступлений многих спортсменов. Вот отличная пара из ГДР — Ирена Мюллер и Ганс Дальмер. Пара пластичная, мягкая, в какой-то мере даже лирическая. Оба фигуриста всесторонне подготовлены и могут вести борьбу на равных с другими претендентами на призовые места. Но нет... Несколько падений срывают все. Нервы подвели? Конечно. Но только ли нервы? И почему вдруг обычно хладнокровные спортсмены начинают так нервничать?..

Высокогорье — грозный невидимый противник, окружающий тебя со всех сторон. И никак не поймешь, откуда он вдруг на тебя нападет. Тут оборону надо занимать круговую, даже если не боишься такого противника, даже если ты достаточно хорошо вооружен для борьбы с ним.

Ошибок было много у всех спортсменов. Быстро потеряли надежду на призовую награду С. Пферсдорф и Г. Матцдорф, почти до самого конца продержались М. Глоксхубер и В. Данне, но и они не выдержали напряжения, допустив целый каскад ошибок.

Зато юные американцы Синтия и Рональд Кауфманн сумели довести свое дело до конца. Они показали хорошие поддержки и достаточно уверенные прыжки, оригинальный вариант «тодеса» с перехватом рук. Вполне возможно, что такой успех был следствием того, что Кауфманн готовились к чемпионату на одном из высокогорных катков США и успели привыкнуть к условиям высокогорья.

Кауфманн стали владельцами бронзовых медалей.

Но кому же достанутся золотые и серебряные?

Ответ на этот вопрос должны дать Татьяна Жук и Александр Горелик, чей стартовый номер позволил им выйти на лед под финиш состязаний.

Татьяна и Александр выступали хорошо. Они были в роли догоняющих, они шли ва-банк, они рвались к победе. И они были очень близки к ней, потому что баллы у них оказались высокими, в произвольном катании — выше, чем у нас. Но у пар — двоеборье. А поскольку обязательная программа принесла нам большое преимущество, пять арбитров все-таки дали победу нам, а четверо — Татьяне и Александру. В итоге сумма мест у нас оказалась 13, а у наших соперников 14. Нам достается «золото», им — «серебро».

Да, Татьяна Жук и Александр Горелик выступили в Давосе очень хорошо. Что же помешало нашим коллегам по сборной выйти вперед?

Может быть, лучше всего предложить ответить на этот вопрос одному из специалистов — экс-чемпионке страны Марине Гришиной:

«Нельзя не согласиться с дважды олимпийским чемпионом Диком Баттоном, что великий фигурист тот, кто вносит в спорт что-то свое, а не просто достигший его вершин. Это целиком относится к паре Белоусова — Протопопов. Каждое их движение строго контролируется, отточено до совершенства. Они создают новые движения, например «тодес» на внутреннем ребре конька. Все выполняется синхронно с музыкой. Татьяне Жук и Александру Горелику пока не удалось стать «великими фигуристами», они еще не выработали уникального стиля...»

Мы еще раз в этом же году встретились в поединке с Жук — Горелик. Было это на зимней Спартакиаде народов СССР в Киеве. И снова мы были первыми, они вторыми, а «бронза» досталась Тамаре Москвиной и Алексею

Мишину. Между прочим, соревнования здесь для пар проводились только по произвольной программе.

После этого пара Татьяна Жук и Александр Горелик надолго ушла из фигурного катания и вернулась в него лишь накануне Олимпиады в Гренобле. У них начался период травм. Какими бы случайными травмы ни казались на первый взгляд, опыт неопровержимо свидетельствует о том, что появление их, да еще несколько раз подряд, — явление закономерное. Значит, был допущен какой-то просчет в подготовке, значит, «материал» не выдерживает заданного «напряжения»...

Для нас это было уроком. И мы не стали форсировать свою подготовку к Олимпиаде. Мы твердо знали, что должны сохранить весь запас сил для будущих сражений с соперниками. Нам нужно было сохранить запас сил для новых поисков, для новых программ. Мы искали решения наиболее естественные, пригодные для нас. И в конце концов нашли их, хотя для этого и понадобился еще целый год.

**Глава, в которой мы рассказываем
о преодолении препятствий совершенно
неожиданных, требующих ясного мышления
и немедленной реакции**

Фиолетовые тучи мчались над Веной. Своими длинными влажными языками тучи вылизывали крыши домов.

Ветер гулял по улицам. Ветер, казавшийся фигуристам на открытом катке просто ураганным.

Иногда наступало кратковременное затишье, и все радовались ему. Но такие минуты были редкими. И участники чемпионата мира, проводившегося в Вене ранней весной 1967 года, временами просто ненавидели каток, на котором им приходилось и тренироваться, и бороться за свое место в мировой классификации.

В тот вечер, когда спортивные пары показывали обязательные программы, было сравнительно тихо. И соревнования сразу пошли в хорошем темпе.

У нас был последний стартовый номер, который всегда считается у фигуристов самым выгодным. Принято думать, что судьи обычно щедры на оценки тем, кто замыкает программу: устают ведь не только спортсмены, но и арбитры, и притупляется внимание, и взгляд становится менее пристальным. А может, все это и не так. И нет никаких выгод в последних стартовых номерах, просто сами спортсмены создали себе фетиш и теперь больше думают о нем, чем о качестве своей подготовки, и теряют уверенность, получив в свои руки один из первых номеров.

В Вене мы должны были показать свою обязательную программу последними. И это было, как оказалось

впоследствии, гораздо хуже, чем если бы мы вышли на лед первыми.

Когда состязания заканчивались, тучи опустились совсем низко. Они были подсвечены многоцветным сиянием венских улиц и от этого казались еще более зловещими. Мы поглядывали на небо и хотели только одного: чтобы тучи не торопились, чтобы подождали они еще с полчасика, пока мы не откатаем свое.

Но тучи не хотели ждать. Несколько шальных порывов ветра. И с тротуаров, с трибун маленькими смерчами поднялись газеты, окурки. Часть из них полетела на лед.

А потом тучи на бреющем полете стали поливать сильнейшими дождевыми очередями Вену, но нам казалось, что самый густой огонь они открыли по маленькому нашему катку и по его трибунам. Лед покрылся водой. На нас — сплошные оспинки от дождевых капель. И тут мы слышим наши фамилии: пора на лед.

Мы в голубых костюмах. Мы готовились к ясной, чудесной погоде. К светлым краскам. Но их нет. И не будет — сегодня по крайней мере.

Мы выезжаем в угол и пробуем: не поплывем ли сегодня по катку в полном смысле этого слова. Но нет — лед под водой кажется нам прочным и надежным. И это ощущение успокаивает нас.

Дождь продолжает усиливать свою атаку. А судьи что-то не торопятся.

Неожиданно диктор просит их повторить свои оценки. И судьи снова поднимаются и снова начинают рыться в своих папках.

«Еще три минуты ожидания, — думаем мы со злостью. — Еще три, а может, и все четыре минуты стоять под дождем. Что это они — с ума сошли, что ли? И что же нам делать?»

Голубые костюмы уже стали темно-синими. Вода струится по нашим лицам. Костюм промокает насквозь, и влага просачивается внутрь ботинок, холодит пальцы ног.

Трибуны — сплошные ряды зонтиков. Черных зонтиков. Скрывающих лица людей. Безликие трибуны — это тоже страшно. Почти так же страшно, как и пустые.

Олег:

— Такая тут меня злость взяла. И еще Людмилу мне стало ужасно жалко: я ведь человек, служивший на флоте, привык в свое время к трудностям, а вот она, бедняжка...

Подъехал я тут к ближайшему бортику, крикнул по-английски: «Одолжите, пожалуйста, зонтик!». Одна черная крышка поднялась, из-под нее появилось мужское лицо, рука протянула мне зонтик. И я вместе с ним возвратился к Людмиле...

Людмила:

— Вернулся Олег ко мне, раскинул защитный свод над нами, и совсем спокойно стало... А тут фоторепортеры и кинооператоры поняли, что перед ними — просто-таки уникальный кадр. Фигуристы, чемпионы — под дождем, под зонтиком. Спасения ищут. И появились из-под зонтов длиннофокусные объективы, камеры застрекотали. И нам совсем весело стало. И на трибунах тоже весело. Не замечаем мы дождя... На следующий день увидели свои фото в газетах. Смешные снимки, но видно, что и под дождем стоим мы ровненько, видно, что спортивная пара под зонтиком прячется, все линии — одна в одну...

Судьи заняли свои места. И прочь зонтик. Мы уносимся в маленькое плавание!

Буруны уходят из-под коньков. За нами остается пенный след. Катер на четырех подводных крыльях. И легко-легко уйти вверх, в пространство, сделать свои обороты и опуститься на лед. Хорошо, что есть земное притяжение. Хорошо, что его надо преодолевать. А самое лучшее, что есть земля, а на ней наш лед, и каждый раз они принимают нас как своих.

Не знаем, что делать перед «тодесом». Руки мокрые, ладони скользят. Как бы не распалась наша цепь при

вращении, когда так сильны центробежные силы, когда и при нормальном катании удержать партнершу так трудно!

Олег:

— Пока мы мчимся по горизонтали, далекой от судей, я незаметно засовываю руку под мышку Людмиле. Это единственное сухое место, где можно высушить пальцы и ладонь. Пусть только свою. Еще несколько секунд после этого я сжимаю пальцы в кулак. А затем мы начинаем «тодес»...

Людмила:

— Я словно прыгаю с метрового трамплина в воду. В какое-то мгновение, над самой поверхностью воды, как иногда бывает в кино, движение вниз остановлено, и я, запрокинув голову, ловя лицом капли дождя и чувствуя, как намокает моя прическа, вхожу в стремительную спираль...

Вместо аплодисментов — одобрительный гул: у зрителей руки заняты зонтиками.

На оценки мы можем не смотреть.

Скорее, скорее в сухое место, в теплую раздевалку, откуда только что происшедшие события покажутся не-реальными.

Конечно, мы были готовы к любым испытаниям. Конечно, эта общая подготовленность к борьбе сказала свое слово и в этот день...

В Вене мы не раз добрым словом вспоминали свое выступление на I зимней Спартакиаде народов СССР в Свердловске в 1962 году. Мы прилетели сюда прямо из Женевы, где завоевали первые свои серебряные медали первенства Европы.

Свердловск встречает нас хмуро.

В Свердловске — оттепель. Идет снег с дождиком и дождик со снегом. По ночам еще немного подмораживает. Но днем на ледяной площадке просто делать нечего: ноги вязнут. Коньки проваливаются до подметок.

Отличные работники в Свердловске — площадку они все-таки сумели сохранить. Но перед самым стартом снова дождь со снегом, ветер. Выходим на лед. У нас было ощущение, как у птицы, которой связали крылья и она не может взлететь. Только с этим можно сравнить потерю чувства скольжения. К тому же у Людмилы на финише выступления развязался шнурок на ботинке, и мы докатались буквально на трех ногах!

Тогда в Свердловске нам было очень трудно, но мы выдержали. И, возможно, воспоминание именно об этом эпизоде из нашей спортивной биографии затем помогло нам успешно выступить в Вене. Помогло, поддержало, не дало раскиснуть... Кто знает? Кто точно скажет, что из нашего опыта пригодится впоследствии, а что не пригодится?

И приходится быть накопителем. И приходится все записывать, приходить, учитывать.

И возвращаться к своим записям и воспоминаниям все чаще и чаще, по мере того как увеличиваются трудности. Для того чтобы туман, окутывающий место будущего сражения, не помешал нам произвести и точную рекогносцировку и боевые маневры.

Но неожиданности — всегда неожиданности. Они подстерегают всякий раз там, где их не ждешь. И надо принимать решение немедленно, мысль должна быть ясной, выход — только тот, который снова выведет на правильный путь.

Один маленький эпизод.

В Вестеросе, небольшом шведском городке, где проводилось первенство Европы 1968 года, выступать было не легко: на трибунах мало зрителей, а это значит, что нет тех невидимых токов, которые так поднимают настроение исполнителей.

А нам это настроение ох как было нужно. Тем более что тогда мы впервые вынесли на суд зарубежных зрителей и специалистов свою олимпийскую программу.

В середине композиции, там, где мы должны были выполнить «стрелку», музыка вдруг перескочила на 7—9 секунд вперед. И нам ничего не оставалось делать, как рвануться вдогонку за ней, не выполнив элемента, и перейти, вернее перескочить, к следующей части программы. Решение сделать этот никому не заметный скачок, чтобы влиться в поток своей мелодии и уже не уходить из него до самого конца, было принято нами со скоростью электронно-вычислительной машины.

После выступления перед нами извинялись. Нам объяснили, что произошло самое досадное недоразумение: радист встал, чтобы прибавить громкость звука, и нечаянно задел звуко снимающую головку полый пиджака. Но кому от этого бывает легче!

А вот на чемпионате страны, который состоялся незадолго до описанных нами событий, все получилось иначе. Молодые спортсмены стали жертвой аналогичного случая. Музыка прервалась и неожиданно вступила снова. Пока спортсмены пытались ее нагнать — срыв, падение. Прокатать программу еще раз руководители чемпионата не дали. Они даже не извинились за технические помехи, которые помешали спортсменам выступить.

И записываем мы в свои дневники не только свой опыт, но и чужой. И он тоже нам в свое время пригодится. Ведь «ружье обязательно должно выстрелить!».

Глава о двух журнальных статьях

Трудные это были годы между двумя Олимпиадами. Бесперывный творческий поиск, лавирование между Сциллой и Харибдой, между новыми, только зарождающимися законами ХУДОЖЕСТВЕННОГО в фигурном катании и старой, во многом догматической техникой этого вида спорта, техникой для техники. Конечно, мы понимали — пусть и не до конца, пусть больше за счет сугубо художественного чутья, что в новом фигурном катании требуется разумная пропорция спорта и искусства. Но если бы вы только знали, как трудно найти эту золотую середину, в особенности если идешь по новым, еще малоизвестным именно для спорта землям.

Вполне возможно, что без поддержки друзей и единомышленников мы где-то могли бы и свернуть в сторону. Могли бы разочароваться. Могли бы даже махнуть на все рукой и делать свои композиции — как все, только бы прокатать программу чисто. Но нет, это неправда. Мы бы все равно пошли своим путем, как бы это трудно и мучительно для нас ни было. Да только шаг наш был бы все-таки поуже и помедленней.

Но — и это для нас самое радостное — поддержка была. И мы ее черпали часто не у своих коллег, а у людей искусства. Даже в специальных творческих изданиях. В таких, скажем, как журналы «Театр» или «Советская музыка». Две публикации в этих изданиях особенно привлекли наше внимание. В них многие наши начинания впервые были сформулированы, облечены в строгую форму эстетических законоположений.

Поэтому мы и предлагаем тем читателям, которые не были знакомы с этими статьями ранее, прочитать их в несколько сокращенном виде сейчас.

«Фигурное катание за последние годы окончательно убедило нас в том, что спорт в своем поступательном развитии уже достиг границ искусства... Вполне закономерно, что именно наша, советская, спортивная школа внесла элементы эстетические в строгий режим фигуристов... Выясняется еще одна сходная черта профессий балетного актера и фигуриста. И у нас, и у них лишь талант, индивидуальность решает исход всех, даже самых добросовестных и неутомимых, трудов. Как ни старайся, как ни учи человека — без данных, без призвания, без своеобразия дарования даже при самых благородных намерениях ничего не получится. Но, напротив, стоит тщательной работе соединиться с подлинной одаренностью, как возникает значительное, качественно новое явление.

Такое явление — творчество Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова. Недаром они заставили говорить о себе весь мир, заинтересовали не только своих спортивных коллег и соперников, не только широкие зрительские массы, но и артистов классического балета. Их по всей справедливости следует назвать представителями мира большого искусства, подлинной музыкальной и танцевальной выразительности. Об этом говорят их многочисленные, сочиненные на классическую и современную музыку композиции. Их редкое даже в балете умение танцевать не под музыку, а танцевать музыку. Известно, что по спортивным правилам на соревнованиях по фигурному катанию судьи ставят каждой паре две оценки: одну — за техническое мастерство, другую — за артистичность. Иные фигуристы, вероятно, по виртуозности техники не уступят Белоусовой и Протопопову. Но тайна побед именно этой пары — в чарующем сочетании, в гармонической уравновешенности технических совершенств и эстетических качеств...

Что бы они ни танцевали — композиции на музыку Шуберта, Листа, Массне, Шостаковича, видно отличное знание законов дуэтного исполнения. С моей точки зрения, задача партнера — не только физически поддерживать балерину, но образно обогащать и продолжать ее линию, «аккомпанировать» своей партнерше, думая прежде всего о ней. Таким безупречным партнером является, на мой взгляд, Олег Протопопов...

Я не сомневаюсь, что деятели балетного театра с удовольствием помогут добрым профессиональным советом юному жанру, родившемуся из прекрасного союза Спорт и Танца».

Эта статья Владимира Преображенского была опубликована в июньском номере журнала «Советская музыка», а через полгода, в самый разгар создания предолимпийской, экспериментальной программы, в журнале «Театр» была напечатана статья В. Гаевского «Музыка на льду». Говорят, что со стороны всегда виднее, что создает человек искусства. В особенности, если за этим человеком наблюдает специалист не только грамотный, но и настроенный доброжелательно, специалист, желающий проанализировать не только то, что и так видно любому зрителю, но прежде всего исследующий процесс творчества, понимающий его истоки и пути его дальнейшего развития.

Обозреватель журнала «Театр» очень тонко и точно написал о том, что мы старались показать зрителям. Он понял нас, благодаря ему мы стали и сами лучше понимать себя.

Вот что писал В. Гаевский в декабре 1966 года:

«В фигурном катании Людмила Белоусова и Олег Протопопов заняли место особенное. У них есть опасные конкуренты, но нет подлинных соперников. Они создали свой стиль и довели его до совершенства. Суть этого стиля в музыкальности — в музыкальности более, чем в блеске.

Такого идеального слияния музыки и спорта фигурное катание не знало.

Может быть, его не знал спорт вообще.

Иначе сказать, Белоусова и Протопопов внесли в фигурное катание на коньках начала высокой художественности. Их выступления на самых ответственных соревнованиях — действительно балет на льду. Вероятно, поэтому искусство ленинградских фигуристов, вызывающее повсеместный восторг зрителей, не сразу получило признание у судей.

В данном случае не ошиблись зрители.

Вообще говоря, художественный элемент, эстетика хороши в спорте лишь тогда, когда утверждаются не за счет спортивного элемента, техники. Эстетика в спорте не имеет права быть антагонистом, а тем более заместителем техники... О Белоусовой и Протопопове мало сказать, что эстетика у них не теснит технику, — она ее требует. Парное катание Белоусовой и Протопопова спортивно, потому что художественно. Уберите из их программы балет, уберите пластику и позы классического танца — станет меньше спорта.

Но верно, что здесь особая эстетика и техника здесь тоже особая.

Ведущая тенденция современного фигурного катания — виртуозность, стремление к высшей и высшей сложности, к элементам «ультра-си». Этой тенденции Белоусова и Протопопов противостоят, но по-своему, достойно. Самому придирчивому критику упрекнуть их не в чем. Это виртуозы, не захотевшие быть только виртуозами. Демонстрируя с легкостью все наисложнейшие элементы, главных эффектов они достигают при исполнении элементов наипростейших.

В этом заключается их миссия: на современном, новейшем, технически изощренном уровне они вернулись к первоосновам фигурного катания вообще и парного катания в частности — к скольжению и к унисону. Сколь-

жение — душа фигурного катания, как унисон, согласие, единство ритма и ритма и рисунка — смысл фигурного катания. У Белоусовой и Протопопова скольжения и унисон доведены до идеальных кондиций. Согласованная плавность их движений поразительна. В наш синкопированный век подобное зрелище завораживает, интригует. Никаких рваных, судорожных ритмов, чистая кантилена, чистая, прозрачная лирика, музыка Чайковского и Масне — вот что имели смелость предложить фигуристы современному зрителю, и зрители восторженно приняли этот неожиданный-негаданный дар... Магия парного катания Белоусовой и Протопопова не в ритме, но в мелодии. Это особая мелодичность, мелодичность широкого дыхания, достижимая лишь на льду.

Но этот дуэт драматичен, поэтому он производит художественное впечатление. Он строится по законам фигурного катания, а также и по законам театра. За действующими в унисон идеальными спортивными партнерами мы видим двух несливающихся действующих лиц. Очень хрупкая, она воплощает начало музыки; сильный и широкоплечий, он воплощает начало спорта. На первый взгляд символика дуэта расшифровывается в этом условном плане; кажется, что тон задает он, а что она — пленница, послушная и безвольная в его сильных, не знающих жалости руках; впечатление таково, что в дуэте нет и тени равенства, что мужское и женское начала выражены в нем в своей традиционной и трафаретной, неснивелированной сущности; на стороне мужчины — сила, воля, активность, на стороне женщины — нежность и беззащитность, мужчина берет, женщина отдает, мужчина прокладывает путь, женщина следует за ним тенью. Да и как иначе понять кульминации номеров, когда распостертая Белоусова почти откидывается на спину, а Протопопов нависает над ней как коршун; когда он раскручивает над самой кромкой льда ее ничем не защищенное тело; когда она ускользает от него в медлительных арабесках и

возвращается в точный момент, словно покоряясь его магической воле. Но время идет, и мы замечаем ее выносливость, столь неожиданную для такой хрупкой фигуристки, ее неутомимость, нисколько не уступающую его неутомимости — неутомимости сильного, тренированного спортсмена. Выясняется, что это дуэт равных, потому что в обычных случаях партнерша слишком многим жертвует, чтобы сравняться с партнером, и прежде всего жертвует подлинной женственностью. Белоусова же остается собой, хрупкой, изящной, обманчиво слабой женщиной. Тем полнее ее победа. Ибо в конечном счете дуэтом руководит она, а не он — так обнаруживается внутренняя его логика. Сильные и властные, поддержки Протопопова бережны и вдохновенны, их чуткость почти беспредельна. В этой силе нет грубости, тем более в ней нет насилия; это сила, исподволь укрощенная. Танцевальный дуэт, исполняемый на льду Белоусовой и Протопоповым, — поэма о музыке, тянущейся к спорту и спорт одухотворяющей».

Мы приводим строки из этих статей сейчас только для того, чтобы подчеркнуть: рецензенты увидели в нашем катании новый стиль, но во многом они тогда идеализировали нас. И нам еще больше захотелось создать такую программу, которая воплотила бы в себе все черты современного фигурного катания и в какой-то мере — фигурного катания ближайшего будущего.

Ростки этой программы пробивались к свету постепенно. Мы разглядывали их. Укрепляли. Мы пропалывали наш участок и оставляли только по-настоящему жизнестойкие ростки. Нам не нужны были декоративные растения. Нива должна плодоносить!

Неясные контуры будущей олимпийской программы становились все отчетливее. Но мы откладывали работу. Мы готовились к предолимпийским сражениям: год 1967-й был для нас своеобразной стартовой площадкой к взлету в Гренобле. Промежуточная программа была не

слишком удачна, мы ее переделывали буквально на ходу. Нам просто не хотелось тратить на нее слишком много сил, мы копили их в себе и ждали, пока они естественно вспыхнут, подожженные новыми идеями.

А идеи эти уже выкристаллизовывались.

И нам требовалось только время, чтобы воплотить их в жизнь — осознанно, с тонким психологическим и тактическим расчетом.

То, что когда-то проделывалось интуитивно, импульсивно, теперь должно было принять характер чуть ли не научный.

Ни одного нерасчетливого шага!

Все «сценические решения» — плод глубоких раздумий — должны вобрать в себя наш спортивный и жизненный опыт.

**Глава, по существу, учебная, в которой
мы рассказываем о своей произвольной
программе для Олимпиады в Гренобле,
о принципах ее построения, о том,
что составляет ее суть**

Создание произвольной программы — чрезвычайно сложный процесс, который так же трудно объяснить, как и практически сделать на льду саму программу. Выбор элементов и комбинаций у нас происходит (если можно так сказать) при помощи шестого чувства. То же самое и с музыкой.

Почему мы выбираем Бетховена, Рахманинова, Листа или Чайковского? Почему именно их? Почему именно эти отрывки берем, а вот эти — отвергаем?

Может быть, потому, что мы ищем и находим в музыке то, что нам ближе всего, понятнее?

Но при этом отношение к ней у нас совсем не потребительское. Вначале мы никогда не думаем, что можно сделать под эту музыку, какие фигуры: где «трр» — там вращение, где «бум» — там прыжок. Нет, нас прежде всего интересует, что говорит музыка, о чем она поет.

Нам кажется, что выбор музыкальных произведений может в какой-то степени быть ключом к пониманию нашего спортивного мировоззрения, нашего вкуса и вообще наших взглядов на спорт, на фигурное катание, замечательно соседствующее с искусством. Движением мы стараемся открыть для других порой завуалированные, а нам уже понятные нюансы произведения. Естественно, что тем самым мы хотим сделать музыку как бы зримой. Конечно, в нашей интерпретации...

Наши программы мы готовим очень долго. Вернее, начинаем думать о них задолго до того, как приступаем к их постановке на льду. В первую очередь думаем о художественном содержании. И, конечно, о том, что мы хотели бы выразить в своей композиции (ведь каждая программа — законченное произведение-миниатюра в одном действии, но в нескольких музыкальных частях, логически соединенных между собой и представляющих — во всяком случае, мы всегда стремимся к этому — единое целое).

Когда мы находим нужный музыкальный материал, мы долго слушаем его дома и на льду, стараемся понять в нем все до мельчайших деталей и нюансов.

Тут очень важно, чтобы музыка увлекала нас и звучала в нас еще до того, как раздадутся эти звуки наяву. Звучала и днем и ночью. Пропитывала нас, становилась нашей, как будто это мы сами ее написали, отдав ей частицу самих себя. Словом, важно сродниться с музыкой.

Как ни странно, но очень часто мы начинаем делать программу с конца, а не с начала. И финал в зависимости от его характера как бы берется за основу, к которой постепенно пристраиваются и остальные части программы. Но бывают и исключения.

Главной темой наших выступлений является правда жизни — как мы ее видим и чувствуем — со всеми ее крутыми поворотами. И донести ее до миллионов людей — наша цель, которая и рождает нашу энергию.

Чисто механическая сторона программы не является для нас главной в нашем творчестве. Ее роль как бы вспомогательна. И если бы в фигурном катании существовала только эта часть, мы бы давно отказались от автоматизированного спорта, от бездумного, бездушного, бессмысленного выполнения зазубренных движений, жестов, улыбок.

Конечно, речь здесь у нас идет о высшем понимании

нашего вида спорта, спорта, близкого к искусству, когда сугубо механическое движение, осмысленное и свободное, переходит в качество высшего порядка. Когда спортсмен, не связанный условностями техники скольжения (она уже, эта техника, естественна и как бы незаметна), может стремиться выразить себя духовно.

Думается, что в таком понимании фигурного катания нет ничего противоречащего основам спорта. Потому что и сам спорт — это прославление гармонии, физической и духовной красоты человека и всяческое стремление к этим вершинам.

За время нашего катания, начиная с 1955 года, мы сделали много программ. И всегда самым трудным для нас было и остается выбор и компановка музыки. Ибо это — душа композиции.

За то время, которое мы провели в спорте, мы научились быть не только спортсменами, но в какой-то степени режиссерами и музыкантами, врачами и педагогами, радистами и киномеханиками, проявщиками киноплёнки и чистильщиками льда. Но главная из «попутных профессий» — профессия звукорежиссера, музыкального редактора!

При постановке программы мы никогда не берем за основу какие-нибудь «закорючки», как это делают многие наши коллеги, считая, что чем запутаннее и закрученнее движение, тем оно сложнее и лучше и что именно это и есть фигурное катание. Мы всегда шли и будем идти от смысла музыки, которая подсказывает нам общую картину действия, элементы, жесты и просто движения. Но существует и иное отношение. Многие тренеры и спортсмены, наоборот, сначала сочиняют механические сложности, видя в них главное, а потом к ним подгоняют музыку. Иногда эта подгонка производит некоторый зрелищный эффект, но, думается, что ненадолго. И чем дальше идет фигурное катание, тем меньше будет впечатление от такой программы.

Вообще, это, на наш взгляд, и есть тот порочный принцип, когда спортсменов с детства приучают кататься как угодно: около музыки, вокруг музыки, за музыкой, под музыку, но не в самой музыке. Разумеется, музыка сама не скажет вам, что необходимо сделать в том или ином месте: двойной «лутц» или поддержку, — никаких партитур для этого не написано. Следовательно, нужно иметь музыкальную интуицию, вкус, музыкальную культуру!

Но вернемся к конструированию наших программ. Анализируя результаты прошлых лет, мы видим, что наиболее высокие пики нашей спортивной формы, наиболее удачные постановки программы приходятся на Олимпийские игры 1964 и 1968 годов. Каждое из этих выступлений и подготовка к ним были поворотными пунктами в развитии наших взглядов на фигурное катание. Золотые же медали были лишь подтверждением правильности выбранного направления.

Если программа 1964 года была сделана совершенно интуитивно и никто, в общем-то, не мог гарантировать ее успех (все зависело от того, как она будет принята публикой и судьями, и мы шли на старт как на эшафот), то в 1968 году мы были вполне уверены, что наша программа хорошо будет принята зрителями. Мы даже не пошли в Гренобле на такую приманку для публики, как использование французской музыки, потому что были уверены, что произведения великих композиторов интернациональны, понятны всем! Главное, суметь раскрыть их глубинное содержание. И мы не ошиблись!

В этот счастливый гренобльский вечер французская публика своим восторженным приемом показала, что она действительно все поняла в нашей программе с первого и до последнего движения. Нам кажется, что мы сумели тогда слиться с музыкой. И что мы родили свою музыку — музыку движений, которая звучала в унисон с величайшими музыкальными мыслями Бетховена, Скрябина, Рахманинова!

Такое не часто удается. В Гренобле у нас была действительно полноценная творческая радость!

Хотим напомнить, что гренобльская программа была задумана нами в 1963 году, накануне Инсбрукской олимпиады. Мы даже катались под «Лунную сонату» в течение двух месяцев. Тогда нам так и не удалось найти правильной, нужной разработки для этого гениального произведения, и мы вынуждены были отказаться от него.

Но мысль о «Лунной» не оставляла нас четыре года. Мы перечитали о Бетховене почти все и вернулись к «Лунной» в 1967 году перед новой зимней Олимпиадой, почувствовав, что теперь уже можем «показать» эту музыку. Было найдено и нужное для нашей программы логическое продолжение — Пятая симфония Бетховена, звуки которой врываются в медленное течение «Лунной сонаты», но не диссонируют с ней, а дополняют общую картину; связующим звеном стал коротенький отрывок из «Поэмы экстаза» Скрябина.

И, наконец, финал — Третий концерт Рахманинова. В нем завершение темы: ликование всего живого на земле, радость самоутверждения...

Итак, создавая новую олимпийскую программу, мы, как всегда, шли от содержания музыки.

I часть. Начало композиции — звучит «Лунная». Раскрытие темы нам представлялось так: грезы любви, стремление любящих сердец друг к другу и разлука — трагедия любви.

Первые такты: партнерша отступает назад на зубчиках — партнер стремится погладить ее руку. Она ускользает от него. Но вот протягивает ему руки, и как будто на мгновение их тела сливаются, но тут же разъединяются...

Завязка завершается парной обводкой вперед-наружу. Вступает главная музыкальная тема. Скольжение вместе в низкой спирали назад, затем партнерша переходит в другую спираль, а он, стоя в низком арабеске, под-

держивает ее на одной руке. Кажется, что близок долгожданный поцелуй, но она вновь ускользает!

Буря страстей усиливается. В парном вращении лицом к лицу нам хотелось передать близость любящих сердец, динамику развития темы. Головокружительный круговорот! И тут неведомые силы разъединяют любящих, но они с мольбой протягивают навстречу друг другу руки, и какая-то невидимая нить вновь соединяет их.

Напряжение достигает апогея. Здесь наилучшим решением, как нам казалось, было — пронести женщину высоко на руках, как символ вечной любви («лутц» двойной на руках). Далее накал страстей ослабевает, и чувства постепенно переходят в более спокойное русло. Он кружится возле нее, а она стоит на зубчике конька (парный «шпитц-пируэт»). Но вот последний всплеск чувств, последний взлет партнерши (поддержка 1,5 оборота), и они расстаются навсегда.

II часть, Пятая симфония. Общеизвестно содержание Пятой симфонии: «От тьмы к свету, через борьбу к победе». Мы выделили и акцентировали в теме две части. Музыкальные пики мы подчеркиваем прыжками: двойной «ритбергер» и 1,5 «аксель», двойной «сальхов». После прыжков мы используем поддержки (2,5 п/м, шагающая, 2,5 через голову). Но эти элементы и их исполнение во второй части приобретают совсем иную окраску. Они выполняются резче и сильнее, в противоположность мягким и нежным поддержкам первой части, подчеркивается динамика темы борьбы, постепенное нарастание напряжения.

Нужно отметить, что бывали соревнования, когда нам не удавалось провести такую резкую грань между первой и второй частями, и тогда программа блекла. К счастью, на Олимпиаде нам это удалось.

Вторую часть мы закончили «спиралью смерти».

III часть. Возрождение.

Мы замираем в статической позе: партнерша — в

«ласточке», партнер — в положении «циркуля» на месте. После бурных минут II части сердце вырывается наружу, но робкие вздыхающие звуки скрипок заставляют затаить дыхание. Затем встреча и вновь разлука: используем нашу фигуру «магнитная стрелка».

Постепенно идет нарастание темпа, и вот будто раскручен огромный маховик.

Здесь было самое трудное место для исполнения: не успев отдышаться после предыдущих частей, нужно было бежать на космическую парную «ласточку», да так, чтобы она действительно показалась таковой. В Гренобле именно в этом месте программы, когда мы сумели преодолеть ледовое тяготение и Люда вылетела с круговой орбиты на прямую, на нас обрушился все заглушающий, даже музыку, шквал аплодисментов. Такого с нами не было никогда. Это уже была победа!

Хотелось сделать еще что-то невероятное. Руки партнера рванулись вслед за партнершей, как бы провожая ее в далекие миры (это по программе не было предусмотрено).

И вот уже в унисон нашим чувствам и исполнению звучит Третий концерт Рахманинова. В этот момент мы поняли, что такое радость творчества. Все остальное: поддержки, прыжок в «либелу», который весьма сложно сделать синхронно на пятой минуте программы, и комбинация шагов по прямой — пролетело для нас как в чудесном сне.

Выбор элементов для этой части велся очень скрупулезно. Легкостью исполнения нам хотелось подчеркнуть ту величайшую радость, которая заложена в финале концерта. Здесь все должно было литься свободно и раскованно.

Конечно, для безукоризненного исполнения программы необходима была ее техническая разработка.

Вопрос конструирования программы — сложный. Один из важнейших принципов, которым руководствуемся, —

не перенимать чужих конструкций программ, потому что каждый человек индивидуален: имеет свое расположение центра тяжести, свой вес, длину рук и ног, размер тела и особое прикрепление мышц, которое одному позволяет хорошо прыгать, а другому — хорошо вращаться.

Увидеть самые сильные качества спортсмена, пожалуй, и есть главное для выбора той единственной конструкции, которая может дать наивысший коэффициент полезного действия.

Мы нашли свои решения.

Мы рассказываем о них для того, чтобы поделиться опытом с другими фигуристами и помочь им вести свои поиски, даже если они идут не в нашем направлении.

Глава о том, как мы стали двукратными олимпийскими чемпионами

В течение последних десятилетий ни одному дуэту в фигурном катании не удавалось вторично завоевать звание чемпионов олимпиады.

Что было тому причиной? Трудно ответить на этот вопрос. Конечно, подавляющее большинство западных фигуристов спешат воспользоваться высоким званием, чтобы поскорее заключить выгодный контракт с профессиональными ледовыми ревю. Но однозначным ответом здесь, думается, не отделаешься. Существуют и другие причины. (Мы не сомневаемся в этом хотя бы потому, что и сами, завоевав звание мировых и олимпийских чемпионов, испытали все на себе.)

И первая из них — огромная психологическая нагрузка, которая давит на чемпиона. От него всегда ждут только максимального результата. Постепенно он и сам начинает работать только на высший результат и уже не позволяет себе расслабиться ни на миг. Даже во время отдыха ему мерещатся новые композиции, новые мелодии, новые элементы, которые надо осваивать и создавать. Беспрерывная работа ума истощает безмерно. И нет ничего удивительного в том, что часто между чемпионами и другими фигуристами или тренерами возникает даже некое отчуждение. Иногда заметное, а иногда и нет. Надо обладать огромной силой воли, чтобы избежать этого. Чтобы «не заработать» себе нечто вроде «мании преследования».

Пока ты в роли догоняющего, жить гораздо легче. Цель ясна и понятна. Конечно, надо очень тщательно

подбирать средства, с помощью которых ты можешь достичь этой цели. Конечно, надо очень много и упорно тренироваться — да это ведь само собой разумеется. Но как только ты стал чемпионом, взгляд твой на окружающий тебя спортивный мир меняется. Хочешь ты этого или не хочешь. Теперь ты наверху. Теперь все смотрят на тебя. И от одних только этих взглядов можно зашататься.

Как удержаться наверху?

Ведь и другие тренируются не меньше. И подняться наверх им хочется безмерно. Они сильны, умны и технику, и тактику освоили основательно. И твой стиль уже изучили.

Как удержаться наверху?

Мы с самого начала поняли, что если только так ставить вопрос — значит проиграть в самом скором времени.

Только удержаться — значит все время дрожать от страха, думать о своих преследователях больше, чем о своем мастерстве, значит законсервироваться и сохранять силы для одного-двух боев.

Не удержаться, сколько можно, наверху, а подняться еще выше! Вот какую задачу мы с самого начала, сразу же после победы в Инсбруке поставили перед собой. И мы даже представить не могли, какой тяжкий жребий вытянули, на какой аскетический образ жизни себя обрекли и сколько сил понадобится нам, чтобы, преодолев все препятствия, стать двукратными олимпийскими чемпионами.

Когда мы рассказываем о том, как выступали в Гренобле, мы думаем о всем пути познания спорта и искусства, думаем о том, что не было, пожалуй, ни одного дня, который бы мы растратили зря, не отдав хотя бы часть его достижению вначале еще неопределенной, а затем уже совершенно ясной цели.

Мы хотели углубить связь спорта с искусством.

Мы хотели доказать, что фигурное катание ныне гораздо умнее, интереснее, богаче, чем это иногда кажется

некоторым тренерам и спортсменам, что оно уже не имеет права жить по старым канонам, что, однажды пробудив ум и жажду познания, нельзя остановить процесс развития фигурного катания.

Именно для этого мы и остались в спорте после Инсбрука.

Именно для этого мы и остались в спорте после победы в Гренобле.

Именно поэтому мы остались в фигурном катании после поражений...

Итак, мы решили подняться еще выше. Для этого мы должны были пройти через трехлетние испытания, поиски, разочарования. Должны были созреть, чтобы создать новую программу, которая была бы вершиной нашего творчества.

Мы уже рассказали достаточно подробно о том, что происходило в промежутке между двумя Олимпиадами — в Инсбруке и Гренобле. И поэтому можем сразу же обратиться к сезону 1968 года.

Мы готовились к нему, приезжая в свободное время в Воскресенск.

За последние годы мы привыкли к этому городу, к его гостеприимным жителям, к его отличному Дворцу спорта, где нас всегда с большим радушием и добросердечностью принимает весь коллектив во главе с директором — Климом Никитичем Трофимовым.

Летом в Воскресенске просто замечательно.

У нас жесткий режим дня. После утренней тренировки, длящейся около двух часов, после различных упражнений и спортивных игр мы обязательно уезжаем в лес. Даже если дождик накрапывает. Даже если не очень тепло.

Мчится машина по шоссе. Затем поворот в густой лиственный лес. Заветная полянка, спрятавшаяся так, что ее никто не может найти. Грибы. Земляника. Просто прогулка по подмосковной «тайге». Мы даже шалаш

здесь специально построили. И возле шалаша на бензиновой плите готовим обед. Вкуснее его, пожалуй, не бывает.

Гуляем в лесу несколько часов. Читаем. Делаем очередные записи в своем дневнике. Музыку не слушаем. О фигурном катании стараемся не говорить...

А затем — обратно в Воскресенск. К нашему льду. К нашей тренировке. Вечерней. Более легкой. Более творческой, на которой мы уже отрабатываем и привычные, и еще новые элементы.

Вот так проходит у нас «каникулярное время» в Воскресенске.

А сколько радости приносят нам встречи с трудящимися этого замечательного города!

Всегда приятно порадовать зрителей, помочь добрым советом местным тренерам, покататься вместе с мальчишками и девочками, которые влюблены в фигурное катание и которые как губка жадно впитывают то, что им показываешь.

Спасибо тебе, Воскресенск, за все!

В предолимпийском году мы очень внимательно следили за своим физическим состоянием. Борьба должна быть труднейшей. Новая произвольная программа — сверхэмоциональна. И здесь одна только настройка отнимает столько сил!

Их должно быть у нас с запасом. Иначе не выдержишь почти трехмесячных испытаний, которые связаны с целой вереницей состязаний, начиная с чемпионата страны и кончая чемпионатом мира.

И мы играли в баскетбол. Мы гоняли вместе с хоккеистами «Химика» шайбу. Мы подолгу могли нестись за катером на водных лыжах по Москве-реке. На многих тренировках Людмила надевала «пояс грации», пояс весом 8 килограммов, состоящий из свинцовых пластинок. В нем она весила около 55 килограммов. И еще была спортивная гимнастика, тяжелая атлетика...

Много пота проливается на таких вспомогательных тренировках. Даже больше, чем на льду.

Зато какая потом легкость при исполнении самых трудных, требующих особой выносливости и силы, элементов!

О технической и эмоциональной канве нашей второй олимпийской программы мы писали в предыдущей главе. А сейчас расскажем о работе над ней, о том, с каким трудом она рождалась.

После Олимпиады в Инсбруке мы оказались на некоторое время неуправляемыми. Мы не в состоянии были точно сформулировать, что нам нужно показать в своих будущих программах, мы даже не могли представить, что можно придумать что-нибудь более сильное, более импонирующее нам, чем программа 64-го года.

О поисках новых элементов, о поисках нового содержания в старых элементах можно написать очень много. Но все это, пожалуй, не даст каких-нибудь дополнительных знаний ни молодым фигуристам, ни тренерам, ни просто любителям фигурного катания. Тут ведь важен сам процесс поисков. А он неповторим. Можно увидеть результат мучительных раздумий. А вот сам процесс рождения нового — как его опишешь? Мы, конечно, желаем молодым фигуристам неустанного поиска. Мы призываем их к этому. Но как искать — это уже дело каждого спортсмена или тренера. Выбирай себе направление, развивай его, углубляйся в тему... Что еще можно предложить?

Может быть, один небольшой эпизод скажет что-нибудь дополнительное нашим читателям.

Группа сильнейших фигуристов мира прибыла в Ленинград для показательных выступлений. Конечно, гости захотели побывать в Эрмитаже. Экскурсия шла чинно, строго. И вдруг — шум. Вдруг — чуть ли не крик:

— Людмила, Олег! Быстрее сюда. Это ведь вы здесь...

И показали нам известную скульптуру «Психея и

Амур». Да, действительно было в позе некоторое сходство с одной из наших фигур. Но самое главное, что было это сходство совершенно неслучайным. Мы много раз до этого бывали в Эрмитаже. Наши дневники сберегают десятки различных зарисовок, сделанных после посещения картинных галерей, после балетных спектаклей.

Кто ищет, тот всегда найдет!

Замечательные слова! Слова, которые может взять в качестве эпитафии каждый новатор в фигурном катании!

Лишь в самый канун Олимпиады-68 нам удалось добиться, удалось почувствовать телом, движением, понять разумом правильность всех своих новых решений. Да, пора экспериментов закончилась. Опыт прошедших сезонов сказал свое веское слово. Теперь мы не сомневались в успехе своей новой программы. И эта уверенность делала нас еще более сильными.

До сих пор мы говорили в основном об олимпийской произвольной композиции. Именно она была для нас предметом самых жарких обсуждений. Но ведь существовала и обязательная программа. Она была тоже продуктом эволюции наших взглядов, продуктом хорошо продуманной тактики, основывающейся на конкретных возможностях, заложенных в самой обязательной программе.

Для этой композиции мы взяли эстрадную музыку.

В обязательной программе очень многое зависит от расстановки элементов. Даже незначительное перемещение их может изменить весь характер композиции. Мы уже говорили об этом и будем говорить еще не раз, потому что обязательная программа ныне имеет огромное значение, а в будущем, возможно, будет иметь еще большее.

А пока наши обычные нагрузки увеличились, по крайней мере, на треть... И для того чтобы сохранить свежесть восприятия, свежесть мышления и мышц, мы ранней

осенью, вопреки всем канонам, решили снизить нагрузки и отправились отдыхать на Черное море. Подводная охота, плавание, в шторм — поездки по побережью и в горы Северного Кавказа. А между делом, вернее между отдыхом, еще и еще раз проверяли свои олимпийские чертежи, выполняли поддержки и имитировали различные ледовые «па» прямо на гравии пляжа, — словом, отдых и работа, работа и отдых...

Результаты были прекрасными. К нормальным тренировкам мы вернулись действительно совершенно свежими.

В связи с этим хочется сказать следующее. Мы — за строгое планирование всей тренировочной работы. Но при этом мы голосуем и за полное доверие к сильнейшим спортсменам и их тренерам.

Для нас осенний отдых перед Олимпиадой был просто необходим. Другим спортсменам он, очевидно, не был нужен. И хотя внеочередной, никем не запланированный перерыв в тренировках вызвал неудовольствие некоторых спортивных руководителей, мы не сомневаемся, что он помог нам потом вести борьбу достойно!

И вот — чемпионат страны в Воскресенске.

Впервые сборная команда будет формироваться не на специальных соревнованиях сильнейших, а на личном первенстве страны. И это очень приятно, потому что повышает значение чемпионата страны, поднимает его престиж.

В Воскресенске можно было ожидать любых неожиданностей.

После годичного перерыва появились на льду Татьяна Жук и Александр Горелик. Впервые на чемпионате страны выступали Ирина Роднина и Алексей Уланов, уже неплохо зарекомендовавшие себя на нескольких других состязаниях внутри страны. Были готовы к бою еще несколько сильных пар. Все это, естественно, предвещало борьбу чрезвычайно острую. Как выяснилось затем, такой

она была не только в парном катании. К сожалению, впечатление от этих соревнований было снижено в связи с большим количеством судейских накладок, о чем не раз писали в те дни газеты.

Как всегда, мы почти не следили за выступлениями других пар и не можем давать им фундаментальные оценки. Жук — Горелик выполнили свою обязательную программу чисто, но без вдохновения и скорости. Они еще не были готовы к серьезным стартам и произвольную программу на чемпионате не показали вообще. Второе и третье места поделили Тамара Москвина и Алексей Мишин, Ирина Роднина и Алексей Уланов...

Своим катанием мы, в общем, остались довольны.

Обязательная программа была легкой, воздушной, скоростной. На этом фоне произвольная выглядела особенно серьезно. «От тьмы — к свету, через борьбу — к победе!» Этот девиз нашей композиции был хорошо понят воскресенцами. Восторг, с которым была принята программа, освободил нас от некоторой доли психологического напряжения. Теперь мы могли ринуться в бой уже на высшем уровне.

Но до Олимпиады был еще Вестерос. Чемпионат Европы.

Потом мы себе задавали вопрос: а почему, собственно говоря, такой городок, как этот шведский Вестерос, был избран столицей европейского фигурного катания 1968 года? Зрителей на трибунах здесь было, пожалуй, рекордно мало, хотя чемпионат — предолимпийский и со всех точек зрения представлял собой огромный для того времени интерес. Возможно, это было сделано для того, чтобы повысить интерес к фигурному катанию в Швеции, расширить географию этого вида спорта в Европе. Если это так, то организаторы чемпионата не добились цели: повторям, зрителей было мало, а интереса к первенству среди шведов — и того меньше.

Для самих участников чемпионата, конечно, борьба

была достаточно увлекательной, были здесь свои подводные течения, свои неожиданные повороты, которые в любом другом случае вызвали бы интерес у десятков тысяч болельщиков, подогрели бы атмосферу, подняли бы эмоциональный тонус соревнований. Но трибуны вестеросского спортивного дворца оставались безлюдными и скучными. Для нас — тем более. Потому что мы всегда катаемся для людей, которые пришли посмотреть соревнования. А в этот раз нас особенно интересовала реакция западноевропейского зрительного зала на новую «постановку». Но о каком отклике может идти речь, если зрителей в зале были единицы!

Мы стали чемпионами — и сравнительно легко. Специалисты приняли нашу программу очень хорошо. Но не все. Были и такие, которые уже потом, после выступления в Гренобле, подходили к нам и спрашивали: «Когда же это вы успели изменить вашу программу? В Вестеросе она была как будто совсем другой»... А мы ведь не изменили ни одного штришка. Только катались на Олимпиаде с совсем другим настроением: тысячи зрителей, тепло встретившие нас, пробуждали ответные чувства, и нам хотелось показать даже больше, чем мы можем...

В Вестеросе выступления пар принесли несколько неожиданные для зарубежных знатоков фигурного катания результаты. Впервые серебряными призерами стали Тамара Москвина и Алексей Мишин.

После первого дня состязаний они шли только на шестом месте. Казалось, все потеряно, передвинуться выше просто невозможно. Но Тамара и Алексей показали, что они настоящие спортсмены, настоящие ленинградцы. Произвольная программа была выполнена ими отлично. А вот у Ирины Родниной и Алексея Уланова, у западногерманской пары Маргот Глоксхубер — Вольфганг Данне и даже у фигуристов из ГДР Хайдемари Штейнер и Ганса-Ульриха Вальтера (они после обязательной программы занимали второе место) произошло несколько сры-

вов. Словом, создалась такая путаница в распределении мест, что арбитрам пришлось немало попотеть, пока наконец не выяснилось, что на финише на грудь впереди всех претендентов на «серебро» оказались Тамара и Алексей.

Стоя на пьедестале, мы от всей души поздравили наших земляков с замечательным достижением. Мы уже писали, что в течение нескольких лет помогали им советами и у нас был общий тренер — Игорь Борисович Москвин. Достижение Тамары и Алексея радовало еще и потому, что приближало тот день, когда весь пьедестал почета в парном катании должен был стать советским. Мы ведь мечтали об этом много лет.

Советская команда покидала Вестерос довольная результатами. Часть фигуристов отбыла на Родину. Кроме танцевальных пар, которые, как известно, на Олимпиадах пока не выступают, в Москву улетели Роднина и Уланов, а их место в команде должны были занять Татьяна Жук и Александр Горелик. Это позволяло надеяться на максимальное достижение в Гренобле и на значительно большее, чем в Инсбруке, количество очков, которые принесут фигуристы в командную копилку.

Хотелось как можно быстрее попасть в Гренобль. Мы не боялись встречи с ним.

Мы не думали ни о жеребьевках, ни о дополнительной рекламе. И даже о своей будущей тактике и тактике своих соперников — не думали. Мы были готовы. И настолько готовы, что понимали: именно мы будем диктовать тактику другим.

И вот он, Гренобль.

Знакомый и незнакомый город. Мы помнили его еще с 1964 года. Мы помнили о нем каждый день. И вот он перед нами. Реконструированный, расширенный. С новым замечательным Ледяным дворцом. С замечательным открытым катком — для конькобежцев и фигуристов. С новыми спортивными комплексами, расположившимися в отрогах Альп, окружающих Гренобль. И, конечно,

с уютным олимпийским городком, где нам предстояло жить много дней. Городком, отделенным от всего мира и связанным с этим миром тысячами нитей.

Не успели мы прибыть в Гренобль, как уже было составлено расписание тренировок. Мы имели вполне достаточно «рабочего времени» для того, чтобы поддерживать свою спортивную форму. И никакие не имеющие отношения к спорту обстоятельства не могли нас отвлечь или сбить с нужной настройки.

Торопимся на первую тренировку.

Автобус привозит нас прямо к зданию катка. Несколько минут на экипировку — и вот уже по подземному переходу, проложенному под беговой дорожкой, мы идем к ледяному полю. Поднимаемся наверх и, ослепленные сверкающей картиной, открывшейся перед нами, закрываем на мгновение глаза.

Голубое ожерелье беговой дорожки плотно опоясывает наше поле. Голубое небо и великолепные горные вершины улыбаются нам. Огромные, чуть присыпанные снежком деревья окружают искусственный ледник, и только свежий, легкий ветерок пробивается через их ограду.

Хорошо!

Как всегда, на тренировки собралось множество зрителей. Стрекотали кинокамеры, тренеры и судьи листали блокноты, спортсмены присматривались к соперникам. Словом, шла обычная предсоревновательная подготовка.

У нас в эти дни было множество самых различных встреч.

Особенно нам запомнилась одна. К нам на каток пришла известная американская актриса Одри Хэпберн. Впечатления об этой встрече нам бы хотелось дополнить отрывками из интервью, которое дала Хэпберн корреспонденту «Советского спорта» в тот день на катке:

«— Поверьте, мне хорошо известно, что такое труд артиста, и потому я преклоняюсь перед мастерством Людмилы

и Олега, показывающих зрителю лишь то, ради чего он пришел на каток...

— Вам хорошо известна эта пара, миссис Хэпберн?

— Я познакомилась с этими удивительными фигуристами совершенно случайно. Лет пять назад как-то вечером я включила телевизор. Шла передача с больших международных соревнований — чемпионата мира или Европы, сейчас уже не помню. До сих пор я очень поверхностно интересовалась фигурным катанием. И вдруг на экране — пара. Она — тоненькая, невесомая, он — воплощение силы, я бы сказала, демонической. И оба они — совершенство, другого слова не нахожу.

Я просидела весь вечер у телевизора, забыв про дела, не отвечая на звонки из киностудий. В конце передачи диктор сказал, что это была русская пара. Я не запомнила тогда их фамилий, они показались мне очень сложными, но впечатление от этого вечера сохранила.

— Но ведь вы, кажется, уже знакомы лично с Людмилой и Олегом?

— Только со вчерашнего дня. Я приехала по делам во Францию и решила побывать в Гренобле, увидеть Олимпиаду и непременно познакомиться с Людмилой и Олегом. Меня какими-то тайными путями провели в Олимпийскую деревню, в столовую для спортсменов. Там и состоялось наше знакомство.

— Скажите, миссис Хэпберн, вы смотрите выступления этих фигуристов только как зритель или как артистка тоже?

— Быть может, вы видели меня в фильме «Война и мир». Он шел в России. Я много работала перед тем, как сняться в роли Наташи, много читала, о многом думала. И если бы я сейчас снималась в этой роли, я бы многое сделала иначе — причиной тому новые мысли, новые ассоциации, новые краски, которые пришли ко мне после того, как я стала следить за выступлениями Людмилы и Олега...»

О многом мы говорили тогда на катке парка Поля Мистрала с Одри Хэпберн. О роли искусства, о том, как надо готовиться к встрече со зрителем, о наших творческих приемах и о том, как создается художественный образ — в кино и у нас, в спорте. Характер наших бесед был сугубо творческим, и мы были чрезвычайно рады тем оценкам, которые дала нашим композициям знаменитая киноактриса, отклику, вызванному в ее сердце нашим мастерством.

Мы без усталости показывали ей отрывки из своих программ. И это тоже было для нас хорошей подготовкой перед соревнованиями...

Дни шли за днями. И вот уже торжественное открытие Олимпиады. Олимпийский огонь зажжен. Олимпийская клятва произнесена. Наши сердца бьются в унисон с сердцами тысяч и тысяч спортсменов, которых сдружила Олимпиада!

Теперь уже остается совсем немного времени до нашего старта. На сей раз в фигурном катании первыми станут известны призеры у женщин. Впрочем, мало кто здесь сомневается в победе Пегги Флеминг — нежной, тонкой, очаровательной, неизменно покоряющей всех своим мастерством. Нам очень нравится Пегги. Она тоже любит идеально чистые линии. Она тоже старается придать осмысленность своим композициям. Она тоже в поисках выразительности идет от музыки, от ее содержания.

Уже на обязательной программе у женщин в зале присутствуют тысячи зрителей. «Это хороший признак, — думаем мы. — Значит, фигурное катание вызывает интерес, значит, есть для кого кататься».

Пегги Флеминг выигрывает звание чемпионки Олимпиады, и мы с огромным удовольствием поздравляем ее, так же как и Габи Зайферт и Хану Машкову, поднявшихся вместе с ней на пьедестал почета.

Жеребьевка для выступлений пар по обязательной

программе. Мы вытаскиваем первый номер. (Любопытно, что ситуация, которая была в Инсбруке на жеребьевке, повторилась. Снова две фишки. Снова одна из них — с первым номером.)

Огорчает ли это нас?

Нет.

Несколько лет назад, конечно, огорчило бы, а сейчас нет. Вот ведь как меняется психология, в особенности если чувствуешь, что готов отлично.

Один из репортеров спрашивает у Олега, что он думает по поводу столь неудачной для нас жеребьевки. И Олег с улыбкой отвечает:

— Почему же она неудачна? Мы вытащили именно тот номер, который будет у нас на пьедестале!

И это не было позерством или бравадой...

Мы вышли на лед.

Зал умолк.

Мы улыбались и были веселы. Даже лихость некоторая появилась у нас: «Мы начинаем, а вы — это относилось ко всем остальным — попробуйте нас догнать!».

И мы промчали всю свою дистанцию.

Раскланялись. Ушли, как только увидели свои оценки — достаточно высокие. Переоделись. И пришли впервые в зал посмотреть, как катаются другие.

После обязательной программы у нас была сумма мест 12, у Татьяны Жук и Александра Горелика — 15. Глоксхубер — Данне (ФРГ), шедшие третьими, были так далеко, что и разговора никакого о том, что они могут претендовать на высшую ступеньку, не было. У них сумма мест 40. Штейнер — Вальтер — четвертые, Кауфманн — пятые, а шестые — наши — Москвина и Мишин. Жаль, что они так далеко, но впереди произвольная программа, а в Гренобле еще помнят, как удачно выступали Тамара и Алексей здесь на предолимпийской неделе.

Как только закончились выступления по обязательной программе, «центр тяжести» событий переместился под

трибуны, в одну из комнат Организационного комитета. Здесь проводилась очередная жеребьевка для второго тура наших выступлений.

Несколько минут — и все расставлены по своим местам. В группе сильнейших одними из первых стартуют брат и сестра Кауфманн. За ними на льду должны появиться Жук—Горелик, потом — мы, а заключать программу будут Москвина — Мишин. Что ж, такой порядок выступлений предвещает еще один интересный этап борьбы...

Сразу же после жеребьевки нам приятно было услышать высказывание одного из членов совета ИСУ профессора Йозефа Дедича из Праги:

«Белоусова и Протопопов... вновь показали удивительное мастерство. Полная синхронность, взаимопонимание, всегда присущие лидерам парного катания, и на сей раз проявились с блеском...

Трудно найти сейчас соперников, равных Белоусовой и Протопопову. Утверждаю это до выполнения произвольной программы, которая, конечно, может в принципе внести коррективы в распределение мест...

Думаю, что современный темп жизни будет диктовать свои условия и изобразительным средствам фигуристов. Скорость, неожиданность решений, огромный темп — вот те козыри, которые необходимо иметь фигуристам ближайшего будущего. Но вполне возможно, что на ледяной арене возникнут и новые стили...»

Утро 14 февраля. Последняя небольшая тренировка. После нее отправляемся отдыхать, чтобы снова вернуться во дворец вечером. Мы ничего не можем написать о своем предстартовом настроении, потому что ничего особенного в нем в эти часы не было. Обычное настроение людей, готовых к трудному выступлению. Мы смогли поспать. Пульс был нормальным. Голова — свежей. Небольшая прогулка еще больше подбодрила нас. Мы прибыли на каток незадолго до разминки.

Выйдя на лед вместе со своими соседями по группе, мы без подготовки сделали финальную комбинацию, поддержки и прыжки. Можно и заканчивать разминку, тем более что нам выступать первыми в заключительной группе.

...Мы, конечно, не видели того, что показали предыдущие пары. Мы были за кулисами и старались разогреться, чтобы затем не терять время даром. Поэтому описание выступлений наших коллег мы доверяем мастеру спорта Марине Гришиной: «Жеребьевка в группе сильнейших расположила главных соперников в непосредственной близости друг от друга. Ужедесятыми вышли на лед М. Глоксхубер и В. Данне (ФРГ), двенадцатыми показали свою программу их соотечественники Г. Хаусс и В. Хэфнер, затем американцы брат и сестра Кауфманн. Старт Т. Жук и А. Горелика отделяли от выступления Л. Белоусовой и О. Протопопова пять минут разминки. У каждой пары были свои тактические задачи. Одним жеребьевка помогла выполнить эти задачи, а другим...

К их числу можно отнести Синтию и Рональда Кауфманн. Это очень талантливые фигуристы. Они ежегодно показывают любопытные технические новинки. Правда, относятся они больше к области трюков, но тем не менее знакомство с ними представляет интерес. Вместе с тем пара Кауфманн страдает поистине «неизлечимой болезнью» — у них плохо получаются прыжки. И на сей раз прыжки подвели американцев, а затем повлекли за собой и ошибки в менее сложных элементах. Кауфманн, естественно, потеряли всякие шансы на медали. Более того, уровень оценок позволял нашим Москвиной и Мишину надсасться на перемещение вверх.

В отличие от чемпионата Европы чрезвычайно чисто, в хорошем темпе прокатали свою программу Глоксхубер и Данне. Судьи были ими довольны, но оставили в оценках «зазор», зная, что советские фигуристы способны показать еще более высокое качество катания.

И они его показали.

На льду появилась так долго отсутствовавшая пара Жук—Горелик. Несмотря на большой перерыв, фигуристы выступали очень уверенно, слаженно. Можно было бы лишь пожелать чуточку больше энергичности, в конце концов, азарта, которые отличали их ранее. Но зато все элементы были выполнены легко и чисто. Программа произвела на судей хорошее впечатление. Оценки очень высоки...»

И вот снова судьи занимают свои места.

Разминка закончена.

Нам выходить!

Мы потихоньку скользим к борту, от которого начинается наша программа.

Плавное скольжение как бы перечеркивает все, что было до сих пор, и оставляет только будущее.

Мы всем телом ощущаем взгляды 14 тысяч людей, сидящих на трибунах, круто поднимающихся вверх. Но тяжесть этого многотысячного взгляда не заставляет нас согнуться.

Мы готовы обнажить свою душу. Мы готовы раскрыть душу своей музыки. Той музыки, которая стала нашей и сейчас станет музыкой всех, кто находится в зале...

Пять сверхбыстрых минут.

Пять минут, вобравших в себя тысячи часов напряженного труда.

Пять минут радости, отчаяния, любви и прозрения. Как хочется, чтобы длились они вечно!

В середине программы мы слышим овацию и совсем перестаем слышать музыку. Но она в нас. Она звучит в нас настолько громко, что ничто и никогда не способно заглушить ее. Мы плывем в ее течении. Мы летим, приземляемся, расстаемся и снова соединяемся, чтобы показать всему миру, что может свершить союз любящих сердец!..

Нам показалось, что все окончилось внезапно.

Столько еще оставалось неизрасходованных сил! Столько мыслей бурлило в нас, столько чувств — еще невысказанных, еще не оформившихся в движения...

Но музыка отзвучала. Наступила тишина. И мы первыми нарушили ее. Олег сказал тихонько: «Ну, вот и все».

А потом уже не было слышно ничего. И мы, оглушенные, старались вынырнуть из-под девятого вала оаций.

Путь к бортику длился вечность. Скорострельная пальба фотоаппаратов, кинокамер не могла уже вывести нас из состояния отрешенности и умиротворенности.

И оценки судей — тоже.

Мы сказали свое слово. Главное для нас было сказать его...

Оценка 5,9 балла была показана четырнадцать раз. Большого добиться в этот вечер уже никому не удалось.

Еще несколько минут мы двигаемся как бы по инерции.

Пальцами снимаем снежок с лезвий коньков. Снег холодит ладони, и это чуть-чуть возвращает нас к действительности.

Мы поправляем чехлы на коньках. Привычный ритуал помогает нам прийти в себя.

Нас уже поздравляют. Нам протягивают открытки для автографов. Но мы не в силах держать авторучки.

Мы идем между двумя прозрачными, отделяющими нас от зала стенками. Мы идем в нашу раздевалку. По дороге мы уговариваем полицейского пропустить к нам советских журналистов, которые, как и в Инсбруке, имеют право на первое интервью.

Но до того как оно состоялось, успели еще прокатать свои программы оставшиеся фигуристы и состоялось награждение победителей. (Москвина и Мишин на сей раз не показали все, на что были способны, и это не позволило им подняться выше пятого места.)

За двумя первыми советскими парами оказались

М. Глоксхубер — В. Данне из ФРГ и Х. Штейнер — Г. -У. Вальтер из ГДР.)

Снова мы стояли на олимпийском пьедестале.

Снова поднималось вверх алое знамя Страны Советов и звучал наш гимн.

И снова думали мы о нашем будущем и жаль было расставаться с прошлым и настоящим.

Золотые медали сверкали на груди. Мы их сняли только в крохотной раздевалке, где, как и четыре года назад в Инсбруке, закрылись с журналистами. Только один раз мы открыли двери, чтобы впустить президента Американской федерации фигурного катания г-на Шумахера. Он поздравил нас с победой и вручил традиционные значки «Золотой конек с бриллиантами», которые ежегодно получают чемпионы мира и раз в четыре года — чемпионы Олимпиады.

Господин Шумахер в разговоре с журналистами сказал, что он рад тому, что победителями снова стали именно мы. И еще он сказал о том, что на Олимпийских играх выступали три советские пары и приятно, что они не похожи друг на друга: «Одна из пар — атлетическая — это Жук и Горелик, другая — ультрасовременная — Москвина и Мишин, а третья — само совершенство...».

Вот текст интервью с нами в той крохотной комнатке олимпийской раздевалки:

«— Обстановка перед началом соревнований была очень сложная. Можно сказать, тяжелая. Но мы трудностей не боимся. Они заставляют нас собираться и показывать все, что мы можем. Если потребуется, даже и кое-что сверх этого. Словом, чем нам труднее, тем серьезнее мы ведем «сражение»...

Мы чувствовали, что зал нас понимает.

Это для нас самая большая радость. Для этого мы и катаемся, для этого и создаем свои новые программы.

Французская публика была к нам чрезвычайно благосклонной. Мы благодарны ей за самый теплый прием.

— Какова главная нить вашей новой программы? Что вам хотелось сказать в ней?

— Жизнь, любовь, смерть и возрождение... Разве не являются они всегда главной темой искусства? И хотя мы, спортсмены, и боремся за победу, а не просто выступаем в театрализованной программе, именно эта тема проходит через все наши произвольные и показательные комбинации, именно она дает ключ к пониманию того, что мы демонстрируем на льду.

— Легко ли вы чувствовали себя на льду?

— Два дня назад легче, чем сегодня. Лед чуть-чуть был жестковат, хотя после первых шагов мы этого почти не замечали. Но главное, мы это подчеркиваем, для нас — контакт со зрителями. В Вестеросе, где зал был почти пуст, кататься было гораздо труднее.

— Кто помогал вам работать над созданием новой программы?

— Хореограф Галина Евгеньевна Кёниг. Большое ей спасибо. Она умеет понять, что именно нужно для нас... А Игорь Москвин корректировал уже готовую программу»...

Интервью затянулось. Мы были откровенны в своих оценках. Вопросов было множество. И на все надо было ответить гораздо обстоятельнее и откровеннее, чем на обязательных для чемпионов и призеров Олимпиады официальных пресс-конференциях.

Но вот в двери начали стучать все настойчивее.

Представители пресс-центра напоминали, что нас ждут зарубежные журналисты.

И мы, так и не успев переодеться и снять свои костюмы для выступления, прошли через весь дворец в пресс-центр. В зале уже почти не было зрителей.

Лишь несколько десятков болельщиков терпеливо ожидали нас у дорожки вокруг ледяной площадки. Мы шли как бы в окружении почетного эскорта, оставшегося затем у дверей пресс-центра.

На страницах газет, вышедших на следующее утро, можно было найти много интересных оценок. Мы приводим некоторые из них.

Вот что передал корреспондент «Абендцайтунг (ФРГ)»: «Олимпийская победа после такого произвольного катания, о котором можно только мечтать. В парном катании золотые медали снова у выдающихся Белоусовой и Протопопова». И далее: «Это был великолепный трюк мудрого художника фигурного катания Олега Протопопова. В свои 36 лет этот человек повторил с женой Людмилой Белоусовой победу, одержанную в Инсбруке. Впервые за многие годы пара чемпионов в переполненном до отказа Дворце спорта была всех превосходящим и бесспорным победителем. Белоусова и Протопопов повторили дубль в олимпийском парном катании, что ранее удавалось только французской паре Брюне в 1928 и 1932 годах.

Особой похвалы в этот вечер заслуживает жюри, которое во всем великолепно разбиралось и почти во всех случаях давало справедливые оценки. Людмила Белоусова и Олег Протопопов убедили всех скептиков. Они продемонстрировали пять минут такого совершенного парного катания, какого у них еще никогда не видели. В трактовке «Лунной сонаты» Бетховена и концерта Рахманинова для фортепьяно воплощены пять безошибочных минут с высшими точками в великолепных спиралях...».

А теперь высказывания агентства Франс Пресс: «Двое советских фигуристов дали прекрасный спектакль. Они выступали под аккомпанемент отрывков из «Лунной сонаты» Бетховена и концерта Рахманинова. Это было волшебство: совершенная синхронизация жестов, грации, музыки — с одной стороны, прыжки и подъемы, в механизм которых не проникла ни одна песчинка, — с другой. Коротче говоря, это большое искусство!»

Газета «Дофинэ либере»: «Белоусова и Протопопов подняли мастерство фигуристов на уровень искусства, и в этот незабываемый вечер зрители забыли, что они нахо-

дятся в Ледяном дворце, и как бы перенеслись в Большой театр».

Но были и другие высказывания, проливавшие некоторый свет на подготовку, которую вели недружелюбно настроенные по отношению к советским фигуристам круги, для того чтобы расчистить путь к верхней ступеньке олимпийского пьедестала своим парам. После чемпионата в Вестеросе некоторые западноевропейские спортивные обозреватели обрушились на судейство, обвиняя арбитров в том, что они завышали оценки советским спортсменам. В своих прогнозах они нередко отдавали предпочтение американским и западногерманским парам. Даже Марика Килиус при этом не удержалась от прогнозов. Рассыпаясь в комплиментах в наш адрес, она тем не менее отдала предпочтение паре из ФРГ. Венский «Курир» привел высказывание Станислава Жука о том, что пара Жук—Горелик будет бороться за первое место, и на этом основании обозреватель Шварц сделал вывод, что именно эта пара первый претендент на «престол». «Две немецкие пары против Олега и Людмилы», — писал западногерманский журнал «Кикер», добавляя при этом: «Очевиден факт, что Олег и его Людмила не могут, как было прежде, рассчитывать на дружескую помощь судей».

Словом, многие журналисты и тренеры старались бросить тень на наши прежние победы и поставить под сомнение нашу победу в Гренобле. Но их планы были сорваны. И больше добавить к этому нам нечего.

После окончания пресс-конференции в Ледовом дворце мы задержались в своей раздевалке. И когда вышли на свежий воздух, оказалось, что автобус нашей делегации уже уехал.

Мы остались одни. Шел дождь, смешанный со снегом. Было тихо. Вдали виднелись белые склоны гор и ярко светились окна в домах-башнях.

Мы потихоньку пошли по улицам Гренобля...

Возле нас притормозила автомашина. Водитель, уви-

дев, что мы в олимпийской форме, предложил подвезти нас в «деревню». Мы поблагодарили его и сели. В машине мы познакомились и были искренне тронуты его восторженными словами по поводу нашего выступления.

Так закончился Наш Олимпийский День. День нашей победы, принесший советской команде золотую медаль и семь неофициальных очков.

Мы оставались в Гренобле до окончания Олимпиады. Затем у нас было несколько показательных выступлений на юге Франции, после чего мы сразу же отправились в Женеву, на чемпионат мира. Много недель уже прошло с тех пор, как улетели мы из Москвы. Могли бы сказаться усталость и нервное напряжение. Но мы чувствовали себя хорошо. Высшая точка спортивной формы у нас сохранялась.

В Женеве мы снова выиграли. Программа прошла отлично. Более того, разрыв между нами и вторыми призерами — Жук и Горелик — увеличился. И это лишний раз свидетельствовало о том, какого качества композиции мы создали и с какой точностью можем ныне донести свой замысел до зрителей и специалистов.

Теперь уже можно было сказать олимпийскому году «прощай» и начинать думать о том, как же нам жить в спорте дальше...

Глава о сезоне, который мы проиграли

— Почему вы остались в спорте после Олимпиады в Гренобле, после такой замечательной победы — венца спортивной карьеры?

Такие вопросы мы слышали не раз. И неизменно думали: а собственно говоря, почему нашей судьбой — спортивной, естественно, — пытаются распоряжаться другие? Почему нас подталкивают на решения, кажущиеся любому настоящему спортсмену по меньшей мере странными? Разве мы сами не взрослые люди? Разве мы не понимаем сами, что для нас лучше? И с каких пор, скажем, бронзовые или серебряные медали стали малопочетными на первенствах мира или Европы?

— Вы — наше спортивное знамя! — часто говорят нам люди, любящие и увлекающиеся фигурным катанием. — Как хорошо было бы, если бы вы ушли непобежденными, чтобы всегда оставаться в глазах у всех, и особенно у молодежи, чемпионами самой высшей пробы, образцом, всегда сверкающим и ярким...

И опять-таки мы задумываемся: что означает уйти непобежденными?

Сравним фигурное катание, скажем, с гимнастикой: разве там предлагали хоть раз хоть одному чемпиону «досрочно» уйти со спортивной арены, уйти в расцвете сил и прекратить борьбу? Скажем, Лариса Латынина, уже будучи олимпийской чемпионкой, никак не могли выиграть звание чемпионки страны, проигрывая неизменно то Софье Муратовой, то Тамаре Маниной, то еще какой-нибудь сильной гимнастке из замечательной чемпионской

элиты тех лет. Разве из-за этого Латынина перестала быть образцом спортсменки? Она выступала до тех пор, пока считала это нужным. Конечно, можно было бы уйти и раньше, но разве мы не видим прямого влияния таланта Латыниной-гимнастки на формирование целой плеяды молодых спортсменов, ставших на Олимпиаде в Мехико обладательницами золотых медалей?! Влияния, которое только усиливалось оттого, что Латынина в течение нескольких лет продолжала выступать рядом с юными спортсменками, и не только выступала, но и учила их тактике спортивной борьбы своим личным примером!

Словом, нет ничего страшного в том, что спортсмен проиграл те или иные состязания в том или ином сезоне. Вспомните, сколько лет на заре нашего спортивного пути проигрывали мы, и только злее становились, и только новые и новые силы отыскивали для продолжения гонки преследования.

И вот мы снова проигрываем: чемпионат страны, затем Европы и мира. И снова откатываемся на позиции, с которых когда-то повели наступление. Что же нам из-за этого, рыдать безутешно? Какими же мы были бы настоящими спортсменами после этого?

Мы не хотим уходить. Мы не те, для кого поражение равносильно разрыву выгодного контракта в ревю.

Мы — спортсмены. Спорт — наша жизнь. Борьба — наша стихия. И почему, собственно говоря, мы должны отказываться от всего этого?

Мы всегда и везде во всем старались сохранять верность себе и людям. Мы никогда не старались себя преодолевать или себя побеждать. Нам вообще непонятны разговоры на эту тему и все эти весьма модные теоретические дискуссии по поводу того, как надо иногда наступать на горло собственным желаниям, стремлениям, собственному характеру для того, чтобы добиться определенной спортивной цели. В. Чкалов говорил: «На характер ногой наступать нельзя».

И потом: если ты победил себя, то кто же при этом выиграл?

В этом вопросе для нас — элементарное желание добраться до первоосновы психологической закалки, моральной подготовки. Ибо от ответа на этот вопрос зависит очень многое в подготовке к состязаниям, подготовке к достижению того, что ты сделал целью на данном этапе своей спортивной жизни.

Здесь, с нашей точки зрения, возможны только два пути. Один из них заключается в постоянной верности себе, в укреплении тех черт характера, которые необходимы для ведения долгосрочной борьбы. А другой — в полной ломке своего характера, в создании нового, не похожего или кажущегося не похожим на прежний, характера. И тут еще неизвестно, что получится. И будет ли «новый» человек лучше того, каким он был прежде. И не проиграл ли он все, победив самого себя!

Принимая — безусловно и категорически — только первый путь, мы сейчас отчетливо понимаем, что совершили бы предательство, предали бы самих себя, если бы ушли с арены в тот момент, когда мы чувствуем себя в расцвете сил. Весь наш путь в спорте, все наше существо противится этому. И ни о каком упрямстве или непонимании усложнившейся для нас обстановки речь идти не может.

Мы сознательно, понимая всю свою ответственность перед тем, что уже связано с нашими именами в фигурном катании, идем на этот шаг.

И мы не сомневаемся, что, покинув спортивную арену не отдав ей доброй половины своих сил, мы потеряли бы не только самоуважение, но и уважение миллионов почитателей фигурного катания.

«Пока человек борется — поражения быть не может», — писал Фредерик Шопен.

Словом, мы извлекли уроки из событий сезона 1969 года и решили продолжать свою жизнь в большом спорте.

А теперь вернемся к началу сезона. Мы уже успели немножко поостыть, и прошедшее видится нам достаточно ясно и четко.

Итак, осень 1968 года. Уже чувствуется холодное дыхание зимы, и уже ежедневно проводим мы на катке свои четыре, пять, а то и шесть часов. После долгих раздумий мы оставляем в наступающем сезоне свою олимпийскую программу, считая, что она не исчерпала своих потенциальных возможностей, усложняем ее, добавляем новые элементы, два из которых только-только созданы нами.

Несколько слов об этих элементах. Как все в нашем творчестве, они шли у нас не от схемы, а от жизни, от нашего мироощущения, миропонимания.

Вы знаете, что в фигурном катании существуют так называемые «спирали смерти» — «тодесы»: партнерша как бы висит надо льдом, опрокинувшись на спину, почти касаясь головой льда, и совершает при этом, удерживаемая партнером за руку, круги вокруг него. Вначале существовал лишь один «тодес» и исполняли его очень немногие. Партнерша скользила назад на наружном ребре конька. Но уже в начале шестидесятых годов этот «тодес» стали выполнять десятки пар. И тогда появилась у нас идея создать новый «тодес». Об этом мы уже писали в одной из предыдущих глав. Мы думали так: если есть «тодес» назад на внешнем ребре, то почему бы не сделать его и на внутреннем? Новый «тодес» был создан в 1966 году. В международной книге по фигурному катанию он называется «спиралью Протопоповых», а мы называем его «космической спиралью».

Но наша мысль при этом не переставала работать далее. А что если... Если есть «спирали смерти» ходом назад, то почему бы не появиться спиралью ходом вперед и на внешнем, и на внутреннем ребрах конька?

Пожалуй, особенно четко оформилась эта идея после Олимпиады в Гренобле, и мы значительную часть своего

летнего тренировочного времени потратили именно на разработку новых вариантов парных обводок или спиралей и других новых элементов. Мы назвали их «спиралями жизни»! Свое спортивное изобретение мы демонстрировали впервые в канун замечательной годовщины — 25-летия освобождения Ленинграда от фашистской блокады, посвятили его героическим защитникам колыбели революции. Мы создали даже специальный концертный номер, в котором были только четыре спирали: «спираль смерти», «космическая спираль и две «спирали жизни».

Впервые за последние четыре года на показательных выступлениях мы не замыкали концертную программу, а размещались где-то в начале 2-го отделения. Настроенные у нас было не лучшее. Но мы вышли на лед, не думая ни о чем, кроме того, что мы перед ленинградцами, что мы их частичка, что мы — дети великого города, плоть от плоти его, и что мы должны в этот вечер показать ленинградцам все, что можем.

И мы сделали это. Мы начали с «Лунной сонаты» Бетховена, потом еще много, много раз выходили на лед и закончили выступление «спиралями жизни»...

Люди́ла:

— Олег потом сказал мне, что, выходя на лед, он на какое-то мгновение вспомнил ту самую «дорогу жизни» через Ладогу. Раздробленный от взрывов снарядов и бомб лед, борт машины, шедшей впереди, вспышку, ошеломляющий взрыв и черную полынью, поглотившую машину с мальчишками и девочками, которых эвакуировали из Ленинграда...

Диктор читает: «Защитникам Ленинграда — посвящается!..». И мы начинаем. Пожалуй, никогда еще мы так не волновались, хотя это не были какие-нибудь соревнования, хотя вся демонстрация четырех спиралей занимает минуту. Пожалуй, никогда еще не были мы так глубоко удовлетворены — и это несмотря на то, что буквально накануне потерпели первое за многие годы поражение...

В начале сезона мы считали, что главными нашими конкурентами, кроме советских пар, разумеется, будут чемпионы ГДР Штейнер — Вальтер и чемпионы США — брат и сестра Кауфманн. Мы бы сказали, что эти две пары довольно близки друг к другу в техническом отношении. Что касается артистизма, то они тяготеют к нашему стилю. Правда, у этих пар есть и различия. Штейнер — Вальтер лучше прыгают, а Кауфманн виртуозно делают некоторые поддержки. Спор между ними всегда решался в пользу последних. Что же касается нас, то нам больше импонировало мягкое скольжение американцев, и хотя у них было много недоработок в некоторых элементах, все это искупалось энтузиазмом, с которым всегда катались Синтия и Рональд.

Здесь нам хочется немного отвлечься для того, чтобы сказать: зарубежные спортсмены для нас не только «конкурирующие единицы», но и товарищи по спорту, а порой и очень близкие друзья. Интересно отметить, что дружба между спортсменами передается как бы по наследству от одного поколения к другому. И это очень хорошо!

В какой-то степени мы в свое время учились у пары из ГДР Веры и Хорста Курюбер, у чехословацких фигуристов Веры Суханковой и Зденека Долежала, у венгров Марианны и Ласло Надь. Много поучительного можно было взять у пар из ФРГ — М. Гёбль — Ф. Нингель, М. Килиус — Г. -Ю. Боймлер, австрийской пары — С. Шварц — К. Опельт. Мы всегда имели с ними дружеские контакты.

Дружеские контакты связывают нас и с теми, кто пришел на смену этим большим фигуристам. Речь идет о таких спортсменах, как Мюллер — Далмер, Штейнер — Вальтер (ГДР), брат и сестра Шрамковы, Драгова — Барташевич (Чехословакия), Корда — Вашаргели (Венгрия), Пферсдорф — Матцдорф, Хаусс — Хофнер (ФРГ), Поремска — Щипа (Польша), Таулер — Форд (Англия) и другие.

Самое главное, что спортсмены встречаются и расстаются как друзья. И нам очень приятно, что у нас существует много дружеских контактов и с канадскими, и с американскими спортсменами. В свое время, будучи новичками, мы выступали в соревнованиях со знаменитыми канадцами — Барбарой Вагнер и Робертом Поулом, американцами — супругами Ладингтон. Затем они покинули спорт. Их места в национальных командах заняли такие выдающиеся спортсмены, как Уилкесс и Ревилл, Мария и Отто Желинек, брат и сестра Кауфманн. И за расставанием пришло новое знакомство. Дружба остается. Дружба живет.

Мы могли бы перечислить еще множество имен. И когда мы сами будем иметь своих учеников, мы обязательно передадим им вместе с техникой и наше умение дружить, наше умение уважать и ценить дружбу.

А теперь вернемся к тем фигуристам, которых мы считали своими основными конкурентами. Для пары Кауфманн ситуация складывалась весьма удачно, поскольку чемпионат мира должен был проходить в Америке, в высокогорном Колорадо-Спрингсе, где американцы могли акклиматизироваться задолго до нашего приезда. Исходя из этого, мы и разрабатывали свой тактический план. Но есть порой такие преграды, которые человек бессилен преодолеть.

Перед первенством Советского Союза в Людмилу как клещ вцепился грипп и так и не отступил от нее до конца сезона. Для того чтобы успешно продолжать соревнования, Людмиле необходимо было окончательно поправиться, но интервалы между выступлениями были настолько короткими, что выздороветь она так и не смогла. Нагрузка возрастала от старта к старту. А состояние Людмилы как раз требовало обратного. Мы понимали, что идем на большой риск. Но что же нам оставалось делать? Отказаться от соревнований после первого же выступления?

Возможно, если бы мы руководствовались только личными мотивами, мы бы так и поступили. Но мы считали, что не вправе это сделать. Да, лично мы проиграли первенство, но советское фигурное катание, завоевавшее на чемпионатах Европы и мира все три призовых места, несомненно, выиграло. Сегодня — в парном катании и в танцах. А завтра — будем надеяться — и в одиночном!

Итак, Ленинград. Первый наш чемпионат страны в родном городе. В новом Дворце спорта «Юбилейный» — очень уютном и удобном для соревнований, поскольку в нем рядом с главной ареной расположен тренировочный каток. Этот Дворец — зримое, материальное воплощение нашей давнишней мечты. Есть в создании этого уникального сооружения крупица и нашего труда.

После обязательной программы мы — лидеры. Наступил день произвольной.

Людмила:

— Нет, все-таки какой-то неуловимый разлад был у меня в это время. Это даже трудно передать словами. Иногда перед прыжками — их у нас серия во второй части произвольной композиции — у меня просто немели ноги. Прыгаю — чувствую, не то получается. Олег ворчит, объясняет, нервничает. Он в такие минуты ни себя не щадит, ни партнершу. И я понимаю, что мне надо делать. А сделать ничего не могу. Всегда могла, а тут вдруг не могу...

Олег:

— В нашем виде существует пара. И нет ошибок одного из партнеров. Есть ошибки пары. И только пары. И оценивают выступление пары, а не каждого партнера порознь. И если был срыв, то виноват в нем и я: значит, что-то пропустил, чего-то не понял, о чем-то забыл...

В подобных ситуациях всегда надо помнить об одном очень важном обстоятельстве, и особенно помнить молодым, совсем еще не обстрелянным танцевальным и спортивным парам; стоит только переложить всю ответственность на плечи партнера, стоит только забыть об огром-

ном эстетическом, философском содержании любого спортивного дуэта, как тут же (несмотря на ваше сопротивление) и тренировки, и выступления, и жизнь спортивная (а подчас и не только спортивная) полетят вверх тормашками.

Конечно, совместные выступления учат высокой требовательности. Тут максимализм можно только приветствовать. Но парное катание учит и терпеливости, а еще точнее — терпимости...

Начали мы произвольную программу спокойно. Музыка пробудила, вызвала из тайников памяти знакомые ассоциации. Движения были легкими, скорость набиралась свободно. Но если обычно мы думаем о пути, который нам предстоит пройти в течение пяти минут произвольной программы, спокойно заглядывая в его конец, то на этот раз мы с затаенной тревогой ждали мощных аккордов Пятой симфонии Бетховена. И не напрасно мы волновались. Ошибки! Ошибки в нескольких местах. И даже последняя—эффектная, радостная—комбинация шагов в финале была испорчена...

Какое же впечатление оставило наше выступление? Со стороны виднее. Поэтому лучше предоставим слово спортивному журналисту Аркадию Галинскому, который написал о нас статью в «Советской культуре» в разгар минувшего сезона:

«...в почте «Советской культуры» сразу после окончания чемпионата СССР прозвучало несколько крайне встревоженных голосов. «Нам кажется, что в стиле катания Белоусовой и Протопопова мы имеем дело с появлением нового, совершенно особого жанра, — писала группа читателей из Трубчевска.—Это не просто спорт и не ганцы на льду. Как назвать это искусство? Музыка, воплощенная в образах? Не знаем, но хотелось бы, чтобы оно развивалось. Естественно, что Белоусовой и Протопопову предстоит в самом недалеком будущем уступить место молодежи. Но, с другой стороны, они именно сейчас при-

шли к настоящему пониманию красоты. И обидно будет, если они уступят место молодым из-за прыжков и других чисто технических вещей. Нам кажется, что тут происходит что-то не то. Какое-то втискивание чистого и свободного искусства в жесткие рамки очков»...

...Трюки для них действительно вторичны. Первична же и наиболее важна — законченность пластики и линий. Музыка движений.

И они первыми в мировом фигурном катании довели эту гармонию линий до, говоря словами поэта, «неслыханной простоты». Неслыханной чистоты. Есть такая фигура в парном катании — «ласточка», ее выполняет любой начинающий дуэт. Белоусова и Протопопов довели ее до абсолюта: распадающаяся на пространстве катка фигура сохраняет тем не менее идеальную чистоту линий и, собственно, не распадается, а продолжает рисунок, прочерчиваясь по всей площади льда. Эта плавность, эта музыкальность, художественность фигур делают незаметной, органичной огромную скорость самого катания, которая тоже для них не самоцель.

И эта чистота оборачивается серьезной опасностью для самих спортсменов. Когда ноги мелькают, когда руки машут, когда внешние темп взвинчен до предела, мелкие погрешности, «недоработки» не видны — вихрь танца искупает их. Для тех же, о ком мы ведем речь, невозможны и микроскопические погрешности, мельчайшие ошибки. Они срывают все — их нельзя забыть ни зрителям, ни судьям. Спортсмены выбрали для себя тяжелейший путь, но он не отпугивает молодежь. Это направление в фигурном спорте передается и родственным видам, не связанным со льдом.

Всего две ошибки, небольшие, но такие заметные, стоили спортсменам очень дорого. И в этом нет несправедливости. Повторим же: такова спортивная жизнь!..»

К этому нам хотелось бы добавить вот что. Наш стиль парного катания, отрицающий бьющие по нервам трюки,

основан прежде всего на абсолютном взаимопонимании партнеров, на их идеальной гармонии. Конечно, даже самая крохотная поправка звучит здесь ужасным диссонансом. Так что нам практически безразлично: сорван ли сложный прыжок или допущена чуть заметная потеря равновесия на простейшей «ласточке». Ибо и в том, и в другом случае пропадает ощущение гармонии, а значит, и теряется весь эффект от нашего выступления.

...Окруженные стеной недоумения уходили мы после выступления с арены ленинградского Дворца спорта. Вдвоем закрылись в маленькой артистической уборной на втором этаже «Юбилейного». Сидели молча. На стук в дверь не отвечали. Мы не видели, как заканчивались соревнования. Уже потом мы узнали, что чемпионами страны стали Тамара Москвина и Алексей Мишин, нам достались серебряные медали, а «бронза» — у Ирины Родниной и Алексея Уланова.

На пьедестале почета мы искренне поздравили новых чемпионов, большая часть творческого пути которых прошла рядом с нашим. Мы знали о них почти все, и если было еще что-нибудь нам неизвестное, то, думается, оно может лишь уточнить их уже сформировавшийся, твердый характер.

Им тоже не раз говорили о том, что возраст не позволит добиться высоких результатов, о том, что их стиль — «не тот» и т. д. и т. п. Конечно, о стилях можно и нужно спорить, но ведь преимущества их доказываются в спортивной борьбе.

Москвина и Мишин были настойчивы, азартны, неутомимы. Они пробивали для себя новое русло, и мы старались их поддержать. Вряд ли перемена ролей, когда мы стали экс-чемпионами, жаждущими реванша, способна как-то изменить наши всегда открытые, дружеские отношения.

Тут же в Ленинграде мы были свидетелями рождения новых чемпионов в танцах на льду. Людмила Пахомова

и Александр Горшков в течение двух сезонов преследовали чемпионов страны Ирину Гришкову и Виктора Рыжкина. Этой молодой паре — судя по их рассказам — тоже вначале не раз говорили, что у них ничего не получится и что вообще напрасно такая опытная спортсменка, как Пахомова, взяла в партнеры никому не известного перво-разрядника Горшкова. И вот — ответ скептикам. Гришкова и Рыжкин, не выдержав борьбы, уступают место на верхней ступеньке пьедестала почета Пахомовой и Горшкову. Забегая вперед, скажем, что Людмила и Александр стали затем бронзовыми призерами чемпионата Европы, а на чемпионате мира завоевали серебряные медали, пропустив вперед только чемпионов мира — Диану Таулер и Бернарда Форда (через несколько недель после этих соревнований стало известно, что англичане расстаются с любительским спортом и уходят в ревю). А в 1970 году Людмила Пахомова и Александр Горшков завоевали «золото» чемпионов Европы и мира.

...Совсем немного времени оставалось до первенства Европы, которое проводилось в западногерманском курортном городке Гармиш-Партенкирхене. Затем, практически без всякого перерыва, надо было отправляться за океан. Мы ничего уже не собирались радикально изменять в своих программах. Мы хотели только приобрести желанную устойчивость, улучшить здоровье Люды... И снова пошли одна за одной тренировки, и хорошо, что они были в Ленинграде, а не в каком-нибудь другом городе, потому что дома и отдыхается, и работаете лучше. Но Люда продолжала хворать...

В Гармиш-Партенкирхене мы уже выступали. Было это давно, в 1960 году. Между прочим, известные фигуристы, многократные чемпионы Европы и мира Марика Килиус и Ганс-Юрген Боймлер свой спортивный путь начинали именно здесь. Этому обстоятельству невольно предстояло еще сыграть на чемпионате Европы свою не слишком красивую роль, но мы ведь не ясновидящие и никак

не могли даже предположить, что имена бывших чемпионов ФРГ и наших спортивных друзей будут использованы их земляками для самых неблагоприятных выпадов против нас.

Маленький уютный Гармиш-Партенкирхен. Богатый Гармиш-Партенкирхен. И далеко не такой уж простой и приветливый, мирный, как это может показаться на первый взгляд. Публика сытая и равнодушная, спортивная борьба не привлекает ее.

И вот перед таким залом нам предстояло защищать свое звание чемпионов Европы. И если было у нас после поражения утешение, то это потому, что чемпионами снова стали советские фигуристы — Ирина Роднина и Алексей Уланов, покоровшие всех своей удалю, размахом, энергичностью.

В Гармиш-Партенкирхене Ирина и Алексей катались, как говорится, без сучка и без задоринки — и в обязательной, и в произвольной программах, и мы от всей души поздравили их с огромным успехом.

А мы сами...

Мы повторили печальный «ленинградский вариант», правда в несколько улучшенном виде.

Что было тому причиной?

Опять-таки грипп и осложнения у Людмилы. Шейный радикулит не давал ей возможности поворачивать голову. Были и другие причины срывов...

Болезньчики из западногерманского курортного городка встретили нас свистом, ревом, улюлюканием еще на разминке. Они не давали нам начать произвольную программу. Мы даже музыку почти не слышали. Наш комментатор вынужден был спрятать микрофон под пальто, чтобы советские телезрители не слышали свиста.

А ведь, как мы уже писали, для нас контакт с залом, желание раскрыть перед ним глубину музыки, глубину человеческих чувств, заключенных в музыке и в движениях, — самое главное. Мы ведь к очередной встрече со

зрителем всегда готовимся не только физически или технически. Мы готовимся и духовно, настраивая себя на совершенно определенный лад, мы отбрасываем и забываем все лишнее, ненужное и оставляем только трепетность чистых чувств и желание принести людям радость...

Все это было грубо растоптано в Гармиш-Партенкирхене. Один местный журналист, который впоследствии извинялся за все происшедшее, сказал: «Не огорчайтесь, ведь местные зрители так долго (5 лет) ждали вас, чтобы устроить вам этот дебош. Марика и Ганс были их кумирами, и тем более земляками, а вы их победили в 1964 году...»

Вначале растерявшись, а затем разозлившись, ринулись мы в бой. Но наша программа как раз злости и не любит. Ей нужны тонкость, предельная чуткость и ясность. А они были совсем приглушены. Обнажать их здесь мы просто не могли.

Каков же вывод? Необходимо психологически готовиться так, чтобы даже такой оборот событий не помешал выступлению.

И еще. Никогда не останавливаться на месте. Никогда не удовлетворяться тем, что уже есть. И всегда помнить, что фигурное катание в наши дни непрерывно обновляется и от каждого своего исполнителя требует такого обновления...

Наш третий проигрыш приходится на Колорадо-Спрингс. Здесь пришлось уже довольствоваться «бронзой». И снова в этом американском городе мы столкнулись с проблемой, которую еще придется решать нашим фигуристам.

Колорадо-Спрингс... Ярко-голубое небо почти круглый год. Горы со снежными гребнями и фиолетовыми пиками. Замечательный спортивный комплекс Бродмоор: с гостиницами, спортивными залами, закрытым катком, бассейнами, искусственными озерами, десятками площадок — для гольфа и тенниса...

Словом, богатый курорт, где самый недорогой дом стоит более 10 тысяч долларов, а дорогой — миллион...

Воздух в Колорадо-Спрингсе нежен и свеж, но очень разрежен. Высота ведь все-таки более 2200 метров, и опытные спортсмены хорошо знают, что это значит. На седьмой-восьмой день акклиматизации наступает головокружение, к горлу подступает тошнота, ноги слабеют. И это не только на тренировках, это и просто во время прогулок, и даже утром, сразу после сна. Но и в первые дни тренироваться и выступать трудно: координация не четкая, восприятие приглушенное, и собранности нет. Все чего-то не хватает, все что-то не так.

Например, даже танцевальным парам очень тяжело, а ведь они катаются три с половиной минуты.

Особенно трудно переживают высотную акклиматизацию (это доказано и спортивным опытом многих поколений, и научными анализами) молодые спортсмены, которым нет еще двадцати или чуть-чуть перевалило на третий десяток, а не представители среднего и старшего поколения, чьи организмы уже приобрели устойчивость.

Мы не случайно останавливаемся так подробно на акклиматизационных проблемах. В 1972 году фигуристов ожидает зимняя Олимпиада в Саппоро. И хотя высота этого города над уровнем моря не так велика, как Колорадо-Спрингса, все равно высотная акклиматизация и здесь будет совершенно необходима. Кроме того, стало известно, что столица штата Колорадо — Денвер — выдвинула свою кандидатуру на звание столицы зимней Олимпиады 1976 года. В мае 1970 года Олимпийский комитет принял это предложение. Так что надо быть готовым и к тому, что в недалеком (ведь время мчится так быстро, что и оглянуться не успеешь) будущем придется решать — пусть и не нам уже — те же проблемы акклиматизации. И тут не надо забывать опыт прошлых соревнований.

А теперь о нашем выступлении. Мы чуть-чуть измени-

ли одну часть своей программы, ту, где сгруппированы прыжки. Мы хотели добиться здесь максимальной надежности, и тренировки показывали, что мы ее в принципе добились. Но тренировки — одно, а соревнования...

Что же все-таки в конструкции нашей пары дало трещину? Ведь через какой-нибудь месяц после чемпионата мира, выступая на Кубке СССР, мы показали свой самый лучший вариант программы (произвольной, естественно), выполнив ее без помарок...

Темно-коричневые своды зала — то ли от сигарного дыма, который клубами поднимается вверх, когда зал переполнен, то ли просто потемнело дерево от возраста и накала спортивных страстей. Судьи сидят за бортиком, чтобы не помешать спортсменам — уж больно узка площадка, гораздо уже своих европейских сестер. Мы не видим лиц арбитров. И не стараемся их рассмотреть. И вообще, нам не до судей, мы их никогда перед началом соревнований не видим.

С обязательной программой мы справились достаточно уверенно. Но была одна небольшая ошибка. И судьи ее не пропустили. Впрочем, и пропустить ее они никак не могли. Даже в газетах публиковались фотоснимки, сделанные на тренировках ведущих пар. Одних фоторепортеры запечатлевали во время простеньких «дорожек», других — во время эффектных поддержек, а нас — «поймали» во время неудачного прыжка Людмилы на одной из самых первых тренировок. И хотя затем мы сделали двойной «тулуп» уверенно и ни о какой грубой ошибке во время его исполнения и речи быть не могло, тем не менее внимание акцентировалось именно на этом техническом элементе, и помарка, за которую ранее не сняли бы и десятой доли балла, отодвинула нас на второе место...

Здесь читатель — и, возможно, уже не в первый раз — спросит: а почему Белоусова и Протопопов все о себе да о себе говорят, а о других, в том числе и о новых советских «звездах», рассказывают сравнительно мало? По-

этому повторяем: мы обычно не наблюдаем за тем, как выступают наши соперники, чтобы не затрачивать нервную энергию. Правильно мы делаем или неправильно — это другое дело. Возможно, сейчас мы несколько пересмотрим свою точку зрения, но и при этом главное останется главным: мы не собираемся заниматься исследованием того, что уже самым тщательным образом изучили. Откровенно говоря, сугубо технических новинок появилось очень мало, и большинство из них не носит принципиального характера. Существенные перемены может внести только новый стиль, новая трактовка известных технических приемов. Пока мы этого не видим ни у одной пары. А вот если бы заметили, то, ручаемся, немедленно и на пленку сняли бы таких спортсменов, и все детали техники, композиционные приемы разобрали бы, как говорится, по косточкам.

...После выполнения обязательной программы, как уже известно, мы вышли на второе место и у нас оставались еще «шансы», в случае успеха, перейти на первое. Тем более что по жребию мы должны были кататься последними, а Роднина и Уланов выходили на лед первыми в группе сильнейших.

Ссылаясь на отчет в «Советском спорте» и рассказы других спортсменов из советской команды, мы можем написать здесь, что Ирина и Алексей сделали все, чтобы укрепить свое положение. Они облегчили ряд сложных мест, даже выбросили некоторые сложные поддержки. И, очевидно, поступили, рассчитав свои силы и учтя данную обстановку, верно, хотя эффект от такого выступления был явно заниженным. Но тут уж было не до «театральной картинки».

Никто на нее не обратил бы внимания. Спортсмены сделали все, что оставалось в программе, чисто, четко, и судьи сразу же поставили им оценки чрезвычайно высокие.

Мы знали об оценках И. Родниной — А. Уланова,

Т. Москвиной — А. Мишина и Кауфманн. Нам терять было нечего. И мы сразу же открыли все свои лучшие карты. Зал замер. Но уже на вступлении к «Лунной» — аплодисменты.

Вначале казалось, что все идет, как на Олимпиаде в Гренобле, хотя дышать было тяжело с самого начала. Скованности не было, она наступила позже. Мы очень хорошо исполнили первую часть и специфические парные элементы — «спираль жизни», поддержку на одной руке с поворотом. Появилась надежда, что все далее пойдет хорошо.

Но факт остается фактом: прыжки снова не удались, и «голос» в заключительных оптимистических нотах у нас сорвался на пронзительный «фальцет». Мы уезжали со льда, не желая оставаться на нем более ни секунды. Мы смотрели правде в глаза, а она, беспощадная, как лучи прожекторов, высвечивала все наши промахи...

Тамара Москвина и Алексей Мишин, выступавшие с невероятным подъемом, были единственными, кому в тот вечер удавалось все. Их оценки оказались выше, чем у нас. Они передвинулись на «серебряную» ступеньку, мы остались на «бронзовой». А Синтии и Рональду Кауфманн досталось лишь четвертое место.

Вот, кажется, и все, что можем мы написать о выступлении в том самом Колорадо-Спрингсе, где мы впервые стали чемпионами мира и где мы утратили это звание на 1969 год.

Несмотря на любезное приглашение Американской федерации фигурного катания и ИСУ, мы вынуждены были отказаться от участия в традиционной гастрольной поездке сильнейших фигуристов по Америке и Канаде. Поездка эта была рассчитана почти на целый месяц, а затем предстояли еще выступления в ФРГ и ГДР, концерты в Москве, Ленинграде и Киеве. Вообще, турне такого рода — дело чрезвычайно приятное и заманчивое. Многотысячные залы, восторженная публика, новые города и

страны. Но это было не для нас. Мы были истощены и физически, и морально: сказались тревожные последние недели. Но главными причинами отказа были болезнь Люды и наше желание в спокойной обстановке, дома, поразмыслить обо всем происшедшем, проанализировать причины неудачного для нас сезона и, восстановив силы, немедленно снова взяться за тренировки.

На этом можно было бы и закончить эту главу, но, пока книга готовилась к печати, произошли события, не рассказать о которых просто нельзя.

Чемпионат страны 1970 года. Чемпионат, закрывший нам дорогу на первенства Европы и мира. Ибо лишь призовое место здесь является «пропуском» на дальнейшие состязания. Мы же на чемпионате СССР в Киеве были лишь четвертыми, пропустив вперед И. Роднину и А. Уланова, Л. Смирнову и А. Сурайкина, Г. Карелину и Г. Проскурина.

Наша подготовка к этому чемпионату страны началась сразу же после окончания предыдущего сезона. Мы отлично понимали, какое значение имеет сезон-70 для нас, для нашего спортивного будущего, и, подвергнув самому тщательному критическому анализу наши последние выступления, сделали крайне необходимые для себя выводы.

Это вовсе не означало, что в нашей подготовке произошли какие-то коренные изменения. Вовсе нет. Мы остались верны своему стилю, своей «раскладке сил», своему графику, который должен был помочь подойти к важнейшим стартам во всеоружии.

Пожалуй, самые явные следы преобразования проглядывались в нашей обязательной программе. Мы взяли для нее современную обработку русской народной песни «Ямщик, не гони лошадей» и постарались создать на эту музыку цельную, законченную миниатюру.

Дебют этой программы — в Киеве — принес нам успех. Мы оказались после нее на первом месте. Обяза-

тельная программа рождала в нас чувство уверенности, особой легкости, раскрепощенности. Что может быть приятней для спортсменов!

Наши основные конкуренты в первый день выступали неудачно. И. Роднина и А. Уланов были лишь в конце восьмерки, Л. Смирнова и А. Сурайкин тоже оказались за пределами лидирующей тройки. Вплотную за нами держались Г. Карелина и Г. Проскурин.

И вот наступил день, перечеркнувший все наши планы. День, оставивший у нас чувство горечи и сожаления.

Состязания по произвольной программе транслировались по телевидению. Их видело, вероятно, большинство читателей этой книги, и нет смысла сейчас в деталях возвращаться к сложному течению борьбы. Лишь одну программу (у ведущих пар) не наблюдали телезрители — И. Родниной и А. Уланова, которые выступали в первой группе спортсменов, занявших после выполнения обязательной программы места в нижней половине турнирной таблицы.

Мы не помним в истории фигурного катания случая, чтобы пара, оказавшаяся так далеко от лидеров, сумела бы выйти затем вперед. Но сейчас мы ограничимся лишь констатацией этого факта. Кроме И. Родниной и А. Уланова, впервые ставших чемпионами страны, скачок вперед совершили также Л. Смирнова и А. Сурайкин. Им — тоже впервые — вручались серебряные медали. Бронзовые награды достались Г. Карелиной и Г. Проскурину. И тоже — впервые.

Мы же опустили вниз сразу на три ступеньки.

Говорят, что мы допустили слишком много ошибок...

Говорят, что на оценки повлияло то обстоятельство, что наш стиль якобы устарел...

Говорят...

Да стоит ли сейчас повторять утверждения, многие из которых при ближайшем рассмотрении видятся нам либо поверхностными, либо просто преждевременными. Мы

не собираемся сегодня все эти утверждения разбирать или анализировать всерьез. Мы можем ответить на них только как спортсмены — ДЕЙСТВИЕМ! Ответить новыми программами. Новыми успешными выступлениями.

Сразу же после чемпионата мы стали получать множество писем с одним и тем же вопросом: как это все случилось, почему вы оказались четвертыми?

Что могли мы ответить любителям фигурного катания?

Да и должны ли были отвечать, так сказать, в письменном виде, пока остаемся в строю действующих спортсменов?

И еще одна любопытная деталь. Один из арбитров после состязаний написал в одной из газет, что он заметил у Белоусовой и Протопопова ошибку при выполнении ими своего коронного элемента — «тодеса». Прочитав это заявление, мы лишь с горечью улыбнулись. Дело в том, что ни о каком срыве «тодеса» и речи не могло идти, потому что срыва не было. А было новое оригинальное соединение двух спиралей — «спирали смерти» и «спирали жизни». Переход из одной в другую — совершенно непривычный для глаза — и был воспринят арбитром как техническая ошибка.

Нам остается только с сожалением констатировать, что, как и раньше, у нас нет конструктивного обмена мнениями между судьями, тренерами и ведущими спортсменами, который помог бы избежать подобных ошибок при оценке новых и сложных технических элементов.

И еще: сложившаяся на чемпионате ситуация не ожесточила нас, а просто подхлестнула. Вздуроражила. Заставила еще больше трудиться в поисках наиболее верных и ярких решений.

После первенства страны был очередной чемпионат Европы. В Ленинграде. У нас дома, в городе, который мы бесконечно любим. Мы в неоплатном долгу перед ленинградцами, которые были свидетелями и наших первых

робких успехов, и больших побед на мировых первенствах. Мы всегда чувствовали добрый взгляд земляков, деливших с нами и радости, и огорчения. И вот чемпионат Европы в Ленинграде. Впервые. И мы, конечно, отдавали себе отчет, что вряд ли в нашей спортивной жизни еще раз предоставится такая возможность — выступить в родных стенах, отблагодарить ленинградцев за их любовь к нам, сделать их прямыми очевидцами нашей борьбы. Да, это была единственная возможность. И она была потеряна. После всесоюзного первенства...

И все-таки мы могли бы выступить на чемпионате Европы в Ленинграде. Могли бы, если бы пошли на сделку со своей совестью, если бы презрели те спортивные принципы, которые отстаивали в течение всей своей жизни в спорте.

На очередном заседании Федерации фигурного катания СССР, где окончательно определяется состав сборной команды страны для выступления на европейском первенстве, нам — правда, в несколько «завуалированной форме» — было предложено занять место пары, завоевавшей третье место на первенстве страны.

Не сомневаясь в своей готовности к европейскому чемпионату (а впоследствии и к мировому), мы тем не менее не колебались с ответом.

Мы могли ответить только отрицательно.

Мы уже за год до этого, в письме, опубликованном на страницах газеты «Правда», изложили свою точку зрения на принципы формирования сборной команды (тогда Владимира Куренбина, занявшего на чемпионате страны второе место, заменили фигуристом, который был лишь пятым).

Словом, мы не привыкли занимать места в сборной по протекции. Мы привыкли всегда честно бороться на ледяном поле.

Итоги сезона 1970 года общеизвестны снова чемпионками Европы и мира стали И. Роднина и А. Уланов, а се-

ребряные медали достались ленинградцам Л. Смирновой и А. Сурайкину, добившимся такого успеха с первого захода. Видимо, и в мировом фигурном катании проявляются какие-то новые процессы, свидетельствующие о том, что время «выдерживания» молодых фигуристов резко сокращается. Приятно при этом видеть, что в роли ниспровергателей традиций выступают молодые советские фигуристы. Вдвойне приятней, что среди них и наши земляки, которым советом и делом мы помогали в начале их пути.

Все, о чем мы сейчас пишем, это лишь самый беглый, самый хроникальный анализ событий. И мы еще не раз, вероятно, будем к ним возвращаться — ибо пищи для выводов, для размышлений о тенденциях нашего быстро развивающегося фигурного катания хоть отбавляй.

Глава об одном из тех животворных источников, где мы черпаем дополнительные силы

Почтальоны нас посещают очень часто.

Дня, пожалуй, не бывает, чтобы они не приносили нам очередной пакет писем. Особенно много их после соревнований или показательных выступлений, которые транслируются по телевидению. Впрочем, теперь редко бывает так, чтобы соревнования фигуристов не допускались на голубой экран. Соответственно и поток писем возрастает год от года. И все-таки такого количества, как в 1969 году, мы их никогда не получали.

Письма бывают разные.

В подавляющем большинстве — откровенные, уважительные. Это письма-раздумья, письма-советы. Как будто пишут старые и добрые друзья, которые не могут не написать нам.

Конечно, встречаются и другие письма. Редко, правда, очень редко и всегда — анонимные. О письмах-оскорблениях, расчеты неизвестных авторов которых совершенно понятны: ну, почему бы не «пощекотать нервишки накануне старта!», — говорить и писать не хочется. Но и они обычно играют свою роль: они нас делают по-спортивному злее, они заставляют нас еще более собираться.

Впрочем, вернемся к тем письмам, которые служат для нас источником вдохновения, источником, в котором мы черпаем дополнительные силы. Какими родными и желанными кажутся они нам. Мы всегда бережно раскладываем их на столе: огромная пачка разноцветных конвертов с яркими марками и со штампами военной почты. Часть из

них попала к нам после длительного путешествия по различным организациям: ведь пересылаются они нам и Центральным, и Ленинградским телевидением, и редакциями многих газет и журналов. А кроме того, есть письма, на которых только и значится: «Ленинград, Людмиле и Олегу». И они тоже находят адресатов. Всегда находят.

Конечно, трудно ответить всем, кто нам пишет. Мы ведь иногда месяцами не бываем в Ленинграде, и тогда писем накапливается целый мешок. Ну что ж, тем приятнее их потом разбирать, тем приятнее читать в них слова искренней поддержки, слова искренней заботы и любви к нам. После таких писем хочется работать еще серьезнее, хочется кататься так, чтобы еще и еще раз принести людям радость. Каждое письмо — как маленький неоплаченный аванс, и мы стараемся, чтобы ни один наш поклонник не остался обойденным.

Вот и снова перед нами целая груда писем. Часть из них принесла почта еще в те дни, когда закончился чемпионат страны, где нам достались серебряные медали, а некоторые совсем свежие. Мы выбираем из них первое попавшееся.

«Дорогие Людмила и Олег!

Я испытываю чувство огромной благодарности к вам за ваше неповторимое искусство...

В жизни каждого человека бывают взлеты и временные спады, и лишь настоящие бойцы не боятся неудач. А то, что вы — бойцы мужественные, доказывает вся ваша многолетняя спортивная жизнь. Есть разные чемпионы, но вы из тех, на чьем опыте будет учиться не одно поколение молодых спортсменов, и не только учиться, но и воспитывать в себе лучшие качества граждан нашей страны.

Глубоко верю в то, что ваша спортивная лебединая песня еще не будет спета много лет, что такие бойцы, как вы, еще и еще раз докажут, что они лучшие из лучших!..

Верю и желаю побед! Н. Ершова, г. Новочеркасск».

Перебираем десятки писем, пришедших, как и это, в дни между чемпионатами, и все они, хотя и написаны по-разному, очень похожи друг на друга. Оптимистические, искренние, доброжелательные, пронизанные подлинной заботой о нас, о наших спортивных и творческих достижениях. Пишут врачи и педагоги, рабочие и солдаты, ученые и актеры. Иногда — целые семьи. Иногда — дети, часто — пенсионеры. Бывает, что в конце письма — десятки подписей, целые коллективы лабораторий, мастерских или предприятий.

«Людочка! Мы верим в Вас и Олега, верим сейчас не меньше, чем год или месяц назад», — пишут нам два кандидата наук из города Краснодара — Т. Жукова и В. Бочарникова.

Нам стараются помочь советом.

С нежностью необыкновенной читаем письмо тринадцатилетней москвички Оли Алисовой.

«Дорогие Людмила и Олег!.. Я аккуратно слежу за вашими выступлениями и получаю огромное удовольствие. Особенно мне близка та музыка, под которую вы катаетесь. Я учусь в музыкальном училище имени Гнесиных. Играла несколько фортепьянных сонат Бетховена и очень полюбила этого композитора. Я решила побеспокоить вас письмом, так как часто, играя ряд произведений, представляю себе вас на льду. Особенно в первой части фаминорной фантазии Мендельсона, которая начинается длинным арпеджио, бурно выливающимся в напевную грустную мелодию... А почему бы вам не исполнять Баха? Хотя бы Прелюдии «Хорошо темперированного клавира», например соль минор (№ 16, том I)....»

Спасибо тебе, заботливая Оля Алисова!

Спасибо вам, тысячи и тысячи незнакомых, но таких близких нам советских людей! Мы еще подарим вам новые наши произведения!

А вот история, несколько даже похожая на детективную.

В течение нескольких лет мы получали письма от одной нашей ленинградской болельщицы. Чувствовалось, что пишет их человек тонкой души, впечатлительный и открытый. Она видела все телевизионные репортажи с соревнований, где мы участвовали, посещала ленинградский Дворец, когда там шел чемпионат страны. Мы получали много писем от нее, но познакомиться нам так и не удалось.

В течение всей весны 1969 года мы очень напряженно тренировались в Ленинграде, на катке Дворца спорта. Сквозь его стеклянные стены к нам часто заглядывало солнце. И даже если набегали тучи и моросил дождь, все равно было уютно и хорошо: ведь мы наконец могли вволю потренироваться в своем родном городе.

Однажды мы заметили женщину, стоявшую за стеклом и внимательно следившую за каждым нашим движением. Потом мы привыкли к нашей постоянной зрительнице. И если она почему-то не появлялась в привычное время, мы уже чуточку расстраивались.

Обычно эта женщина была одета в зеленое пальто. Мы так и называли ее: незнакомка в зеленом.

А совсем недавно к нам пришло письмо от постоянной нашей поклонницы:

«Дорогая Людмила!

Не могу не написать вам слов самой горячей благодарности за ту радость, которую вы подарили мне вчера вечером...

Могла ли я ожидать, что еще раз в этом году увижу «Лунную сонату» и еще столько прекрасного!

...Я смотрела все эти дни на ваши тренировки, и очень боялась показаться навязчивой и любопытной. Я, наверное, не решилась бы прийти, если бы Олег, выступая в Центральном лектории 25 апреля, не сказал, что вы не против, чтобы на вашу обычную работу смотрели те зрители, которым действительно интересны ваш труд, ваше творчество.

Я никогда не забуду этих дней: на глазах рождалось новое, из крошечных кусочков возникало нечто цельное, и хотя я не знаю, какой будет новая программа, понимаю, что она будет такой же интересной, безупречной, как и все, что вы делаете.

Конечно, я и раньше знала, читала, какой огромный, какой тяжелый Ваш и Олега труд. Но одно — читать, другое — видеть. И этого я тоже не забуду.

От всего сердца желаю Вам и Олегу мужества и здоровья. Очень хочу, чтобы вы отдохнули летом, это ведь так нужно после такого трудного года...

Еще раз спасибо за вчерашний вечер.

С самым искренним уважением и любовью Н. Кяо».

Так вот, значит, кто Вы, наша таинственная незнакомка...

А иногда зрители и наши корреспонденты присылают нам даже целые теоретические исследования. И знакомиться с ними тоже очень интересно, так как видишь, насколько выросло понимание спорта вообще и фигурного катания в частности. Вот один из характерных образцов такого рода писем. Письмо было прислано из г. Новомосковска Тульской области Д. и А. Блиновыми.

«Мы решили написать, что мы и, надо полагать, многие другие любители фигурного катания думаем о вашей роли в этой области.

Фигурное катание на льду уже вышло за рамки спорта... Вы — настоящие артисты, художники. Вам совершенно недостаточно утверждать и пропагандировать свое искусство, выступая несколько раз в году на соревнованиях. Это, как нам кажется, в значительной степени умаляет ваше искусство. Представьте себе, что было бы с самыми выдающимися нашими исполнителями в области балета или музыки, если бы они выступали только на ответствующих конкурсах! Не из этого ли вытекает ваша уязвимость и ранимость, как это и проявилось в последних сражениях?

Нам кажется, что вам необходимо создать свою художественную школу, свой коллектив и выступать с ним систематически как солисты и художественные руководители. Только так вы окончательно утвердитесь со своим направлением в фигурном катании на льду...»

Вот ведь какие рекомендации нам даются. И как беспокоятся авторы письма о будущем нашего стиля. И хотя они уже не видят четкой границы между спортом и искусством, но мы сами ее знаем хорошо. И пока не желаем расставаться со спортом.

Мы остаемся в спорте, потому что спорт, помимо всего прочего, помогает нам утверждать наше направление, помогает на каждом состязании демонстрировать то, что несет с собой наше понимание фигурного катания, наше понимание музыки, наше понимание жизни.

Мы могли бы сейчас цитировать письма до бесконечности. И нам очень радостно, когда, читая письмо старой учительницы, мы узнаем, какое воспитательное значение имеет фигурное катание и как оно влияет на умы школьников, когда, читая строки, принадлежащие семье актеров или немолодой уже пианистке, узнаем, что наши выступления помогли в чем-то и им, когда...

Снова звонок у двери.

Это пришел почтальон, ленинградский почтальон. С толстой сумкой на ремне. С десятками новых писем в ней. С тысячами новых радостных слов, замечательных — пусть даже и заочных — знакомств, которые переполняют наши сердца счастливым ощущением жизни и своей необходимости людям.

Глава о тех, кто помогал нам не жалея ни сил, ни времени, о людях хороших

Прежде всего о наших родителях.

Мама Олега — Агния Владимировна. Человек всегда чем-то увлеченный. Когда мы стали тренироваться вместе и понадобилась ее помощь, она влюбилась в фигурное катание. Влюбилась так, что сама надела коньки. Влюбилась так, что сейчас вообще не мыслит себя вне спорта. И будучи уже женщиной совсем немолодой, решила сама стать спортсменкой, и теперь купается всю зиму в ледяной воде...

Агния Владимировна была балериной.

В искусстве не важны чины и звания. Теперь мы это понимаем совершенно отчетливо. Удивительно правильно и совершенно незаметно направляла Агния Владимировна, наша мама, наше эстетическое, художественное воспитание.

Часто мы спорили.

И не только на катке.

Мы горячились. И она тоже. Мы искали истину для себя. И она искала вместе с нами. Ей, очевидно, было трудно. Да разве она признается когда-нибудь, как ей было трудно!

Чем старше становишься, тем лучше хочешь понять другого. Душу своей матери, наверное, понять труднее всего: слишком уж много личного и привычного и даже обязательного есть между нами. Кажется, все ясно, все

понятно, но попробуешь поставить себя на ее место — и теряешься, и не знаешь, что делать. А ведь так вроде бы просто...

Агния Владимировна была нашим первым балетмейстером. А это ведь для нас то же самое, что и первый учитель. Кто из нас может забыть первого учителя и его советы?!

Маленькая светловолосая женщина, сколько в тебе мужества, сколько героизма! Ты перенесла ленинградскую блокаду, оставшись одна с мальчишкой на руках! Ты вынесла годы испытаний, нелегкой кочевой артистической жизни. Ты вынесла годы славы твоих детей. И готова их поддержать — всем своим сердцем — в трудные, переломные времена.

В одном из писем Марины Цветаевой мы нашли замечательные строки:

«Твоя мать... та самая мать из средневекового стихотворения — помнишь, он бежал, сердце матери упало из его рук, и он о него споткнулся. А сердце сказала ему: «Не ушибся ли ты, малыш?»».

И подумали: это ведь и о наших мамах сказано...

А какой ужасный сюрприз приготовили мы в январе 1969 года Агнии Владимировне в Ленинграде. Радостная, приподнятая, сразу помолодевшая на добрый десяток лет, сидела она во Дворце спорта. Или нет, не сидела. Места себе не могла найти. Ходила от фигуриста к фигуристу, от тренера к тренеру — все слушала, что говорят о ее родной паре.

А мы проиграли... Но наша мама простила нас, и продолжает в нас верить.

А сколько бессонных ночей провели мама и отец Людмилы, Наталья Андреевна и Евгений Георгиевич, подготавливая нас к соревнованиям, к длительным поездкам за границу.

Родители Людмилы — старые коммунисты. Отец — кадровый военный, прошел всю Великую Отечественную...

Теперь он и Наталья Андреевна все свое свободное время отдают нам. Несколько лет назад семья Людмилы жила в двух крохотных комнатках. И все-таки нам всегда был готов здесь и стол и дом. Наталья Андреевна любила повторять: «В тесноте, да не в обиде...».

Конечно, ей доставалось больше всех, забот по хозяйству прибавлялось сверх всякой нормы. Но она всегда была веселой.

Наталья Андреевна и Евгений Георгиевич собственным примером прививали своим дочерям с раннего детства самые высокие нравственные начала. Это не могло не сказаться впоследствии и на нашем понимании, на нашем отношении к спорту, к борьбе, которая идет в нем беспрерывно.

Когда мы пишем эти строки, Наталья Андреевна и Евгений Георгиевич рядом с нами. Мы — в гостинице, а они неподалеку, в доме, окруженном садом, снимают комнату. Мы уезжаем вместе в лес. И там Наталья Андреевна отправляется всякий раз в заросли и без усталости ищет лечебные травы, листочки: «Возьмите, дорогие мои, из этой травки настой душистый получается, для здоровья, для свежести всегда замечательный!».

И так покойно, так славно чувствуешь себя рядом с ними!

А Рая, сестра Людмилы...

Олег:

— Помню, как однажды, в 1962 году это было, готовила она нас к отъезду за границу на соревнования. Все уговаривала: «Спите, ребята, спите», а сама сидела всю ночь и дошивала наши новые костюмы. Проснулся ночью и вижу — строчит без усталости Рая на машинке да нитки покупывает.

Одела утром нас. Поцеловала. Глаза красные после бессонной ночи. Но на работу надо идти. Пожелала успехов и пошла...

И так было не раз и не два.

И если мы добились успеха в фигурном катании, то была в этом и заслуга нашей Раи...

Иногда думаешь о своих спортивных достижениях и так и хочется сказать не свои, а наши. Потому что мы отлично понимаем, что они являются достижением многих и многих тысяч людей, они как бы концентрированный успех — и не только нашего спортивного движения, а всего, что дает нам любимая Родина.

Нашим победам помогали коллективы катков, где мы готовились к состязаниям и где мы выступали; заботливые повара и официантки, которые старались лучше нас накормить — во время сборов и тренировок и во время соревнований; портные и сапожники специальных ателье, которые создавали нам экипировку; и еще десятки, казалось бы, незаметных людей, всегда готовых помочь нам и словом и делом.

Нас поддерживали все эти годы тысячи болельщиков, присылавших нам свои письма. О них мы рассказывали отдельно.

Нам помогали и специалисты и неспециалисты, влюбленные в фигурное катание и желающие ему добра.

С одним из таких помощников — несколько неожиданным — мы вас сейчас и познакомим.

...Урчит мотор маленького ледяного утюжка — заливающая машина неумоимо лавирует по катку, оставляя за собой чуть дымящийся влажный след. Только что закончилась тренировка. После нее вся поверхность льда безжалостно изрезана. Вот здесь сделал прыжок одиночник — во льду просто яма образовалась. Вот здесь не слишком опытный фигурист резко затормозил — снова след, кажущийся неизгладимым. Правда, для постороннего все это почти незаметно: подумаешь, след остался, да еще присыпанный снежной пылью так, что и не видно его вовсе. Но для фигуриста-мастера изрезанный лед помеха. Мы ведь каждую выбоинку, каждую шероховатость ощущаем всей ступней. Это у всех фигуристов рано или позд-

но вырабатывается такое тончайшее осязание. После проката программы мы иной раз все царапинки на льду можем пересчитать.

Заливочная машина — чудо современной лакировальной техники. Мы ведь помним еще времена, когда на открытых катках рабочие стадиона скребли лед специальными скребками и затем заливали его из шланга или из бочки на саночках. Впрочем, на простеньких катках и сейчас ничего не изменилось.

За рулем машины — Саша Смирнов. Лихой водитель. Правит чуточку небрежно. Но глаза — внимательные. Он тоже, как и мы, чувствует на льду каждую выбоинку.

Заливщик катка — профессия не такая уж легкая, как это может показаться на первый взгляд. Тут тоже требуется особое мастерство. Начнешь торопиться,пустишь побольше воды на лед — и уже стоят на нем лужи, и уходит драгоценное тренировочное время. А можно и вообще почти без воды обходиться: выходи, спортсмены, на лед сразу. А лед-то плохой. Так и остался с «сучками».

Словом, заливщик льда фигуристу верный помощник.

Саша Смирнов именно такой работник. Но и еще кое-что у него в характере есть.

Саша — и гимнаст отличный, и музыкант талантливый, в любительском джаз-оркестре на трубе играл...

Познакомились мы с Сашей в конце 1961 года. В Москве тогда открылся новый Дворец спорта ЦСКА. В Ленинграде же был только крохотный искусственный каток. Руководители общества «Локомотив» отлично понимали наше положение и, несмотря на дороговизну аренды, послали в ЦСКА просьбу предоставить нам в предсоревновательные дни время для тренировок. Директор Дворца Г. С. Черкасский пошел нам навстречу.

И вот мы начинаем тренироваться в Москве. У нас тогда еще, как вы знаете, тренера не было. Обстановка была непривычной: нелегко привыкать к такому большому катку. И мы много спорили.

А времени до первенства Европы оставалось все меньше и меньше.

Важно было, чтобы кто-нибудь со стороны посмотрел на нас и хотя бы об общем впечатлении рассказал.

И мы попросили однажды понаблюдать за нами Сашу Смирнова.

Он согласился.

И тут же выяснилось, что и глаз у него цепкий, наметанный — с гимнастикой, с миром отточенных движений как-никак хорошо знаком, и слух — великолепный.

«Эта поза мне понравилась, а вот здесь нет синхронности, а вот здесь...»

Мы слушали Сашу внимательно и старались исправить те ошибки, которые он замечал.

Иной раз посмотрим мы на расписание и видим: поздно сегодня заканчивает Саша работу, после полуночи. Значит, не придет он завтра, будем кататься сами. А тренировались мы с шести часов утра, сразу после открытия Дворца.

И вот приходим без четверти шесть на каток. Пусто. Тихо. Уборщицы только швабрами шуршат. Быстренько переодеваемся, коньки на ноги. Шнуруемся. И на лед. А у бортика уже стоит Саша.

— Привет, Саша! Привет рабочему классу!

И на душе сразу лучше. Кататься радостнее.

В том сезоне мы стали серебряными призерами первенств Европы и мира.

...С 1962 и по 1968 год основную часть ледовой подготовки нам приходилось делать в Москве. Тут и выкристаллизовывались наши программы. Тут обычно мы и показывали их впервые. Но были два зрителя, которые новые наши программы видели и оценивали раньше всех.

Эти зрители — Татьяна Александровна Толмачева и Александр Федорович Толмачев. Десятикратные чемпионы страны в парном катании. Обладатели рекорда, который вряд ли когда-нибудь будет повторен.

Мнением Татьяны Александровны и Александра Федоровича мы очень дорожим. Помимо всего прочего, Татьяна Александровна — одна из самых опытных судей в мировом фигурном катании. И ее мнение вообще чрезвычайно важно.

В течение длительного времени Татьяна Александровна является руководителем подготовки многих талантливых спортсменов. Путевки в большой спорт у нее получали Е. Щеглова, Г. Гржибовская, С. Четверухин... Некоторые из ее воспитанников уже сами стали воспитателями фигуристов. Например, Елена Чайковская (Осипова) — один из тренеров нашей сборной, а другая ученица — Ирина Голощапова возглавляет ревю на льду. В общем, знаток фигурного катания Татьяна Александровна прекрасный. И несмотря на всю свою занятость, она все-таки всегда находила время, чтобы прийти на наши «генеральные репетиции» и благословить наши постановки.

А вот еще одна наша искренняя помощница: Галина Евгеньевна Кениг. В прошлом балерина. Хореограф. Лет пятнадцать уже работает она с фигуристами, и опыт, который она приобрела, неоценим.

Особенно важно было для нас сотрудничество с Галиной Евгеньевной накануне Олимпиады в Гренобле. При создании новой программы, в особенности первой ее части («Лунная соната»), нам было крайне необходимо, чтобы на тренировках присутствовал именно такой знаток, который, посмотрев композицию, мог бы затем ясно и точно высказать нам не только свое мнение по поводу технического исполнения, но и рассказать о своем сугубо чувственном, эмоциональном, художественном восприятии. Галина Евгеньевна была зрителем экстра-класса. Тем тщательнее готовились мы к каждой тренировке, тем энергичнее «правили» программу, добываясь максимального впечатления от каждого своего жеста.

Галина Евгеньевна была неутомима. Она заряжала нас своей энергией.

Каждый раз, когда нам было особенно трудно, Галина Евгеньевна появлялась на катке. И когда мы проиграли на чемпионате страны в Ленинграде, она снова приехала к нам. И вместе мы готовились к выступлениям на чемпионатах мира и Европы.

Мы уже писали о том, что наш тренер Игорь Борисович Москвин после Гренобля полностью переключился на работу с Тamarой Москвиной и Алексеем Мишиным. Но мы не остались на этот раз одни. Кроме Галины Евгеньевны рядом с нами были первый тренер Олега Н. Леплинская и способная в прошлом фигуристка Е. Попова (Горбунова). Они часами стояли за бортиком, делясь своими впечатлениями о каждом нашем жесте, о каждом нашем движении...

О людях, которые нам искренне и бескорыстно помогали все эти годы — и до того, как стали мы чемпионами, и когда мы взошли на первую ступеньку, и когда мы сошли с нее, — можно было бы написать отдельную книгу. Мы помним о каждом добром слове, о каждом добром совете...

Вместо эпилога

И вот мы расстаемся с вами, наши дорогие читатели, наши друзья и наши болельщики. Мы рассказали вам все или почти все, что хотели и что могли сейчас сказать. И мы надеемся при этом, что при следующей встрече — то ли на страницах книги или журнала, то ли в огромном сверкающем Дворце спорта — нам будет что рассказать вам о наших новых поисках, наших новых задумках и планах.

И еще мы надеемся, что расстаемся совсем ненадолго.

«Труба в поход зовет!» И мы готовы к трудностям нашей походной, нашей боевой спортивной жизни.

Чистое ледяное поле лежит перед нами.

Новая страница нашей ледяной повести.

Еще не заполненная страница.

Мы снимаем чехлы с коньков.

Мы выезжаем на лед.

И две тонкие параллельные линии — след, оставленный «ласточкой», — как заглавная буква нового раздела нашей спортивной биографии.

Приложение

Чемпионы олимпийских игр

Анна Хюблер — Генрих Бургер (Германия) — 1908 г.
Людовика Якобсон — Вальтер Якобсон (Финляндия) — 1920 г.
Элен Энгельман — Альфред Бергер (Австрия) — 1924 г.
Аннин Жоли — Пьер Брюне (Франция) — 1928, 1932 гг.
Макси Хербер — Эрнст Байер (Германия) — 1936 г.
Мишлен Ланнуа — Пьер Бонье (Бельгия) — 1948 г.
Риа Фальк — Пауль Фальк (ФРГ) — 1952 г.
Элизабет Шварц — Курт Оппельт (Австрия) — 1956 г.
Барбара Вагнер — Роберт Поул (Канада) — 1960 г.
Людмила Белоусова — Олег Протопопов (СССР) — 1964, 1968 гг.

Чемпионы мира

Анна Хюблер — Генрих Бургер (Германия) — 1908, 1910 гг.
Филлис Джонсон — Джеймс Джонсон (Великобритания) — 1909, 1912 гг.
Людовика Эйлерс-Якобсон — Вальтер Якобсон (Финляндия) — 1911, 1914, 1923 гг.
Элен Энгельман — Карл Мейстрик (Австрия) — 1913 г.
Элен Энгельман — Бергер Альфред (Австрия) — 1922, 1924 гг.
Герма Планк-Сабо — Людвиг Вредэ (Австрия) — 1925, 1927 гг.
Анни Жоли-Брюне — Пьер Брюне (Франция) — 1926, 1928, 1930, 1932 гг.
Лили Шольц — Отто Кайзер (Австрия) — 1929 г.
Эмилия Роттер — Ласло Соллаш (Венгрия) — 1931, 1933—1935 гг.
Макси Хербер — Эрнст Байер (Германия) — 1936—1939 гг.
Мишлен Ланнуа — Пьер Бонье (Бельгия) — 1947, 1948 гг.
Андреа Кэкеши — Эде Кирай (Венгрия) — 1949 г.
Кэрол Кеннеди — Роберт Кеннеди (США) — 1950 г.
Риа Баран-Фальк — Пауль Фальк (ФРГ) — 1951, 1952 гг.
Дженнифер Никс — Джон Никс (Великобритания) — 1953 г.
Френсис Дефо — Роберт Боуден (Канада) — 1954, 1955 гг.
Элизабет Шварц — Курт Оппельт (Австрия) — 1956 г.
Барбара Вагнер — Роберт Поул (Канада) — 1957—1960 гг.
Мария Джелинек — Отто Джелинек (Канада) — 1962 г.

Марика Килиус — Ганс-Юрген Боймлер (ФРГ) — 1963, 1964 гг.
Людмила Белоусова — Олег Протопопов (СССР) — 1965—1968 гг.
Ирина Роднина — Алексей Уланов (СССР) — 1969—1970 гг.

Чемпионы Европы

Ольга Органишта — Шандор Салли (Венгрия) — 1930, 1931 гг.
Анни Брюне — Пьер Брюне (Франция) — 1932 г.
Ида Пацеп — Карл Цвак (Австрия) — 1933 г.
Эмилия Роттер — Ласло Соллаш (Венгрия) — 1934 г.
Макси Хербер — Эрнст Байер (Германия) — 1935—1939 гг.
Мишлен Ланнуа — Пьер Бонье (Бельгия) — 1947 г.
Андреа Кэкеши — Эде Кирай (Венгрия) — 1948, 1949 гг.
Марианна Надь — Ласло Надь (Венгрия) — 1950, 1955 гг.
Риа Баран-Фальк — Пауль Фальк (ФРГ) — 1951, 1952 гг.
Дженнифер Никс — Джон Никс (Великобритания) — 1953 г.
Эливиа Грандые — Мишель Грандые (Швейцария) — 1954 г.
Элизабет Шварц — Курт Оппельт (Австрия) — 1956 г.
Вера Суханкова — Зденек Долежал (Чехословакия) — 1957, 1958 гг.
Марика Килиус — Ганс-Юрген Боймлер (ФРГ) — 1959—1964 гг.
Людмила Белоусова — Олег Протопопов (СССР) — 1965—1968 гг.
Ирина Роднина — Алексей Уланов (СССР) — 1969—1970 гг.

Чемпионы СССР

Александра Быковская — Юрий Зельдович (Москва) — 1924 г.
Татьяна Кузнецова — Михаил Станкевич (Москва) — 1927 г.
Мария Ласкевич — Игорь Вонзблейн (Москва) — 1928 г.
Валентина Крылова — Иван Крылов (Ленинград) — 1933 г.
Раиса Гандельсман — Александр Гандельсман (Ленинград) — 1937, 1939 гг.
Татьяна Гранаткина — Александр Толмачев (Москва) — 1937, 1938, 1941, 1945—1951 гг.
Марина Гранаткина — Валентин Захаров (Москва) — 1952 г.
Майя Беленькая — Игорь Москвин (Ленинград) — 1953, 1954 гг.
Лидия Герасимова — Юрий Киселев (Москва) — 1955, 1956 гг.
Нина Жук — Станислав Жук (Ленинград) — 1957—1959 гг., 1961 г.
Татьяна Жук — Александр Гаврилов (Ленинград) — 1960 г.
Тамара Москвина — Александр Гаврилов (Ленинград) — 1965 г.
Людмила Белоусова — Олег Протопопов (Ленинград) — 1962—1964 гг., 1966—1968 гг.
Тамара Москвина — Алексей Мишин — 1969 г.
Ирина Роднина — Алексей Уланов — 1970 г.

Примечания

В 1908 и 1920 гг. соревнования по фигурному катанию проводились в рамках летних Олимпийских игр. В 1940 и 1944 гг. Олимпийские игры не состоялись.

С 1914 по 1921 г., с 1940 по 1946 г. и в 1961 г. чемпионаты мира не проводились.

С 1940 по 1946 г. чемпионаты Европы не проводились.

Первенства СССР с 1925 по 1926 г., с 1929 по 1932 г., с 1934 по 1936 г., в 1940 г. и с 1942 по 1944 г. не проводились. В 1937 г. первое место присуждено сразу двум парам.

Этапы спортивного пути

Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова

	Место
Олимпийские игры (зимние)	9-е—1960 г. 1-е—1964, 1968 гг.
Чемпионаты мира	13-е—1958 г. 8-е—1960 г. 2-е—1962—1964 гг. 1-е—1965—1968 гг. 3-е—1969 г.
Чемпионаты Европы	10-е—1958 г. 7-е—1959 г. 4-е—1960 г. 2-е—1962—1964, 1969 гг. 1-е—1965—1968 гг.
Спартакиады народов СССР (зимние)	1-е—1962, 1966 гг.
Чемпионаты СССР	3—4-е—1955 г. 4-е—1956 г. 2-е—1957—1959, 1961 гг. 1-е—1962—1964, 1966 — 1968 гг.

Примечание. Л. Белоусова и О. Протопопов не участвовали в первенствах: мира — 1959 г., Европы — 1961 г., СССР — 1960 и 1965 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	5
Глава, в которой рассказывается об одном детском воспоминании, ставшем для нас общим	7
Глава, в которой мы поочередно расскажем о том, как начиналось для нас фигурное катание, попутно изложив свою точку зрения на «проблему возраста» в спорте	11
Глава о некоторых давних случайностях, ставших для нас счастливыми	18
Глава, в которой мы расскажем о том, кто теперь называет себя нашим первым тренером, и о том, почему мы от него не могли не уйти	23
Глава о нашем международном дебюте и о том, что было потом	27
Глава, рассказывающая о «Грезах любви»	38
Глава, в которой будет рассказано об одной не слишком известной детали в жизни спортсмена, ставшего и мировым и олимпийским чемпионом, и других поучительных вещах	45
Глава о первой нашей Олимпиаде	55
Глава, посвященная нашей изобретательской деятельности	63
Глава, посвященная одному нашему выступлению, прошедшему, к сожалению, почти незамеченным, но имевшему для нас самое большое значение	70
Глава, посвященная нашему «серебряному» году и новым урокам борьбы уже на высшем уровне...	75
Глава, в которой мы действуем вместе с нашим тренером Игорем Москвиным, сопровождавшим нас от Инсбрука до Гренобля	83
Глава об Олимпиаде-64	88
Глава о первых выступлениях в новой роли	112
Глава, в которой мы впервые в этой книге обращаемся к своему дневнику — свидетелю каждого нашего шага на льду	121
Глава, которую мы начинаем рассказом об одном выступлении профессионального ревью на льду	130
Глава, в которой мы рассказываем о нашей обязательной программе и о принципах составления таких программ	140

Глава, посвященная вопросу чрезвычайно деликатному, но имеющему огромное значение для роста мастерства фигуристов	146
Глава, в которой мы расскажем о сезоне переломном, трудном для нас по многим причинам	157
Глава, в которой мы рассказываем о преодолении препятствий совершенно неожиданных, требующих ясного мышления и немедленной реакции	169
Глава о двух журнальных статьях	175
Глава, по существу, учебная, в которой мы рассказываем о своей произвольной программе для Олимпиады в Гренобле, о принципах ее построения, о том, что составляет ее суть	182
Глава о том, как мы стали двукратными олимпийскими чемпионами	190
Глава о сезоне, который мы проиграли	213
Глава об одном из тех животворных источников, где мы черпаем дополнительные силы	236
Глава о тех, кто помогал нам не жалея ни сил, ни времени, о людях хороших	242
Приложение	251

Людмила Евгеньевна Белоусова
Олег Алексеевич Протопопов
ЗОЛОТЫЕ КОНЬКИ С БРИЛЛИАНТАМИ

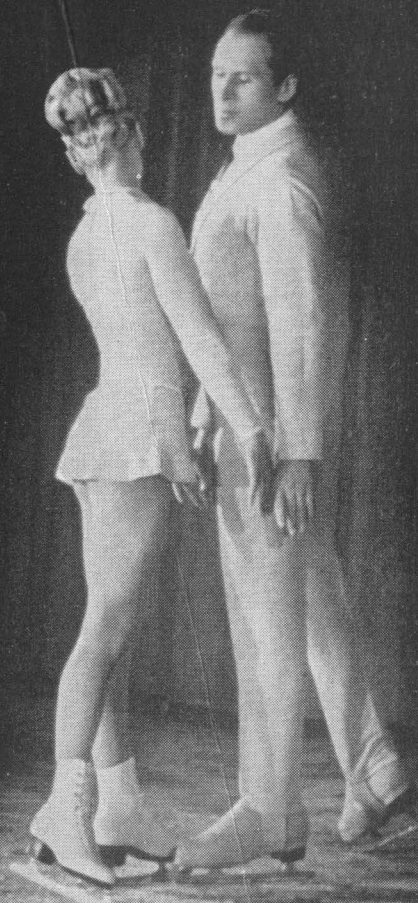
Редактор *И. Ю. Сосновский*
Художник *П. Г. Цепелинский*
Художественный редактор *В. К. Сафронов*
Технический редактор *Н. А. Суровцова*
Корректор *Л. В. Чернова*

А-00821. Сдано в производство 8/VII 1970 г. Подписано к печати 19/I 1971 г.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Печ. л. 8+1 п. л. вкл. Усл. п. л. 12,88.
Уч.-изд. л. 12,68. Бум. л. 4,05. Тираж 100 000 экз. Издат. № 3918. Цена 56 коп.
Зак. 1205

Издательство «Физкультура и спорт»
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, К-6. Каляевская ул., 27

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Чистое ледяное по-
ле лежит перед
нами

Мы начали тренироваться
вместе с Олегом в 1955
году

Тогда в соревнованиях
были разрешены и такие
поддержки

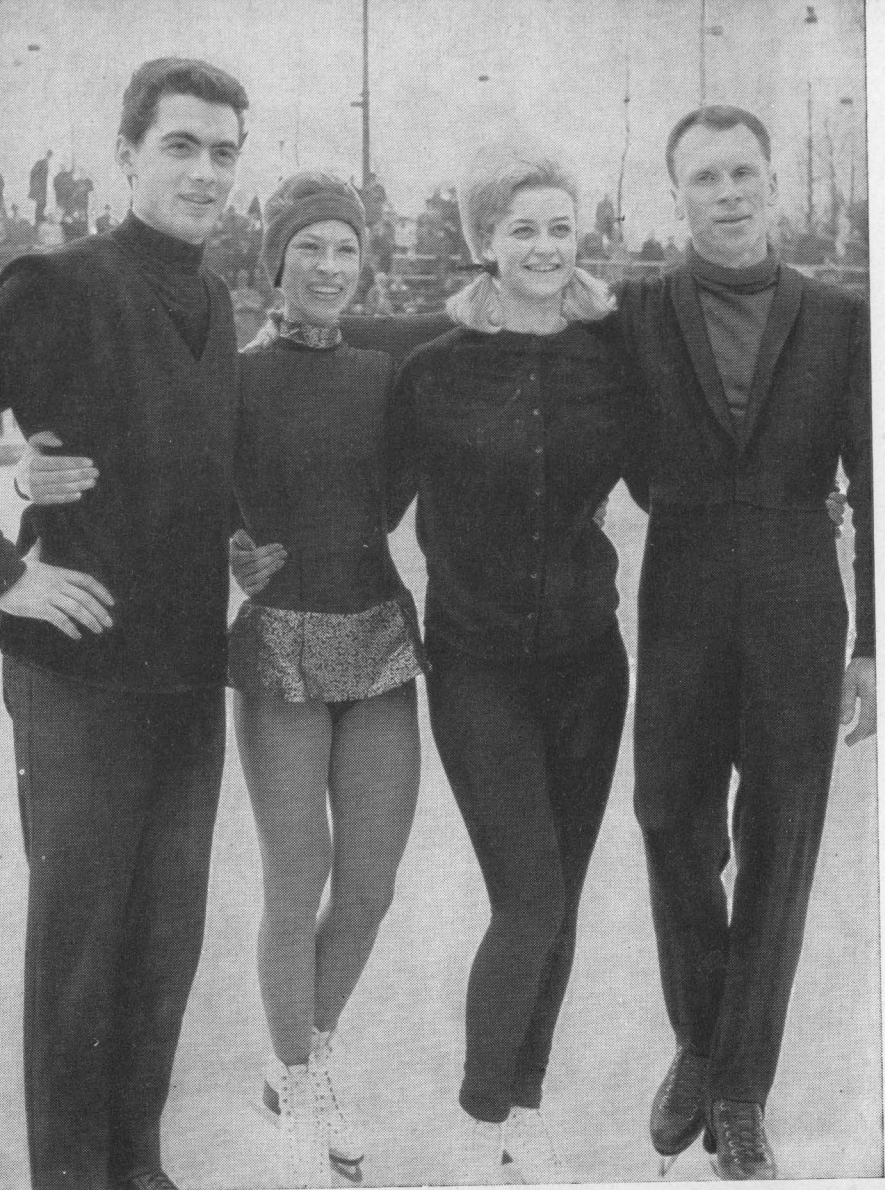

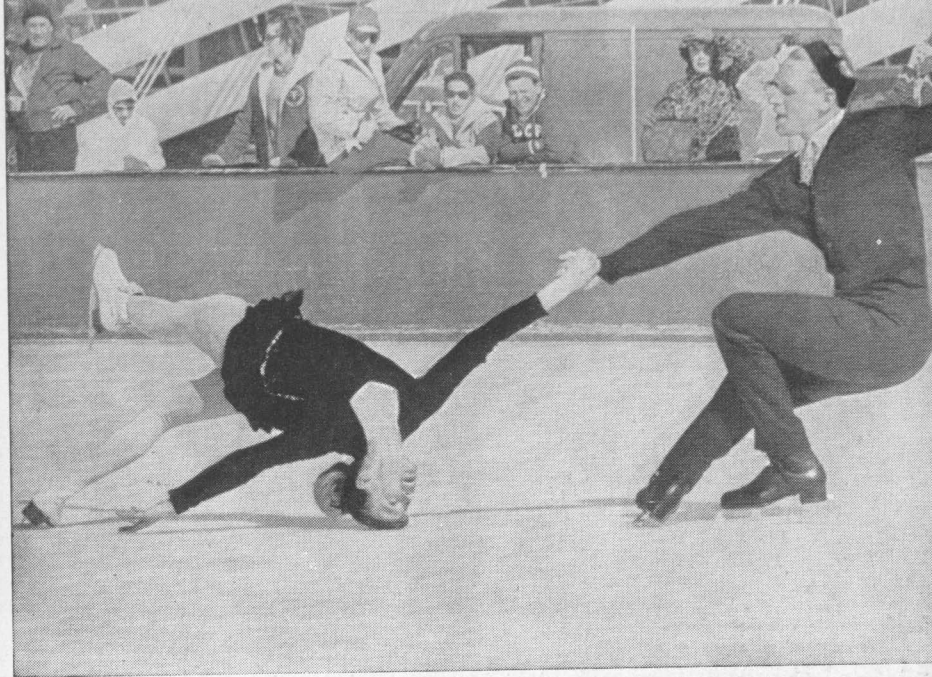

Первая золотая медаль...

Канадские фигуристы Джелинек пришли к нам в раздевалку, когда мы еще не знали, кто стал чемпионом мира 1962 года

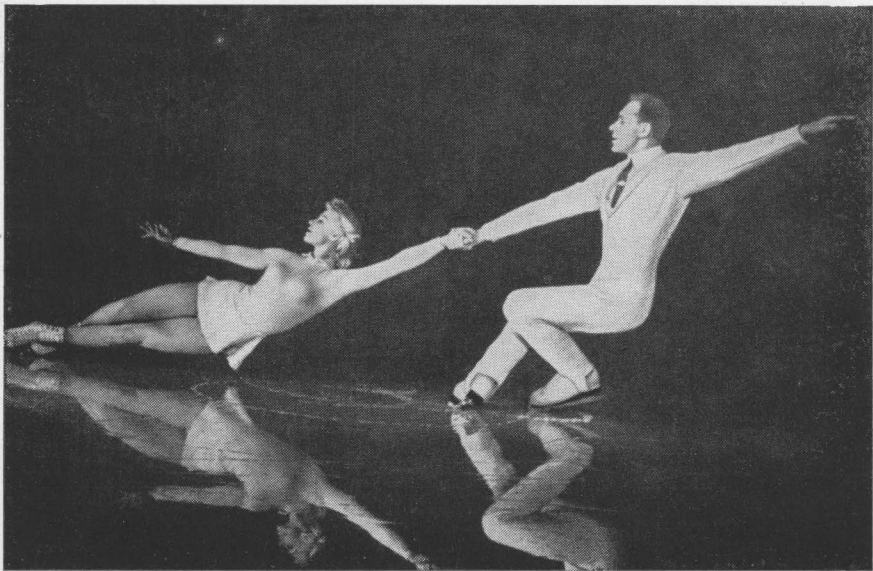

Тренировка на льду Скво-Вэлли

Много лет боролись мы со знаменитой парой из ФРГ — Марикой Килиус и Хансом Юргеном Боймлером

«Спираль жизни», изобретенная нами.

Круг почета

«Космическая спираль»

Вместе с «королями танца» — Дианой
Таулер и Бернардом Фордом

Лирическая обводка из «Размышлений»

Спортивный элемент в интерпретации нашей пары

«Грезы любви» были тепло встречены пражанами во время наших показательных выступлений после чемпионата мира

К ним приходят тысячи писем

Тренировка закончена. Какой же пульс?

Крос в заснеженном лесу под Вос-
кресенском

Даже во время отдыха на берегу моря мы
не забываем о своих будущих программах

Что видим мы в костре ночном?..

И еще любим мы подводную охоту: очень успокаивает она, и даже об очередном спортивном сезоне забываешь на несколько минут...

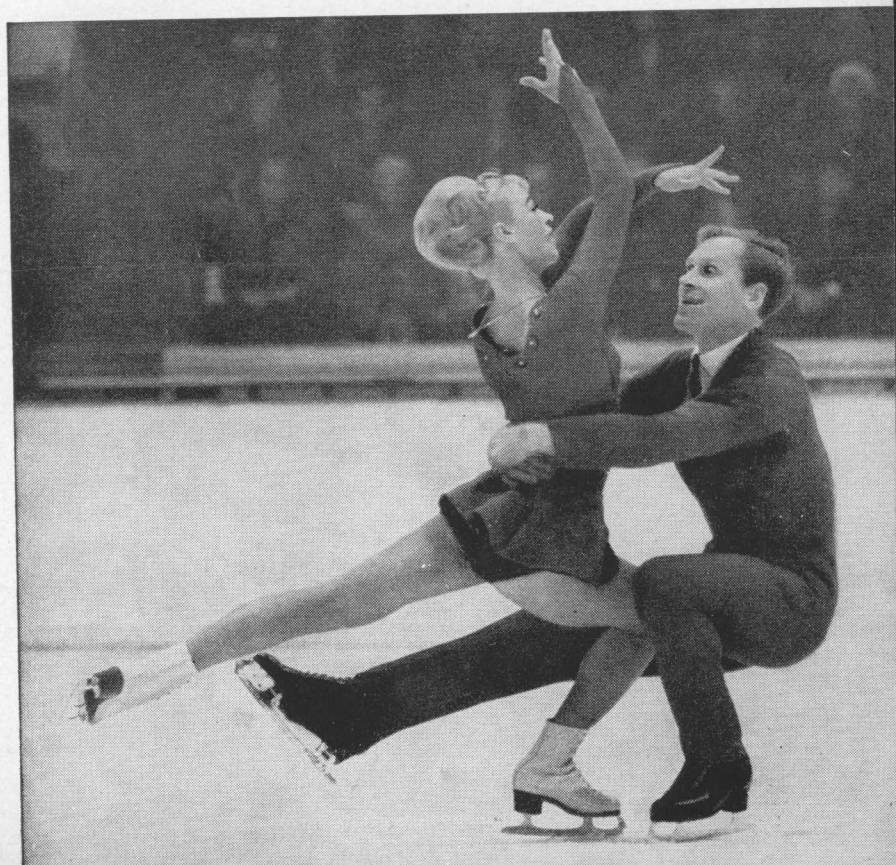
Посмотрим, как разминаются другие...

... И снова наша интерпретация спортивного элемента

Парный волчок каждая пара делает по-своему

Легкие, трепетные звуки
любимой мелодии

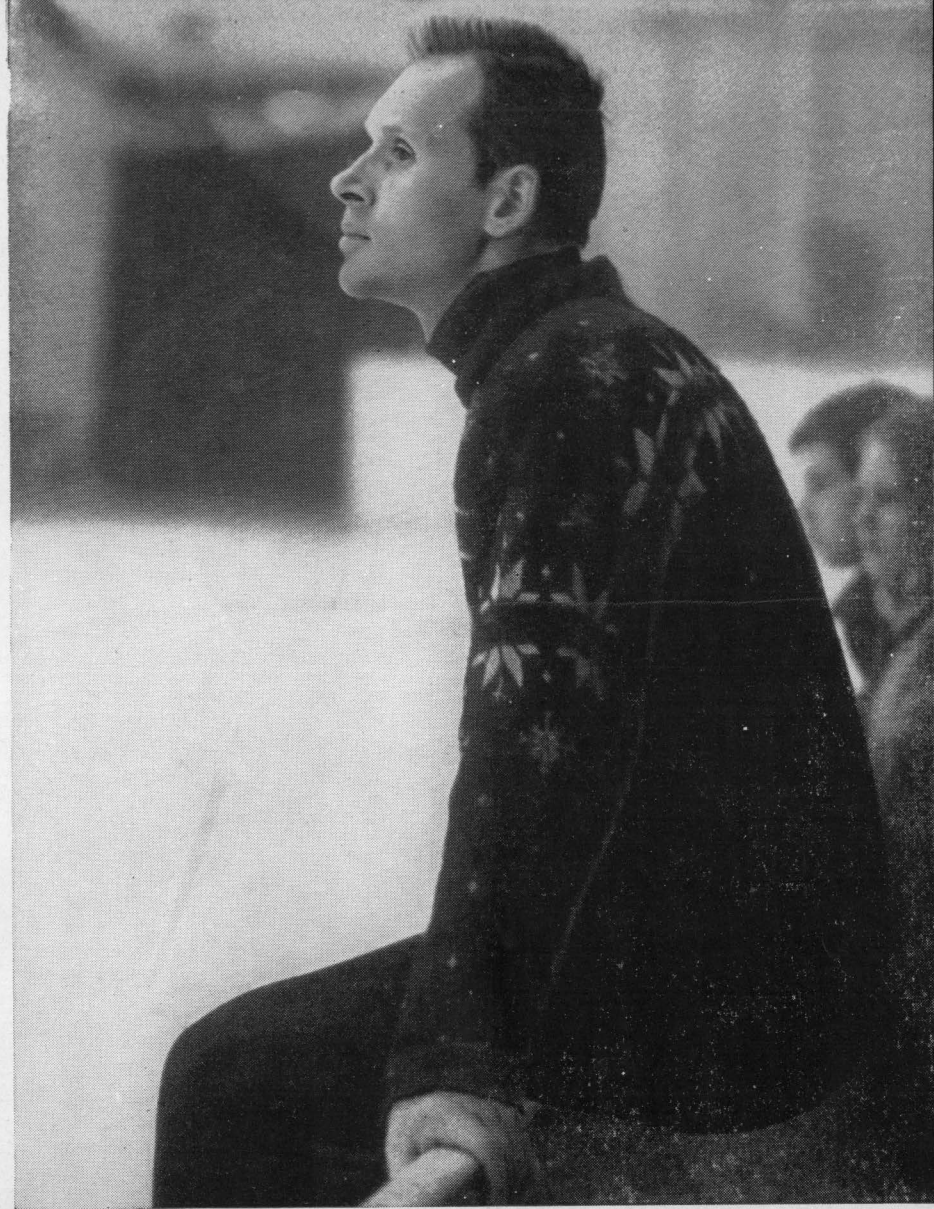

Стремительная «ласточка», несущая нас к
высотам олимпийского Гренобля

Надо повнимательнее прислу-
шаться к нашей мелодии...

У бортика...

«Нежность»...

После тренировки — прогулка
по ленинградским набережным

... Мы надеемся, что расстанем-
ся с вами совсем ненадолго

Цена 56 коп.

„ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ“
МОСКВА • 1971

